

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**
Выпуск 63

МОСКВА – 2021

УДК 81
ББК 81
Я41

*Печатается в соответствии с решением редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Редколлегия выпуска :

доктор филол. наук Е. Л. Бархударова; доктор филол. наук И. А. Бубнова;
доктор филол. наук И. В. Зыкова; доктор филол. наук А. И. Изотов;
доктор филол. наук В. В. Красных; доктор филол. наук Е. Ю. Мягкова

Рецензенты :

доктор филологических и доктор педагогических наук, профессор *Ю. Е. Прохоров*,
доктор педагогических наук, профессор *В. В. Молчановский*

Язык, сознание, коммуникация : сборник статей : Вып. 63 /
Я41 Отв. ред. серии В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва : МАКС
Пресс, 2021. – 156 с.

ISBN 978-5-317-06724-3

<https://doi.org/10.29003/m2522.lmc2021-63/1-156>

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Ключевые слова: фразеология, социолингвистика, лингвокультурологические исследования, идиома, лексикография.

УДК 81
ББК 81

Language – Mind – Communication : the collection of articles :
Issue 63 / Ed. by V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. – Moscow : MAKS Press,
2021. – 156 p.

ISBN 978-5-317-06724-3

<https://doi.org/10.29003/m2522.lmc2021-63/1-156>

The present issue includes articles which consider the most important problems of Russian studies, lingual-cultural studies, sociolinguistics, psycholinguistics and language teaching.

Keywords: Russian studies, English studies, sociolinguistics, psycholinguistics, lingual-cultural studies, idiom, corpus analysis; lexicography.

ISBN 978-5-317-06724-3

© Авторы статей, 2021

© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2021

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

<i>Бартми́нский Е.</i> В какой степени этнолингвистика как дисциплина реализует определенную научную парадигму? = <i>Bartmiński J.</i> To What Extent Ethnolinguistics as a Discipline Is the Certain Scientific Paradigm Realizing?	4
<i>Чернейко Л.О.</i> Языковая метафора и метафорическое мышление = <i>Cherneyko L.O.</i> Language Metaphor and Metaphorical Thinking	40
<i>Красных В.В.</i> Лингвокультурология как интегративная наука: вчера, сегодня, завтра = <i>Krasnykh V.V.</i> Linguoculturology as an Integrative Discipline: Yesterday, Today, Tomorrow.....	62
<i>Лазуткина Е.М.</i> Об образном характере процессов концептуализации = <i>Lazutkina E.M.</i> On the Imagery of the Conceptualization Processes.....	80
<i>Одинцова И.В.</i> Концепт <i>соборность</i> в русской языковой картине мира = <i>Odintsova I.V.</i> The Concept of <i>Conciliarity (Sobornost')</i> in the Russian Language Picture of the World.....	93
<i>Бабоса И.А., Ерофеев И.Д., Кульпина В.Г., Пшеничный А.М.</i> О свободе на платформе интердискурсивности и ценностных приоритетов крупным планом = <i>Babosha I.A., Erofeev I.D., Kulpina V.G., Pshenichnyy A.M.</i> Freedom on the Interdiscourse and Value Preferences' Platform Writing Large.....	109
<i>Кульпина В.Г.</i> Рина Павловна Усикова – лингвист, педагог и государственный человек = <i>Kulpina V.G.</i> Rina Pavlovna Usukova – Linguist, Teacher and Person of National Importance.....	148
Авторы выпуска / Authors	155

В КАКОЙ СТЕПЕНИ ЭТНОЛИНГВИСТИКА КАК ДИСЦИПЛИНА РЕАЛИЗУЕТ ОПРЕДЕЛЕННУЮ НАУЧНУЮ ПАРАДИГМУ?¹

Е. Бартминьский

TO WHAT EXTENT ETHNOLINGUISTICS AS A DISCIPLINE IS THE CERTAIN SCIENTIFIC PARADIGM REALIZING?

J. Bartmiński

ABSTRACT:

In the article the issue of ethnolinguistics' thesaurus compiling and scientific paradigm of this discipline is discussed. The review of contemporary ethnolinguistic researches is made. The problems of coherence of ethnolinguistics as a scientific discipline are considered. The thesaurus compiling is proposed to distribute to the stages; one of them it would be descriptive dictionary which steps back to the principles of normative dictionary creation. Side by side with the terms which maintenance has come to an agreement, the thesaurus would maintain also the terms specific for separate ethnolinguistics' schools.

Keywords: cognitive ethnolinguistics; dictionary; thesaurus; ethnolinguistic review; term; scientific paradigm of ethnolinguistics.

АННОТАЦИЯ

Ставится вопрос о создании тезауруса этнолингвистики и о научной парадигме этой дисциплины. Предпринят обзор современных этнолингвистических исследований. Обсуждаются проблемы когерентности этнолингвистики как научной дисциплины. Создание тезауруса предлагается распределить на этапы, одним из которых будет описательный словарь, отступающий от принципов формирования нормативного словаря. Наряду с терминами, относительно содержания которых достигнуто согласие, тезаурус будет содержать и термины, специфические для отдельных школ этнолингвистики.

Ключевые слова: когнитивная этнолингвистика; словарь; тезаурус; этнолингвистический обзор; термин; научная парадигма этнолингвистики.

1. В докладе я ставлю практический вопрос о возможности создания тезауруса современной этнолингвистики (культурно-антропологической лингвистики) и даю краткий обзор соответствующих исследований, пытаюсь выяснить, реализуется ли в трудах этнолингвистов (а также шире – в трудах, считающихся этнолингвистическими) определенная

---

¹ Статья впервые была опубликована в журнале *Južnoslovenski filolog* LXXVI, kn. 76. 2020. Sv. 2. S. 79–103. На русском языке статья публикуется впервые.

научная парадигма? Полагаю, что тезаурус, то есть «словарь, отражающий структуру сематического поля данного информационно-поискового языка, охватывающий дескрипторы, их соотношения и правила применения»², можно было бы создать лишь при условии, что у дисциплины есть четко очерченный предмет своих исследований и в меру взаимоувязанный понятийный и терминологический инструментарий. Тезаурус, с одной стороны, позволяет проверить понятийную связность дисциплины, а с другой стороны, может поддержать и даже потребовать соблюдение определенного порядка и систематичности в процессах индексации трудов и создания библиографий. Соответствует ли этнолингвистика как выделившаяся дисциплина (исследовательское направление), которой занимаются в наши дни в разных странах (славянских и не только), понятийному постулату когерентности? На каком уровне общих теоретических положений, применяемой методологии, комплекса основных понятий и терминов эта когерентность реализуется?

2. Данный текст является продолжением рассуждений, которые я представил в статье «В поисках парадигмы этнолингвистики: глоссарий ключевых терминов и понятий» [Bartmiński 2020]. В этой статье я привел дефиницию Томаса Куна, который выдвинул в отношении парадигмы два постулата: «Парадигма есть то, что признается членами научного сообщества, и, напротив, научное сообщество объединяет людей, которые признают некую парадигму» [Kuhn 1962/1970].

Вопрос о существовании парадигмы я отнес лишь к когнитивной этнолингвистике, которой занимаются в кругу люблинского ежегодника «Etnolingwistyka» 'Этнолингвистика'. После того, как я провел обзорное изучение статей, опубликованных в 30 томах ежегодника, обратившись к коронному произведению люблинских этнолингвистов – «Словарю народных символов и стереотипов» (*Słownik stereotypów i symboli ludowych* [SSiSL]) и к пятитомному «Аксиологическому лексикону славян и их соседей» (*Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów* [LASiS])³, разработанному международным коллективом исследовате-

---

² Интернет-словарь *Słownik języka polskiego PWN*; иными словами, «контролируемый словарь, охватывающий эквиваленты, их взаимоотношения и принципы применения», как информирует *Sternik* [on-line]. Biblioteka Narodowa. [доступ 2014-10-11]; о принципе составления тезауруса, см.: [Wóźniak-Kasperek 2005].

³ См. В библиографии LASiS. Т. 1–5.

лей⁴, я ответил на вопрос положительно. Да, люблинская когнитивная этнолингвистика отвечает обоим постулатам Куна. Это так, потому что:

(1) принимая почерпнутые из традиции определенные теоретические положения – подход к языку в контексте культуры, подход к языку как к орудию и результату интерпретации мира – люблинская этнолингвистика выработала взаимоувязанный методологический и аналитический инструментарий, который состоит, в частности, из принятия тройного базирования материала S-A-T (система – анкета – тексты) и комплекса ключевых понятий: стереотип (культурный концепт), когнитивная дефиниция, точка зрения и перспектива, профилирование и профиль, ценности и субъект;

(2) данный инструментарий встретился с одобрением многих исследователей, не только польских⁵.

Что касается инструментария, рецензенты подчеркивали его «систематичность» в случае «Словаря народных символов и стереотипов» [SSiSL см.: [Толстая 2018]], ср. также: [Толстая 1997, Толстая 2000, Толстая 2014]), а в случае «Аксиологического лексикона славян и их соседей» [LASiS] – «единую и когерентную методологию» [Федорова 2018], «единый метод» [Niewiara 2019], «единую методологию и общие параметры» [Кульпина, Татаринов 2019].

Что касается существования научных сообществ, признающих определенную методологию и понятийный инструментарий в качестве своей собственной, достаточно сказать, что SSiSL реализуется коллективом сотрудников (в основном студентов и аспирантов) С. Небжеговской-Бартминьской и Е. Бартминьским, а «Аксиологический лексикон славян и их соседей» [LASiS] был подготовлен кругом сотрудников в количестве 57 человек из 14 стран, которые разработали в целом ровно сто аналитических трудов по теме ДОМ, ТРУД, ЕВРОПА, ЧЕСТЬ и СВОБОДА; эти труды были написаны на основе аналогичных общих теоретических положений, они основываются на аналогичном материале и кодируются в большинстве случаев с помощью той же самой (или очень похожей) терминологии [Bartmiński 2015].

В результате в международных научных кругах появилось сочетание «Люблинская этнолингвистическая школа»⁶. С. Небжеговска-

---

⁴ «Лексикон уже тоже имеет свои национальные версии: сербская [Ajdačić 2015, Ajdačić 2019], литовская [Rutkovska, Smetona, Smetonienė 2017] и греческая [Korus 2019].

⁵ Данный инструментарий обсуждается подробно: [Bartmiński 2014] и [Niebrzegowska-Bartmińska 2020: 81–86], см. также далее; о трудах люблинского этнолингвистического сообщества: [Niebrzegowska-Bartmińska 2009].

Бартминская⁷ зафиксировала ее под названием «когнитивная этнолингвистика» наряду с другими славянскими этнолингвистическими школами: диалектологической Никиты Толстого и Светланы Толстой, этимологической Владимира Топорова и Вячеслава Иванова⁸, ономастической Александра Матвеева [Niebrzegowska-Bartmińska 2020: 45–95], добавим, также наряду с семантической Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева и др.

3. В данном докладе я ставлю далеко идущие общие вопросы **о парадигме этнолингвистики как таковой**. Существует ли общая парадигма для исследований этнолингвистического характера, т. е. исследований, принимающих своим предметом язык в соотношении с культурой человека и общества?

В данный момент мы оказываемся перед лицом проблемы, какие исследования без сомнения относятся к этнолингвистике (потому что сами авторы используют это название для собственной самоидентификации), а какие можно считать этнолингвистическими (в описанном выше смысле), хотя они проводятся в рамках иначе определяемых (или вообще не названных) дисциплин. Дело в том, что наряду с названием этнолингвистика⁹, которое по американскому примеру¹⁰ используется наиболее широко как восточными¹¹, так и западными¹² исследователями, используются и другие названия, вариантыные или сокращенные:

культурная лингвистика [Anusiewicz 1994],
cultural linguistics [Palmer 1996; Sharifian 2016],
kulturwissenschaftliche Linguistik [Kusse 2012],

---

⁶ См.: [Zinken 2004; Толстая 2005; Nепор-Ajdačić 2007; Bernárdez 2010; Vaňková 2010; Duličenko 2011; Кульпина, Татаринов 2012; Руденко 2014]; см. также: [Tabakowska 2013; Glaz 2018].

⁷ [Niebrzegowska-Bartmińska 2020: 45–67].

⁸ Такие два направления SSiSL – этимологическое и диалектологическое – в российской этнолингвистике выделяет Елена Березович [Березович 2009: 5] вслед за А. Журавлевым [Журавлев 1993].

⁹ В Польше *этнолингвистика* фиксируется в словарях с 1969 г. (в приложении к «Словарю польского языка» под ред. В. Дорошевского) и определяется как *‘культурно-антропологическая лингвистика’*.

¹⁰ Согласно Г. Сенфту [Senft 2012], название этнолингвистика предложил Бронислав Малиновский ровно сто лет тому назад (см.: [Malinowski 1920]).

¹¹ Никита Толстой [Толстой 1992, Толстой 1995], Светлана Толстая [Толстая 2005, Толстая 2006, Толстая 2010, Толстая 2018]; Александр Хроленко [Хроленко 2000], Aloyzas Gudavičius [Gudavičius 2000], Ирина Токарева [Токарева 2001], Валентина Конобродская [Конобродская 2003], Александр Герд [Герд 2005], Алена Руденко [Руденко 2014], Marija Stanonik [Stanonik 2017].

¹² [Pottier 1970; Кабакова 1993; Helbig 1982, Helbig 1986; Senft 1983/2012; Karstedt von 2004; Underhill 2012; Peeters 2015].

kulturanalytische Linguistik [Czachur 2017];
антропологическое языкознание [Chruszczewski 2011]; *anthropological linguistics* [Foley 1997];

а также названия, расширяющие охват дисциплины за счет антропологии или культурологии:

лингвистическая антропология [Duranti 1997; Ahearn 2013¹³, *лингвокультурология* [Воробьев 1997; Маслова 2001; Сабитова 2015];

ср. также «Linguistik als Kulturwissenschaft» (ред. Martin Wengler), «Lenguaje como cultura» ‘Язык как культура’ (Enrique Bernárdez);

лингвоконцептология [Левицкий и др. 2013]¹⁴.

Наилучшим названием, по моему убеждению, является *этнолингвистика*, и это по трем причинам: потому что она содержит в своей внутренней форме две основных отсылки: к языку и человеку («этносу» как человеческому сообществу, сформированному культурой), во-вторых, потому что это название (как я уже упоминал) распространено наиболее широко, в-третьих – что тоже важно – оно удобно, потому что от него можно легко создать и название исследователя (*этнолингвист*), и соответствующее прилагательное (*этнолингвистический*)¹⁵. Разную направленность этнолингвистических школ можно охарактеризовать путем добавления прилагательного: этимологическая, диалектологическая, ономастическая, когнитивная, как это сделала в своем обзоре С. Небжеговска-Бартмиńska [Niebrzegowska-Bartmińska 2020: 43–67].

---

¹³ Gunter Senft, автор словарной статьи «Etnolingwistyka» (*Ethnolinguistik*) [Senft 2012] в немецком учебнике по этнологии после сопоставления двух фундаментальных англоязычных произведений – «Антропологической лингвистики» [Foley 1997] и «Лингвистической антропологии» [Duranti 1997], констатировал, что оба они соединяют в себе языкознание и народоведение, и пришел к выводу, что базовые формулировки можно рассматривать как синонимичные (хотя и отметил, что центры тяжести обоими авторами распределены несколько иначе); в своей работе оба названия он подвел под *этнолингвистику* в понимании Бронислава Малиновского, которого счел создателем термина). В то же время он отнес этнолингвистику к общественным наукам (Sozialwissenschaft).

¹⁴ В качестве поддисциплины лингвистики этнолингвистика ставится рядом с *психолингвистикой*, *социolingвистикой* и *эколингвистикой*, которые рассматривают язык в его соотношении с психикой, обществом и окружающей средой.

¹⁵ На польской почве термин *этнолингвистика* впервые зафиксирован в 1969 г. в *Приложении к «Словарю польского языка»* под ред. В. Дорошевского, где дана ее общая дефиниция как ‘лингвистики, занимающейся исследованием отношений между языком и культурой’. Систематический интерес к этнолингвистической тематике проявился в 80-х годах XX века в рамках вроцлавско-люблинского постоянно действующего семинара «Язык и культура», когда начали выходить две издательских серии: вроцлавская «белая» под назв. «Язык и культура» и люблинская «красная», а также ежегодник «Этнолингвистика».

В то же время недостаточно сказать, что название *этнолингвистика* имеет в своем первом элементе отсылку к *этносу* (греч. *éthnos* ‘люди, племя, народ, общественность’), потому что этот элемент может выполнять две разные функции, объектную или субъектную. В названиях типа *этнография, этнология, этногенез, этномузыкология* он имеет объектное значение, речь идет об этносе как объекте исследований и описания (в общем плане или под каким-то углом зрения), а в новейшей серии названий, таких, как *этнонаука, этнометодология, этномедицина, этнолингвистика* – приобретает объектное значение: речь идет о реконструкции картины мира, верований и культурных практик с *перспективы самого носителя* языка, члена данного культурного сообщества. В таком духе образуются в последнее время названия частного типа *этносинтаксис, этнофилософия, этнотеология* [Wierzbicka 1979/1999], *этнопрагматика, этнофразеология, этнолексикология, этнориторика, этноаксиология* [Peeters 2015] и т. п. Из широкого поля, очерченного всеохватной лингвистикой, выделяются более мелкие части, в большей мере поддающиеся наблюдению, анализу и описанию с учетом перспективы субъекта-концептуализатора.

Дефиниции объекта исследований и исследовательских задач во всех этнолингвистических работах (независимо от различий в способах названия дисциплины) близки друг другу на общетеоретическом уровне; на уровне же исследовательских полей, типа привлекаемых данных и применяемых методов анализа они дифференцированы; на уровне основных понятий и терминов – в немалой степени различны. Я вернусь к этому в заключении.

4. Общие элементы мы можем искать, осуществляя обзор исследований и исходя из работ «отцов-основателей» дисциплины – от Гердера и Гумбольдта, американских классиков: Боаса, Сепира, Уорфа, Малиновского, Хаймса, через французские работы (Потье, Кабакова), английские (Андерхилл), новейшие немецкие (Вайсгербер, Сенфт, фон Карлстед, Косселлек), канберрскую школу Вежбицкой и вплоть до славянских стран, в которых, по определению Никиты Толстого, этнолингвистика переживает свое «второе рождение».

4.1. В Америке, считающейся родиной дисциплины, этнолингвистика сосредоточена на исследованиях индейских языков и языков этнических меньшинств (в трудах Ф. Боаса, Э. Сепира и Б.Л. Уорфа); она получает здесь следующую дефиницию: “The study of language in relations to ethnic types and behaviour, especially with reference to the way social interaction proceeds” [Crystal 1987: 412].

Колоссальное влияние на американские исследования оказал Франц Боас (1858–1942), инициатор исследований индейских языков. Боас подчеркивал неразрывную связь культуры и языка, навязывающего свои неосознаваемые категории культуре; он постулировал запись текстов на оригинальных языках; приоритетом были для него эмпирические исследования автохтонных культур и языков Америки. Термин «культура» он применял в значении «речевого сообщества». Язык был для него ключевым элементом, элементом парадигмы исследований, «первоклассным инструментом, позволяющим проникнуть в сознание носителей исследуемых языков», поэтому его называют «отцом мысли, которую впоследствии окрестили именем так наз. гипотезы Сепира – Уорфа» [Chruszczewski 2011: 30], известной также под названием гипотезы языкового релятивизма.

Его ученик Эдуард Сепир (1884–1939) считал язык ключом к культуре и мысли. Он писал: «**Миры, в которых живут разные общества, есть отдельные миры**, а не тот же мир, лишь снабженный другими этикетками» [Sapir 1978: 88].

Согласно Сепиру, если исследования над терминологией проливают свет на историю изобретений и идей, то «нам можно считать язык символическим проводником по культуре» [Sapir 1978: 89]. Упомянутая гипотеза языкового релятивизма имеет два варианта: слабый и сильный. Слабый вариант: язык влияет на мышление (Сепир), сильный, более радикальный, провозглашает, что язык предопределяет мышление, а соответственно, и поведение – в понимании ученика Сепира Бенджамина Ли Уорфа (1907–1941). Уорф писал:

«Наше мышление – это всегда мышление на каком-то языке, на английском, на санскрите или на китайском. Любой язык представляет собой обширную и отдельную систему образцов, санкционирующую культурные формы и категории, с помощью которых мы не только общаемся друг с другом, но и, более того, анализируем действительность, выделяя или опуская в ней какие-то типы отношений и явлений, с помощью которых мы понимаем и с помощью которых мы заполняем наше сознание» [Whorf 1982: 339–340]. «Наблюдающие не формируют для себя ту же самую картину мира на основе тех же самых физических фактов, если их языковая база не похожа или как минимум не сопоставима» [Whorf 1982: 285].

Гипотеза языкового релятивизма, будучи противоположностью языкового универсализма, хотя и вызывает некоторые противоречия (о чем, в частности, писал А. Климчук [Klimczuk 2013]), тем не менее, она постоянно вдохновляет ученых (см.: [Leavitt 2015]); эта гипотеза послужит

ла в том числе и делу эмпирических исследований проявлений «нового» тоталитарной власти (см.: [Klimczuk 2013]); она присутствует в дискуссиях транслатологов на тему границ переводимости или же непереводимости языков (см.: [Głaz 2019]).

4.2. В то же время корни американской этнолингвистики восходят, несомненно, к немецкой философской антропологии на рубеже XVIII и XIX веков, особенно к трудам Гердера и Гумбольдта.

Франц Боас, учитель первого поколения американских антропологов языка, первые годы своего формирования как ученого провел в Германии и перенес европейские концепции в Америку. Таким образом, в поисках истоков этнолингвистических концепций стоит вернуться к немецким истокам, вдохновляющее влияние которых признают как российские исследователи (Н. Толстой), так и польские (Я. Анусевич, П. Хрущевский и др.). Чаще всего приводятся труды Гердера и Гумбольдта.

Иоганн Готтфрид Гердер (1744–1803) как исследователь духовности обществ подчеркивал связь культуры с языком, показывал специфику поэзии и языка, подчеркивал значение народных песен для развития национальных культур, человечности (*Humanität*); он представил оригинальную культурную (не политическую) концепцию народа как автономной сущности, высоко ценил культуру славянских народов. Он подчеркивал креативность языка в передаче опыта и картины мира, зависимость от культурного и исторического контекста, необходимость отделять культуру от природы; он сумел увидеть историческую и пространственную дифференциацию культур: «Каждый народ обладает собственным резервуаром мыслей, которые стали знаками, этим резервуаром является язык: это резервуар, в который вносили свой вклад столетия <...> – это сокровищница мыслей всего народа»¹⁶.

Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) в европейской гуманитарной мысли отмечен как философ языка и антрополог, глашатай идеи «духа народа» и «духа языка», создатель концепции языка как деятельности (*energeia*), а не как завершенного дела, продукта (*ergon*), языка как посредника между человеком и внешними предметами. Он подчеркивал познавательную функцию языка, его связь с мышлением:

«Путем взаимозависимости мысли и слова ясно то, что языки, собственно говоря, не являются средствами, предоставляющими уже познанные истины, но являются чем-то значительно большим, а именно – средством открытия истин пока не познанных. Их разнородность не

---

¹⁶ Herder J.G. Werket. II. Berlin, 1877: 13; цит. по: [Anusiewicz 1994: 23].

есть лишь разнородность звуков и знаков, но, собственно говоря, разнородность самих мировидений»¹⁷.

Особенно значимой оказалась его концепция внутренней формы языка и языковой картины мира (*sprachliche Weltansicht*). Современные исследователи интерпретируют эти общие (не до конца ясные и точные) утверждения Гумбольдта, дифференцируя *Weltansicht* как ‘картину мира’ и *Weltanschauung* как ‘мировоззрение’, то есть «комплекс убеждений на тему мира и людей, проявляющийся в языковых высказываниях» [Trabant 2012: 135], и даже идут далее, разделяя употреблявшиеся Гумбольдтом попеременно понятия на пять: в *Weltansicht* выделяются ‘видение мира’ (*world-perceiving*) и ‘концептуализирование мира’ (*world-conceiving*), а в *Weltanschauung* – ‘культурная ментальная рамка’ (*cultural mindset*), ‘личный мир’ (*personal world*) и ‘перспектива’ [Underhill 2009: 147–153].

4.3. В то же время не вся англоязычная этнолингвистика имеет немецкую родословную. Другие источники были и у особенно широко сейчас известных и комментируемых исследований Бронислава Малиновского и Делла Хаймса.

Бронислав Малиновский (1884–1942), поляк, пишущий в основном по-английски, исследовал экзотические языки на островах Меланезии, где проводил полевые исследования методом участвующего наблюдения. Он является создателем этнолингвистической концепции языка [Kijewska-Trembecka 1984]. Этнолингвистику он располагал на стыке лингвистики и этнографии. Он подчеркивал тесную связь языка с культурой; особый упор делался им на соотношении значений слов с прагматическим контекстом и со всей ситуацией употребления слова.

Чтобы показать значение слов, мы должны дать не только звучание высказывания и эквивалент значения. Прежде всего мы должны дать прагматический контекст, в котором они были сказаны, корреляции между звучанием и контекстом, деятельностью и технической аппаратурой [Malinowski 1935/1987: 110]. «Лингвистика без культурных основ всегда будет карточным домиком. Столь же верна истина, что без языка знания о каком-либо аспекте культуры являются неполными» [Malinowski 1935/1987: 54]. В работе 1920 года на тему *классификационных форм* в языке киривина он первым заговорил об этнолингвистической теории. «Выше мы представили [классификационные формы] в основном как языковой факт. Но это также основание выдвинуть посту-

---

¹⁷ Humboldt W. Gesammelte Schriften. T. IV. Berlin, 1968: 27; цит. по: [Anusiewicz 1990: 279].

лат общего плана, то есть необходимости выработки *этнолингвистической теории* (разрядка наша. – Е.Б.), такой, которая служила бы в качестве проводника в реализуемых среди автохтонного населения языковедческих изысканиях в связи с этнографическими исследованиями» [Malinowski 1920: 69]¹⁸.

В комментарии к книге Огдена и Ричардса *The Meaning of Meaning* (1923) Малиновский описал новый тип функций языка, фатическую коммуникацию, которая служит исключительно поддержанию контакта, а не передаче информации [Pisarkowa 2000 II: 25]. Малиновский упрекал Сепира, что тот недооценил прагматический аспект речи [Malinowski 1935]/1987: 109]. Фундаментальный труд Малиновского «Коралловые сады и их магия» (от 1935 года, польский перевод от 1987 года) содержит великолепный этнолингвистический анализ *магических заклятий, благославлений, экзорцизмов* и т. п., соединяющий в себе словесные тексты с ситуационными и культурными контекстами¹⁹. Прагматический контекст речи сделал главным предметом лингвистической антропологии Делл Хаймс (Dell Hymes 1927–2009), социолингвист, обращающийся к пражской структурной школе; он вошел в историю американской антропологии благодаря своей концепции *этнографии речи (ethnography of speaking)* и понятию *коммуникативной компетентности (communicative competence)*. Свой способ сам Хаймс определял как *S-P-E-A-K-I-N-G model* из 8 компонентов (первые буквы образуют акроним):

Setting and scene – место и время, за которое совершается речевой акт;

Participants – отправитель и получатель;

Ends – цели;

Act sequence – последовательность деятельности, форма и контекст события;

Key – ключ, указание, предопределяющее «дух конверсации»;

Instrumentalities – орудия, или же формы и стиль речи;

---

¹⁸ Согласно словарю Вебстера, первое употребление англ. термина *ethnolinguistics* приходится как раз на 1920 год. Г. Сенфт [Senft 2012] утверждает, что это именно Малиновский является создателем термина *этнолингвистика (ethnolinguistics)*.

¹⁹ В 1980–2004 гг. Научное издательство WYDAWNICTWO NAUKOWE PWN издало в переводе на польский язык тринадцатитомные сочинения Бронислава Малиновского. Учеником малиновского и последователем его метода «участвующего наблюдения» является немецкий исследователь языка островов тробриан Гюнтер Сенфт, автор *The Trobriand Islanders' Ways of Speaking* (2010), который подтвердил верность описаний малиновского; см. [Senft 2020].

Norms – общественные нормы, общепринятые правила поведения;

Genre – речевой жанр.

Д. Хаймса интересовало скорее место языка в культуре, чем место культуры в языке.

5. Важной в наши дни научной школой в кругу исследователей, пишущих по-английски, которую невозможно обойти молчанием, когда речь идет о современных этнолингвистических исследованиях, является созданная **Анной Вежбицкой** в Канберре (Австралия) теория NSM – Natural Semantic Metalanguage, то есть Естественного семантического метаязыка. В настоящее время это самый широко известный метод исследования отношения *язык – разум – культура* на уровне межкультурной семантики²⁰.

Научное творчество Анны Вежбицкой развивалось двумя этапами – варшавским и канберрским. Варшавский период завершился изданием в 1972 г. книги *Lingua mentalis*, которая соержала идею разделения сложных значений на простые по принципу, сформулированному Готтфридом Вильгельмом Лейбницем (1646–1716), автором концепции «алфавита человеческой мысли» (*alphabetum cognitionum humanarum*), о которой по прошествии многих лет вспомнил Анджей Богуславский. Эта концепция является фундаментом принятой ею теории значения и лейтмотивом всех ее семантических работ, как тех, которые касались отдельных групп лексики (*Lexicography and conceptual analysis*, 1985; *Semantics, Culture and Cognition*, 1992; *Understanding cultures*, 1997; *Emotions*, 1999), так и текстов евангелических притч (*What Did Jezus Mean*, 2001) или проблем межчеловеческого взаимодействия (*Cross-culture pragmatics*, 1991). Насколько не поддающиеся определению семантические атомы являются общими для всех языков мира, универсальными, гарантирующими межкультурное соглашение, настолько в отдельных языках функционируют их своеобразные, культурно обусловленные конфигурации. А. Вежбицкая сковала себя жесткими правилами относительно количества этих «атомов»; она начала с небольшого количества 13 единиц в книге *Lingua mentalis* (1972): *я, ты, это, кто-то, что-то, мир, хотеть, не хотеть, говорить, становится*,

---

²⁰ Ср. название книги Анны Вежбицкой «Язык, разум, культура», являющейся ее Избранными сочинениями, переведенными на польский язык и изданными варшавским научным издательством Wydawnictwo Naukowe PWN в 1999 году под редакцией Е. Бартомиńskiego. О положениях своей теории сама А. Вежбицкая говорила 16 декабря 2020 г. на интернет-конференции в Москве в докладе *Universal Semantic Primitives, fifty years later* (компьютерозапись).

думать о, представлять себе, быть частью чего-нибудь – с ходом времени она увеличивала их запас до 37 (1993), затем 55 (1996), а списком, представленным в книге *Experience, Evidence and Sense* (2010) были охвачены 64 таких единицы.

"substantives":	Я, ТЫ, КТО-ТО, ЧТО-ТО, ЛЮДИ, ТЕЛО
"relational substantives":	ЧАСТЬ, РОД
"детерминаторы":	ЭТОТ, ТОТ ЖЕ САМЫЙ, ДРУГОЙ,
"квантификаторы":	ОДИН, ДВА, НЕСКОЛЬКО, МНОГО, МАЛО, ВСЁ
"эвалюаторы":	ХОРОШИЙ, ПЛОХОЙ
"дескрипторы":	БОЛЬШОЙ, МАЛЫЙ
"ментальные предикаты":	ДУМАТЬ, ЗНАТЬ, ХОТЕТЬ, НЕ ХОТЕТЬ, ЧУВСТВОВАТЬ, ВИДЕТЬ, СЛЫШАТЬ
"речь":	ГОВОРИТЬ, СЛОВО, ПРАВДА
"деятельность, события, движение, контакт":	ДЕЛАТЬ, СЛУЧАТЬСЯ, ДВИГАТЬСЯ, КАСАТЬСЯ
"локализация, существование, владение, спецификация":	БЫТЬ (ГДЕ-ТО), БЫТЬ (СУЩЕСТВОВАТЬ), ИМЕТЬ, БЫТЬ (КЕМ-ТО/ЧЕМ-ТО)
"жизнь и смерть":	ЖИТЬ, УМИРАТЬ
"ВРЕМЯ":	КОГДА/ВРЕМЯ, СЕЙЧАС, ПЕРЕД, ПОСЛЕ, ДОЛГО, КОРОТКО, ЗА КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ, В ОДИН МОМЕНТ [in one moment]
"пространство":	ГДЕ/МЕСТО, ЗДЕСЬ, ПОД, НАД, ДАЛЕКО, БЛИЗКО, СТОРОНА [side], ВНУТРИ
"логические понятия":	НЕТ, МОЖЕТ БЫТЬ, МОЧЬ, ПОСКОЛЬКУ [because], ЕСЛИ
"интенсификатор, аугментатор":	ОЧЕНЬ, БОЛЬШЕ
"сходство":	КАК

На очередном этапе развития теории, под влиянием, как представляется, своего ученика Клиффа Годдарда, наряду с универсальными единицами, она оперирует также комплексом «частичек» (молекул); напр., в книге *Lexigraphy and Conceptual Analysis* (1985) есть такие слова, как *дерево, земля, губы, рука; есть, вложить, готовить; сок, тепло, легко, красиво; твердый, зеленый* и т. п.

А. Вежбицкая внесла значительный вклад в теорию и практику лексикографических дефиниций. При составлении дефиниций она прежде всего постулирует два принципа: методичности и понятности составления дефиниций. Она предостерегает перед заколдованными кругами в дефинициях, отвергает синонимичные «дефиниции», борется с пороками дефиниций типа *ignotus per ignotius* (определять неизвестное через неизвестное). Она недвусмысленным образом решает вопрос о типе знаний, к которым должна быть обращена словарная дефиниция. Это должны быть знания, закрепившиеся в обиходно-разговорном языке, который выражает субъективный опыт и интуицию среднего носителя языка. По ее мнению, в основе языка лежит «ощущающий субъект». А. Вежбицкая на многочисленных примерах показала и доказала субъективный характер значения и приняла соответствующую этой позиции семантическую методологию. Принятая ею модель семантического описания ставит в центр *Я*, которое что-то чувствует, мыслит, представляет себе, говорит – пребывая в реляциях с *ТЫ*, с которым ведет диалог. Ее дефиниции, напр., речевых актов и жанров, созданы с перспективы первого лица в оппозиции к структуралистской и генеративистской безличности семантики Хомского. Язык является экспонентом культурных ценностей, поэтому мнимо синонимичные слова, такие, как *ojczyzna – Vaterland – родина; свобода – libertas – freedom или рус. душа – англ. soul* и т. п., имеют в отдельных языках специфическое значение.

Радикальный лингвистический «семантицизм» – признание примата семантики в исследованиях языка – побудил Вежбицкую поставить рядом с традиционно выделяемой лексической семантикой также грамматическую семантику (книга *Semantics of grammar*, 1988), семантику коммуникативного поведения (книга *Cross-cultural Pragmatics*, 1991) и семантику текста (том *What Did Jesus Mean*, 2001).

А. Вежбицкая сумела «примирить» языковой релятивизм под знаком Сепира и Уорфа с универсализмом на уровне семантических «атомов» [Bogusławski 1991]. Во многих пунктах своей программы Вежбицкая обращалась к антропологическому подходу Гумбольдта и в особенности Сепира. В Австралии она создала динамичный коллектив исследователей (Cliff Goddard, Bert Peeters, Carsten Levisen и другие), применяющий

созданные ею методы описания к разным языкам. Ее программа исследований, несомненно, отвечает обоим условиям, выдвинутому Т. Куном в отношении научных парадигм.

6. Как выглядит ситуация с этнолингвистическими исследованиями в самой Германии, откуда в свое время исходили наиважнейшие импульсы, побуждающие подходить к языку в культурном контексте? Эту ситуацию, богатую разнообразными свершениями, невозможно представить однозначным образом.

6.1. С одной стороны, ситуация такова, что романтические концепции Гумбольдта были возобновлены лишь через сто лет в рамках так наз. **грамматики содержания** и – как написал Хельбиг – грамматика содержания стала «главной языковой концепцией западнонемецкого языкознания» [Helbig 1982: 129]. Его самым выдающимся представителем был **Лео Вайсгербер** (1899–1985), критически оценивавшийся в ГДР за его довоенные нацистские связи. Он перенял от Гумбольдта три идеи: каждый язык содержит в себе особое мировоззрение; язык является деятельностью, энергией, а не продуктом; национальный язык обладает «внутренней формой»²¹. Отождествление Вайсгербером языкового сообщества с национальным сообществом и его тезис о праве на язык и о «народообразующей силе языка» имели – по оценке Хельбига – негативные политические последствия [Helbig 1982: 154–155]. Согласно Вайсгерберу, язык как духовно-понятийная сущность является посредником между миром и человеком, он образует языковой *Zwischenwelt*, который является мысленным преобразованием мира, интерпретацией, а не его простым отражением [Guz 2012: 120]. Ученик Вайсгербера Гиппер знаменательным образом назвал том в честь учителя «Язык – ключ к миру», выразив таким образом парадоксальную мысль, что язык открывает мир и одновременно закрывает его в своих формах [Anusiewicz 1990: 287]. В исследованиях лексики Вайсгербер и близкие ему исследователи (Й. Трир, В. Порциг, Г. Ипсен) оперировали понятием *семантического поля*, которое позволяет преодолевать изоляционизм и описывать не отдельные слова, но их системно организованные комплексы [Guz 2012: 124].

6.2. С другой стороны (как и французские ученые, см. [Кабакова 1993]), немецкие исследователи соотношения *язык – культура* охотнее,

---

²¹ Под понятием внутренней языковой формы Вайсгербер понимает «любые проявления познания, содержащиеся в понятийной структуре лексики и в содержании синтаксических форм языка» [Helbig 1982: 135]; там же другая литература на тему «внутренней формы языка»).

чем к собственной традиции обращались к трудам американских этнологов и антропологов культуры и стали связывать заново этнолингвистику с гуманитарной антропологией, а также с динамично развивающейся социолингвистикой. Так, например, Гюнтер Сенфт, автор словарной статьи *Этнолингвистика (Ethnolinguistik)* [Senft 2012] в немецком учебнике этнологии представил достижения этнолингвистики, ссылаясь на авторов, пишущих по-английски. Обращаясь к *Антропологической лингвистике* Уильяма А. Фоли [Foley 1997] и к *Лингвистической антропологии* Алессандро Дуранти [Duranti 1997], он интерпретировал их как другие названия той же этнолингвистики. По мнению Сенфта, хотя у немецкой этнолингвистики за спиной длительная историческая традиция, восходящая к Й.Г. Гердеру, В. фон Гумбольдту и Ф. Шлейермахеру, которые открыли, что в языке заключена культура всего языкового сообщества (*Sprachgemeinschaft*) и что невозможно адекватно описать ни культуру без учета языка, ни языка без учета культуры; при этом реальные основы для становления современной этнолингвистики как отдельной поддисциплины создали Бронислав Малиновский и Франц Боас, признание же этнолингвистики самостоятельной дисциплиной предопределили такие факторы, как растущий интерес к социолингвистике и лингвистической прагматике, когнитивный разворот в лингвистике и этнологии, возникновение когнитивной антропологии и возобновившийся интерес к гипотезе Сепира–Уорфа, связанной с языком и мышлением.

6.3. В современной Германии этнолингвистика получает дефиницию не через понятие народа (которым злоупотребляли), но как «исследование языка и речи под углом зрения культурной обусловленности и на фоне этнологических культурных концептов», – как пишет Дарс фон Карстедт в изданной в Гамбурге в 2004 году книге *Sprache und Kultur. Eine Geschichte der deutschsprachigen Ethnolinguistik*. В то же время в исследовательской практике образовался «конгломерат» («не очень понятный»), к которому “alles zu gehören scheint, was Sprache und in irgendeiner Weise berührt” (‘кажется, относится всё, что каким-то образом соприкасается с языком’) [Karstedt von 2004: 250].

«Этнолингвистическими сочли труды над реконструкцией дописанных языков, над разработкой семантических и идеологических категорий, исследования, касающиеся языковых контактов, развития мышления, исследования сказок и мифов, диалектологию, исследования языковой политики, использование языка в разных общественных и культурных контекстах, запись языковых данных в рамках этнографических описаний, формально-языковые классификации дописанных

языков, работа над связью языка с картиной мира, исследования языковой и этнической идентичности, исследование обыденных знаний и идеологических сюжетов, содержащихся в языке, а также труды над вымиранием языков и языковых меньшинств» [Karstedt von 2004: 248].

Такая разнообразная, перечислительная (эклетичная) программа этнолингвистики, не стремящаяся к системно выстроенной парадигме Т. Куна, представлена также в обобщающем изложении предмета лингвистики у Гюнтера Сенфта [Senft 2012 (1983)].

6.4. На волне послевоенных расчетов с нацистским прошлым и в духе поворота лингвистической гуманистики (*linguistic turn*), свершившегося на стыке историографии и лингвистики, было создано 8-томное произведение **Рейнхардта Косселлека** (Reinhardt Koselleck 1923–2006), разработанное совместно с Вернером Гонце и Оттоном Бруннером, *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* (Stuttgart, 1972–1997). Этот труд глубоко запечатлелся в мироведении и повлек за собой понятийный подход к нему в контексте драматической истории Германии в XX веке. Отдельные словарные статьи, такие, как *Volk-Nation* ‘народ’, *Staat* ‘государство’, *Demokratie*, *Revolution*, *Souveränität* и т. п., были даны в политическом и историческом аспектах как национальные мифы и символы, причисляемые к «исторической семантике» и «истории идей». В каком-то плане эти подходы близки «Аксиологическому лексикону славян и их соседей» (*Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów* ‘Аксиологический лексикон славян и их соседей’ LASiS, см. ниже).

7. В славянских странах **Никита Толстой** [Толстой 1992, Толстой 1995] совместно с женой **Светланой Толстой** [Толстая 2006, Толстой, Толстая 2013] создали стандарты этнолингвистических исследований; они вошли в историю науки под названием московской этнолингвистической школы (МЭС). Создатель школы теоретически обосновал исследование отношений на линии *язык – культура* как на уровне народной, так и национальной традиции [Толстой 1992], допуская два варианта этнолингвистики, более узкий (языковедческий) и более широкий (культуроведческий), по сути же он сосредотачивал внимание на народной традиции в ее достаточно широкой трактовке, в контексте всей многоэлементной культуры. В качестве ключевого понятия он принял «культурный код». Толстовская этнолингвистика обращена к немецкой традиции Гердера, Гумбольдта, также Гримма и австрийской школы «*Wörter und Sachen*» ‘Слова и вещи’, однако прежде всего ею используются отечественные достижения семиотической тартуско-московской школы. Исследования были ориентированы на следы прошлого в со-

временной народной культуре (так наз. *живая старина*) всех славянских народов, что призвано было послужить реконструкции духовной родины славян с использованием сопоставительных и картографических методов.

Светлана Толстая, которая после кончины мужа является неоспоримым лидером московской школы, написала, что «в отличие от стародавней лингвистической традиции в романских странах (Франция, Италия, Румыния), органично вписавшейся в лингвогеографию, и от американской этнолингвистики, ориентированной на исследование примитивных культур и языков американских индейцев (Boas, Sapir) – Московская школа располагается на рубеже языкознания, мифологии, фольклористики и этнографии как комплексная дисциплина. Ее исследовательским предметом является не только язык, но и другие формы и объекты, которые выражают коллективное сознание, народный менталитет, принятую данным *этносом* картину мира, то есть народную картину, все ее аспекты, жанры и формы, как вербальные (лексика и фразеология, паремиология, тексты фольклора), так и акциональные (обряды) и ментальные (верования). Предметом этнолингвистики является всё содержимое культуры, ее семантический (символический) язык, ее категории и механизмы. Целью этнолингвистики является семантическая реконструкция традиционной (архаичной, дохристианской, мифопоэтической по своей сути) картины мира, мировоззрения и системы ценностей» (С.М. Толстая. *Этнолингвистика: современное состояние и перспективы*; цит. по: [Chlebda 2018: 234]).

Ключевые понятия и термины МЭС – это:

- *картина мира* – традиционная (архаичная, дохристианская, мифопоэтическая);
- коды культуры: вербальный (лексика и фразеология, паремиология, тексты фольклора), акциональный (обряды) и ментальный (верования);
- символичный язык (культурные концепты);
- *этнос*, народная культура;
- система ценностей, коллективный менталитет, народное мировоззрение;
- жанры фольклора;
- семантическая реконструкция.

В Польше этнолингвистика получает несколько иную дефиницию. В первом томе люблинской «Этнолингвистики» от 1988 года была опубликована программная декларация следующего содержания: этно-

лингвистика является тем направлением современного языкознания, которое предметом своих исследований избрало язык в его сложных отношениях с культурой. И, таким образом, изучается языковая система как институционализированный общественный продукт во всем богатстве его разновидностей, стилей, вариантов, а также во всем разнообразии его употреблений, в отношении к системе культуры как своеобразному порядку человеческой деятельности вместе со встроенными в эту деятельность образцами и ценностями, а также – к культуре как продукту этой деятельности.

«<...> Центральным понятием, обозначившим ее главный предмет интереса, станет понятие *языковой картины мира*, понимаемой как ‘наивная картина, лежащая в основе языка, закрепившаяся в грамматической структуре и значениях слов, а также в структуре и значениях текстов’» [Etnolingwistyka 1988. № 1: 5].

Несколько ранее Е. Бартминьский опубликовал очерк *Czym zajmuje się etnolingwistyka?* ‘Чем занимается этнолингвистика?’ [Bartmiński 1986], в котором он писал, что новая (в Польше) дисциплина призвана выявлять «принятые в культуре способы концептуализации и категоризации вещей, системы исповедуемых ценностей, точек зрения, социально закрепившегося отношения к миру». Она призвана, «исходя из языка, доходить до человека» [Bartmiński 1986]. С самого начала существования письма проявлялся интерес как к региональным разновидностям языка, так и к общенациональным и, соответственно, к народной культуре и фольклору, а также к национальной литературе и культуре, включая «элитарную».

Польская этнолингвистика в ее версии, известной как LEK – Lubelska Etnolingwistyka Kognitywna ‘Люблинская когнитивная этнолингвистика’, определяет себя как поддисциплину лингвистики, а свой предмет исследований располагает в современности, не в истории, принимая при этом панхроническую ориентированность, декларируя исследование «прошлого в современности».

Ключевыми понятиями и терминами LEK считаются – как я уже упоминал – языковая картина мира, стереотип²², когнитивная дефиниция, точка зрения и интерпретационная перспектива, профилирование и профиль, ценности, субъект.

Если сравнить обе концепции этнолингвистики, московскую и люблинскую, можно указать на сходства и различия.

---

²² За последние годы термин *стереотип* все чаще заменяется термином *культурный концепт* (см.: [Gryshkova 2014]), потому что термину *стереотип* социологами постоянно приписывается негативная коннотация.

Сходства между ними важны на уровне фундаментальных положений, не частных решений. Они касаются источников творческих импульсов, отношения к другим наукам, понимания функций языка и культуры. Элементы, общие для обеих школ:

(1) обе школы обращаются к Сепиру и Уорфу, а если пойти дальше – к прошлому, к немецкой философии рубежа XVIII и XIX веков, **Гердеру и особенно Гумбольдту**, за которым закрепилось имя «отца-основателя» культурно-антропологической лингвистики; в России также – к Александру Потебне, Владимиру Топорову и Юрию Апресяну, в Польше – к Топорову и Апресяну, но также к Брониславу Малиновскому и Анне Вежбицкой;

(2) используют достижения и методы диалектологии, фольклористики, этнографии (этнологии), мифологических исследований, культурной антропологии и аксиолингвистики;

(3) опираются на разного типа языковые данные (грамматика, лексика, клишированные тексты фольклора), записи верований и ритуализированного поведения, а также отдают предпочтение устным текстам и экспериментальным исследованиям (опросники, анкеты), которые предполагают доступ к живому сознанию людей;

(4) предметом исследований является не только коммуникативная, но и (а даже прежде всего) познавательная, символическая (семиотическая) функция языка и культуры, отнесенность языка к человеку, к народу, к человеческому сообществу – локальному, национальному и т. п. И таким образом, язык рассматривается как орудие познания мира, свидетельство индивидуального и коллективного менталитета, а также коллективной идентичности²³.

О том, что связывает обе школы, говорили на встрече в Люблине 7 декабря 2009 года с российской стороны Светлана Толстая и Елена Березович, с польской стороны – Е. Бартминьский, С. Небжеговска-Бартминьская и Феликс Чижевский²⁴. С. Толстая, сравнивая люблинский «Словарь народных стереотипов и символов» с московским «Словарем славянских древностей», сказала:

«Люблинский словарь [SSiSL] является для нас недостижимым образцом совершенства и тщательности в разработке языковых и культурных данных. В свою очередь, более широкие общеславянские масштабы [в «Словаре славянских древностей» SD], неоднократно дают больше возможностей для интерпретации фактов, которые невозможно объяс-

---

²³ Эти предложения по сопоставительной параметризации этнолингвистических школ развивает Войцех Хлебда [Chlebda 2018: 233–234].

²⁴ См. запись дискуссии в «Этнолингвистике» 22: 2010, s. 256–270.

нить и связать в рамках только одной национальной традиции» [Etnolingwistyka 2010, № 22: 269].

Елена Березович о добрых взаимных контактах говорила с перспектив Уральского университета: «“Продуктивность” московско-люблинских контактов (среди прочего – взаимообмен идеями, литературой, конференции, встречи и т. д.) выражается в том, что у этих двух школ есть научные наследники, “дети”, причем появились они далеко за географическими пределами Москвы и Люблина. <...> Мы можем считать Москву своей “матерью”, а Люблин – “отцом”» [Там же].

Хорошее польско-российское сотрудничество в области этнолингвистики широко осветил Е. Бартминьский [Bartmiński 2011a] Вслед за Еленой Березович следует подчеркнуть, что в случае обеих школ мы имеем дело не только с определенными (близкими) концепциями этнолингвистики, но также с коллективами сотрудников, которые эти концепции восприняли и создали внушительные многотомные публикации. Со стороны московской школы – это уже законченные монументальные 5-томные «Славянские древности: Этнолингвистический словарь» под ред Н. Толстого [Славянские древности], со стороны люблинской – реализуемый в настоящее время SSiSL – «Словарь народных стереотипов и символов» [SSiSL], а также создаваемый по люблинской инициативе «Аксиологический лексикон славян и их соседей» [LASiS].

8. Люблинский центр инициировал и явился координатором международного проекта LASiS – «Аксиологического лексикона славян и их соседей» (Т. 1–5, Lublin 2015–2019), который создается в рамках постоянно действующего семинара EUROJOS – Европейская языковая картина мира. Аксиологический лексикон выходит за традиционные рамки славистики, будучи шагом в направлении постулировавшихся на XIV съезде Международного комитета славистов в Охриде сопоставительных межкультурных исследований [Молдован 2008]. При этом некоторые методологические постулаты LEK – Люблинской когнитивной этнолингвистики (когнитивная дефиниция, широкая база лингвистического материала: системные источники, анкетирование и тексты = S-A-T) переносятся на весьма широкий международный форум. Программа этих исследований в известной степени сближает LEK с программой, осуществляемой Анной Вежбицкой, которая оказала значительное воздействие прежде всего на развитие люблинской концепции когнитивной дефиниции²⁵. Особое значение для LEK имели такие постулаты Анны

---

²⁵ О связях Анны Вежбицкой с польской лингвистикой и LEK см. в частности: Bartmiński J. *Droga naukowa Anny Wierzbickiej* (Бартминьский Е. Научный путь Анны Веж-

Вежбицкой (согласующиеся с ранее провозглашенным *Манифестом LEK* от 1980 года), как:

- отказ в описании семантики слова от традиционных таксономических подходов (ограничивающих описание значения необходимыми и достаточными признаками) и принятие принципа учета всего богатства признаков, релевантных с коммуникативной и культурологической точек зрения;
- обращение к обыденному сознанию и к интуиции носителя языка;
- упор в дефиниции как на лексические данные, так и данные фразеологические, паремиологические и текстовые;
- составление экспликаций (семантизаций) в форме последовательностей предложений, связанных в фасеты.

Как подчеркивали редакторы книги *The Linguistic Worldview: Ethnolinguistics, Cognition and Culture*, «предлагаемые Вежбицкой экспликации повлияли на концепцию лингвистических штудий Ежи Бартминьского и его сотрудников, и хотя эти подходы сформировались независимо друг от друга, они вписались в общие понятийные рамки» [Gład, Danaher, Łozowski 2013: 16].

Сама Анна Вежбицкая, комментируя взаимоотношения LEK и собственной школы NMS (Natural Semantic Metalanguage), пишет:

«Независимо от того, что мы работаем в разных сферах, принимаем разные очки зрения, разные теоретические и разные методологические контексты, я считаю наши подходы комплементарными, а направления наших исследований – сходными» [Wierzbicka 2013: 137].

Наибольшие различия касаются способов построения дефиниций: Анна Вежбицкая выбирает экспликации на уровне минимальных семан-

---

бицкой); Он же: *Drogi naukowej Anny Wierzbickiej ciąg dalszy...* (Продолжение научного пути Анны Вежбицкой); Он же: *In the Circle of Inspiration of Anna Wierzbicka...* 2018; Он же: *“Etnolingwistyka” na jubileusz Profesor Anny Wierzbickiej* («Этнолингвистика» к юбилею профессора Анны Вежбицкой, 2018). По-польски были изданы переводы трудов Вежбицкой: “Język – umysł – kultura” (Язык – разум – культура), 1999; “Semantyka. Jednostki elementarne i uniwersalne” (Семантика. Элементарные и универсальные единицы), 2006; “Słowa klucze. Różne języki – różne kultury” (Слова-ключи. Разные языки – разные культуры), 2007.

тических единиц, в то время как трудах ЛЕК оперируют ресурсами обиходного языка²⁶.

9. В 2006 году была предпринята попытка подытожить достижения **славянской этнолингвистики**²⁷ в форме конференции «**О предмете этнолингвистики и ее задачах**». Итоги были опубликованы в томе 18 журнала «Etnolingwistyka». Свое мнение высказали этнолингвисты из Бельгии, Белоруссии, Польши, России и Сербии. Стоит здесь отметить их мнения.

В обширном очерке «Постулаты московской этнолингвистики» Светлана Толстая напомнила о достижениях школы, которые стали импульсом для исследований в других центрах в России, а также в Белоруссии и Украине, в Сербии, частично также в Польше. Она подчеркнула, что предметом исследований остается традиционная народная культура всех славян, описываемая на базе языка, фольклора, обрядов и верований как праславянское наследие, духовная прародина славян²⁸.

Любовь Феоктистова рассказала о достижениях екатеринбургской школы, созданной Александром Матвеевым, Марией Рут и Еленой Березович и близкой московской школе. *Уральская школа* сосредоточена на полевых исследованиях ономастики и диалектной лексики российского Севера; исследования базируются на концепции Европейской картины мира и касаются прежде всего национальных стереотипов, а также черт характера человека (глупость, лень, приличие и т. п.); в них используется теория семантических полей и выявляются символические значения. Исследованиями охвачены язык и культура также неславянских – уральских -- народов, живых и вымерших.

Белорусские этнолингвисты, согласно Николаю Антропову и Татьяне Володиной, работают на основе положений московской и люблинской школ: они исследуют традиционную духовную культуру (*этнокультуру*), язык, этимологию, фольклор, обряды, связывая диалектологию (лингвистический атлас) с теорией коммуникации и культуроведением (под названием лингвокультурологии).

Ситуацию в Сербии представил Деян Айдачич: напомнив историю сбора диалектологической, фольклористической и этнографической

---

²⁶ О разных вариантах лексикографических дефиниций (в том числе А. Вежбицкой и Е. Бартминьского) (см.: [Niebrzegowska-Bartmińska 2020: 136–162]).

²⁷ Я опускаю здесь статью Е. Бартминьского [Bartmiński 2004]

²⁸ В очередной статье «Никита Ильич Толстой и его путь к этнолингвистике» Светлана Толстая представила историю московской *диалектологической* школы «от полесской экспедиции – начавшейся в 60-х годах XX века, и вплоть до издания словаря «Славянские древности» (1995–2012) [Толстая 2013: 17].

документации; он подчеркнул значимость возникновения первого этнолингвистического ежегодника «Коды славянских культур», основывающегося на структуралистской методологии и вдохновляющих импульсах российской семиотической школы. Коды как системы условных знаков выражают общественное видение мира (*Weltanschauung, mirowozrieniје*), описываются как в синхронном, так и в историческом плане; они стремятся избежать «узкой методологической направленности» и ориентированы на интердисциплинарность.

Об этнолингвистике в Польше говорили несколько докладчиков. Ежи Бартминьский обсудил семь ключевых понятий, выработанных в ходе работ над «Словарем народных символов и стереотипов»²⁹; польских участников обсуждения интересовало соотношение этнолингвистики с другими гуманитарными дисциплинами. *Диалектолог* Халина Пельцова констатировала, что диалектология заимствовала от этнолингвистики концепции когнитивной дефиниции и понятие языковой картины мира, а также принцип интегрирования языковых, этнографических и фольклористических данных. *Фольклорист* Кшиштоф Броцлавски подчеркнул, что ценность этнолингвистики состоит в том, что она расширяет спектр текстов и реконструирует картину мира с перспективы носителя языка, а не исследователя, поэтому она позволяет преобразовать фольклористику в *этнофилологию*). Согласно *антропологу культуры* Роху Сулиме, этнолингвистика, провозглашая ценность устности и реконструируя картину мира, «антропологизирует» гуманистику и позволяет находить показатели коллективной идентичности. Анна Тырпа обратила внимание на знаменательную дифференциацию понимания предмета этнолингвистики исследователями, в то время как *неофилологи* по американскому примеру описывают языки национальных меньшинств (*этнолекты*); *полонисты* исследуют соотношение *язык – культура* как на уровне диалектов и региональной культуры, так и национального языка и культуры, а предпринимая сопоставительные исследования, показывают специфику мышления разных наций. И, наконец, познанский лингвист Тадеуш Згулка, инициатор направления исследований *этнолингвистика* в Университете им. Адама Мицкевича в Познани (UAM), подчеркнул *дидактическое измере-*

---

²⁹ Т. е. языковая картина мира, когнитивная дефиниция, учитывающая языковые и культурные коннотации, стереотип как обиходное представление о предмете, точка зрения и интерпретационная перспектива, профилирование и рамки опыта, воспринимающий субъект, концептуализации и вербализации.

ние этнолингвистики³⁰ и важность тезиса, что за языком стоит всё видение мира. И таким образом, по его мнению, следует заново дать дефиницию коммуникативной компетенции, ввести в нее, наряду с грамматическим компонентом, также культурный компонент.

На тему статуса этнолингвистики среди других наук неоднократно высказывался славист из г. Ополе Войцех Хлебда, который в очерке, опубликованном в 2012 году, склонен был отводить этнолингвистике роль, «скрепляющую гуманитарные науки»³¹.

10. Специфические признаки, очерчивающие разные профили отдельных школ, это – в московской школе:

- ограничение исследований народной культурой;
- ориентация на исследования прошлого и историзм (диахронизм);
- признание обрядовых наук и верований столь же важными, как и языковые данные и данные текстов фольклора;
- поиск в языке проявлений национального менталитета;
- отъединение культурных (символических) значений от значений чисто языковых и культурной коннотации от языковой;
- подход к языку и культуре как к отдельным, но изоморфным феноменам;

в люблинской школе:

- охват исследованиями не только народной культуры (диалектов, фольклора), но также общенационального языка и культуры;
- ориентация на современность (синхронию, панхронию);
- выдвигание на первое место языка, практик и верований рассматриваются как «приязыковые» феномены;
- поиск в языке не только национальных признаков, но и – в широком смысле – общественных признаков (региональных, профессиональных, социолектных);
- соединение культурных и языковых коннотаций;
- оперирование понятием лингвокультуры.

А как выглядит славянская этнолингвистика перед лицом западных этнолингвистических исследований?

---

³⁰ Этот дидактический аспект этнолингвистики развивается в трудах Берта Питерса [Peeters 2013, Peeters 2015].

³¹ См. «Akcent» 2012, № 130.

Бельгийский славист Питер Плас, сопоставляя славянские исследования (в основном московского и люблинского круга) с западными исследованиями, подчеркивал, что все этнолингвистические школы рассматривают язык как орудие познания мира, признавая семиотическую концепцию культуры и выдвигая на первый план устные тексты; в то же время по-разному распределяются акценты: славянская этнолингвистика сосредоточена на лексике как экспоненте идеологии и системы ценностей (что автор считал особенно ценным), а западные исследования, особенно североамериканские, в центр внимания ставят дискурс и прагматический аспект языка [Plas 2006].

Джеймс Андерхилл (James Underhill), основатель The Rouen Ethnolinguistics Project, приписывает этнолингвистам из Центральной Европы более глубокое, чем в США или Франции понимание Гумбольдта, установление ими связи языка не только с *Weltansicht*, но также с *Weltanschauung*, то есть с мировоззрением и идеологией, которая может быть отделена от языка, как это произошло с польским словом *lud* 'люди, народ', присвоенным («украденным») политиками [Underhill 2013: 341]; он особенно ценит важность анкетирования носителей языка, в том числе с периферии общества, причем не только городских агломераций; он подчеркивает положительные моменты профилирования, которое позволяет открывать новые аспекты значения в разных типах дискурса [Underhill 2013: 341–342].

Адам Глаз, люблинский англист, двоекратно сравнивал люблинскую когнитивную этнолингвистику с англоязычной культурной лингвистикой [Głaz 2015; Głaz 2018] и констатировал: «Хотя как в англоязычной культурной лингвистике, так и в люблинской этнолингвистике мы используем понятие картины мира (*worldview*), концепция языковой картины мира была более систематичным образом развита скорее в славянском мире, напр., в России (*языковая картина мира*, ср.: [Apresjan 2006] <...>» [Głaz 2018: 246]. И далее:

«Славянская этнолингвистика исследует грамматику языка и формирующиеся в ее недрах тексты / дискурсы, усматривая в них ключ к воссозданию лингвокультурной картины мира. Хотя это в большой мере правда также в случае англоязычной культурной лингвистики, там скорее говорят (Palmer) о необходимости подобраться к этнографическим данным с целью понимания, а не реконструкции картины мира, характерной для данного лингвокультурного сообщества. В этом направлении движется также Шарифьян (Sharifian)» [Głaz 2018: 247].

А. Глаз завершает свой ход рассуждений констатацией, что «Люблинская когнитивная этнолингвистика – это когерентная концепция,

разрабатывавшаяся на протяжении многих лет коллективом исследователей, тесно спаянных друг с другом, сосредоточенных в одном научном центре (а также, конечно, симпатизирующих ему и сотрудничающих с ним исследователей по всей Польше и за ее рубежами). В то же время CL [cultural linguistics] – это лишь формирующаяся сейчас концепция, которая ведет поиск своего языка описания; на ее основе работают многие исследователи в разных странах мира, не всегда готовых пожертвовать своими личными амбициями и отказаться от некой части выработанных ими концепций на благо общего подхода. Это, конечно, чревато отсутствием когерентности и непоследовательностью» [Głaz 2018: 248–249].

11. Вернемся же, наконец, к вопросу, поставленному во Введении. Отвечает ли этнолингвистика как отдельная дисциплина, которой занимаются сейчас в разных западноевропейских и славянских странах, в Америке и Австралии, постулату понятийной связности и можно ли целостно представить ее в рамках единой когерентной понятийной системы? Можно ли ресурсы дисциплины представить в форме словаря? Глоссария? Тезауруса?

В то время как создание **глоссария** одной определенной этнолингвистической школы, люблинской когнитивной этнолингвистики, оказалось относительно легкой для выполнения задачей [Bartmiński 2020], создание **тезауруса**, то есть словаря, который мог бы служить путеводителем по ресурсам всей дисциплины, упорядочивать ее терминологию и быть орудием индексации работ – задача значительно более сложная. Предпринятый обзор исследовательских школ и научных центров показывает большую внутреннюю дифференцированность исследований. Различия касаются даже, как говорилось выше, способа названия самой дисциплины. По-разному очерчивается соотношение с другими дисциплинами: этнолингвистика в западной науке рассматривается как раздел социолингвистики (Hymes, Helbig), связанной с этнографией (Malinowski, Palmer), подчиненной этнологии и этносемиотике (Greimas, Courtés), антропологии (Foley, Duranti), культуроведению (Воробьев, Маслова). Статус самостоятельной дисциплины признается за ней на славянской почве, при этом акцентируется либо ее лингвистический аспект (Бартминьский), либо ее располагают «на стыке языкознания, мифологии, фольклористики и этнографии как комплексную дисциплину» [Толстая 2013], размещая ее близко к социолингвистике, психолингвистике, а также – к новейшей эколингвистике. Нахождение общего знаменателя, связующего все школы и центры, может быть до-

стигнуто лишь на очень высоком уровне обобщения основных теоретических положений.

Таким образом, можно принять, что относительное согласие между исследователями касается:

(1) расположения предмета интереса – на стыке языка, общества и культуры;

(2) признания тесной связи языка и культуры, подхода к языку в контексте культуры (в последние годы оперирование понятием лингвокультуры);

(3) сосредоточение внимания на познавательной и символической функции языка, подход к языку как орудию интерпретации мира;

(4) постановка в центр внимания человека как субъекта – наблюдающего, концептуализирующего и вербализирующего, его перспективы видения мира и его менталитет;

(5) признание ценности как особо важного предмета исследований;

(6) стремление к реконструкции картины мира на базе системных, текстовых данных, а также текстов культуры;

(7) экспонирование роли живого разговорного языка и, соответственно, значимости наблюдения за устной коммуникацией, естественно, лицом к лицу.

В тезаурусе эти проблемы могут быть размещены под соответствующими заголовочными словами, такими, как:

- *ЯЗЫК И КУЛЬТУРА (КУЛЬТУРА В ЯЗЫКЕ, ЛИНГВОКУЛЬТУРА);*
- *ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО;*
- *ФУНКЦИИ ЯЗЫКА: КОММУНИКАТИВНАЯ, ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ, СИМВОЛИЧЕСКАЯ;*
- *КУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛ, КОД КУЛЬТУРЫ;*
- *СУБЪЕКТ КАК НАБЛЮДАТЕЛЬ, КОНЦЕПТУАЛИЗАТОР, ВЕРБАЛИЗАТОР;*
- *МЕСТО ЦЕННОСТИ В КУЛЬТУРЕ;*
- *ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА;*
- *ЖИВАЯ РЕЧЬ, УСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ.*

Но уже что касается более детального определения предмета исследований, здесь полное согласие отсутствует: язык сообществ меньшинств или же общенациональных или наднациональных сообществ? Насколько для многих исследователей – особенно американских и западных – все еще главным предметом интереса этнолингвистов остаются языки этнических меньшинств, *экзотические языки* или свои отече-

ственные народные говоры и фольклор, настолько исследователи в славянских странах, оставаясь верными народной традиции как прототипическому предмету исследований, во все большей степени делают таким предметом также общенациональные, стандартные языки. Такая позиция основывается на убеждении, что все естественные языки этноцентричны, в том числе и имеющие международное распространение – как, например, английский [Wierzbicka 2014], и все могут быть исследованы аналогичным образом.

Нет также единомыслия относительно методов описания и типа используемых данных (см.: [Niebrzegowska-Bartmińska 2014; Niebrzegowska-Bartmińska 2017]). Поддерживаются собственные местные исследовательские практики и применяются специфические аналитические инструменты, выработанные отдельными школами. При этом на уровне ПОНЯТИЙ аналогии довольно велики, хотя обычно они охватывают лишь часть исследовательских школ (ср. упоминавшиеся аналогии между МЭС и LEK, а также LEK и NMS), а названия этих понятий на лексическом уровне, т. е. термины, характеризуются значительными различиями, и эти различия, поскольку они информируют о разных способах профилирования общих (?) понятий, должны войти в тезаурус.

Так, например, ключевое для этнолингвистики понятие ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА присутствует сейчас в трудах американских исследователей (англоязычных) под названием *the linguistic picture*, но также *picture of the world*, *image of the world* или – в последнее время все чаще – *worldview* [Tabakowska 2013]; во французских трудах как *vision du monde* (Rastier), в немецких – *das sprachliche Weltbild* (у Гумбольдта *Weltansicht* и *Weltanschauung*, у Вайсгербера: *sprachliche Zwischenwelt*), в российских *языковая картина мира* (Голстая) и *модель мира* (Юдин), в украинских *movna kartyna svitu*, в чешских – *jazykový obraz světa*, в сербских – *jezička slika sveta*, в литовских – *kalbos posaulėvaizdis* и т. д. Каждое из вышеназванных названий несколько иначе профилирует само понятие, не говоря уж о том, что нет также согласия между исследователями относительно его понимания и происхождения³². Чаще всего исходят из того, что понятие *языковой картины мира* имеет своей родословной концепцию Вильгельма фон Гумбольдта, который использовал определение *Weltansicht* ‘видение мира’: «различие [языков] не является различием звуков и знаков, но различием способа видения мира» [Humboldt 2001: 220]. Ср. также: «...в каждом языке содержится

---

³² Указывают на Лютера [Mańczyk 1982: 31; Anusiewicz 1990: 278].

своеобразный способ видения мира. Как отдельный звук между предметом и человеком, так и весь язык входит между человеком и воздействующей на него изнутри и снаружи природой. <...> Человек общается с предметами в основном так, что его чувства и поступки зависят от его представлений, даже исключительно от того, как ему подает их язык» [Humboldt 2001: 106].

Дело продолжает усложняться – и становится особенно интересным – благодаря тому, что Гумбольдт употреблял не только термин *Weltansicht*³³, но и, хоть и реже, также *Weltanschauung*³⁴. Попытку уточнения предпринял Юрген Трабант, выделяя *Weltansicht* как видение мира³ и *Weltanschauung* как мировоззрение³, т. е. «комплекс убеждений на тему мира и людей, проявляющийся в языковых высказываниях» [Trabant 2012: 135]. Последний комментатор мысли Гумбольдта, Джеймс Андерхилл (James Underhill) идет дальше, он предлагает, как уже говорилось в данной статье, уточнение в виде разбиения двух употребляемых Гумбольдтом попеременно понятий на пять: *Weltansicht* на ‘видение мира’ (*world-perceiving*) и ‘концептуализацию мира’ (*world-conceiving*), а *Weltanschauung* на ‘культурную ментальную рамку’ (*cultural mindset*), ‘личный мир’ (*personal world*) и перспективу³ [Underhill 2009: 147–153]³⁵.

Как видно из этого примера, к терминологическим вопросам и связанным с ними предложениям отдельных ученых следует относиться с большим вниманием и уважением, потому что за словами скрываются тонкие различия и интенции. Следует именно спасать специфику отдельных школ от стирания различий.

12. Заключительные выводы

Создание тезауруса дисциплины следует рассматривать как долгосрочный труд в распределении на этапы.

В тезаурусе должны быть собраны ПОНЯТИЯ и термины, общие для них, относительно которых царит относительное согласие (такие, как вышеназванные), но следует также приводить в нем ПОНЯТИЯ и термины, специфичные для отдельных школ (как я показал на при-

---

³³ “Nach Humboldt ist Sprache «kein blosses Verständigungsmittel, sondern der Abdruck des Geistes und der Weltansicht der Redenden» (VI: 23)” // Lewandowski Th. Linguistisches Wörterbuch 3, wyd. 5, 1990: 1034.

³⁴ Ср.: Разнообразие языков и умственное развитие человечества) [Humboldt 2001].

³⁵ Это уточнение имеет эвристическую ценность, потому что позволяет разрешить современную дилемму, насколько языковые картины мира ограничиваются национальными языками, а насколько они могут иметь наднациональный охват; национальные признаки можно находить на уровне *Weltansicht*, а наднациональные – на уровне мировоззренческих опций, *Weltanschauung* (см.: [Bartmiński 2020]).

мере языковой картины мира и ее разнообразных лексических экспонентов).

Точкой отсчета может быть **описательный словарь** – ненормативный, как собрание всех ПОНЯТИЙ и терминов, употребляемых в трудах этнолингвистов с учетом разных способов их понимания.

Литература / References

1. *Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э., Богоулавская О.Ю., Иомдин Б.Л., Крылова Т.В., Левонтина И.Б., Санников А.В., Урысон Е.В.* Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. (Studia philologica)
2. *Бартми́нский Е.* Языковая картина мира. Очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005.
3. *Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Пространство и человек. М.: УРСС, 2009.
4. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология: теория и методы. М.: Изд-во РУДН, 1997.
5. *Герд А.С.* Введение в этнолингвистику. 2-е изд. СПб.: СПбГУ, 2005.
6. *Журавлев А.Ф.* К 70-летию акад. Н.И. Толстого // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 106–112.
7. *Кабакова Г.И.* Французская этнолингвистика: проблематика и методология // Вопросы языкознания. 1993. № 6. С. 99–113.
8. *Коновродська В.Л.* Курсова і дипломна роботи з етнолінгвістики. Навчальний посібник. Житомир, 2003.
9. *Ковшова М.Л., Гудков Д.Б.* Словарь лингвокультурологических терминов / Отв. ред. М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2017.
10. *Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* О сопоставительных аспектах польской когнитивной этнолингвистики // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2012. № 1. С. 82–88.
11. *Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* Аксиология труда и жизни в языке и в словаре (по материалам тома «PRACA» Аксиологического лексикона славян и их соседей) // Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów. 5 // Koncepty i ich profilowanie / Red. Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Dorota Pazio-Wlazłowska. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2019. S. 35–63.
12. *Левицкий А.Э., Потапенко С.И., Воробьева О.П.* Лингвоконцептология: перспективные направления: Монография. Луганск, 2013.
13. *Маслова В. А.* М 31 Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2001.
14. *Молдован А.М.* Пути славистики в современном мире. М.: Максимедия, 2008.
15. *Руденко Е.Н.* Этнолингвистика без границ. Введение в лингвистическую антропологию. Пособие. Минск: БГУ, 2014.
16. *Сабитова З.К.* Лингвокультурология. Учебник. 2-е изд. М.: Флинта, 2015.
17. *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / Институт славяноведения РАН; Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1–5. М.: Международные отношения, 1995–2012.
18. *Токарева И.И.* Этнолингвистика и этнография общения. Минск: МГЛУ, 2001.
19. *Толстая С.М.* (рец.). Słownik stereotypów i symboli ludowych. T. I. Kosmos. Cz. 1 // Живая старина. 1997. № 4. С. 52–53.
20. *Толстая С.М.* (рец.). Słownik stereotypów i symboli ludowych. T. I. Kosmos. Cz. 2 // Живая старина. 2000. № 2. С. 58–59.

21. *Толстая С.М.* Этнолингвистика Ежи Бартмиńskiego // Ежи Бартмиński. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. С. 9–20.
22. *Толстая С.М.* Постулаты московской этнолингвистики // *Etnolingwistyka*. 2006. № 18. S. 7–27.
23. *Толстая С.М.* Lubelsko-moskiewskie kontakty naukowe z perspektywy moskiewskiej // *Etnolingwistyka*. 2010. № 22. S. 268–269.
24. *Толстая С.М.* Никита Ильич Толстой и его путь к этнолингвистике // *Ethnolinguistica Slavica*. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М.: Индрик, 2013. С. 10–25.
25. *Толстая С.М.* (ред.). Słownik stereotypów i symboli ludowych. T. I. Kosmos. Cz. 3 i 4 // *Славяноведение*. 2014. № 6. С. 104–109.
26. *Толстая С.М.* Символика растений в польской народной традиции. Злаки // *Rocznik Slawistyczny LXVII* (2018). S. 189–195.
27. *Толстая С.М.* Этнолингвистика: современное состояние и перспективы. [Электронный ресурс.] URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.htm> (дата последнего обращения: 12.12.2021).
28. *Толстой Н.И.* Język a kultura (Niektóre zagadnienia słowianskiej etnolingwistyki) // *Etnolingwistyka*. 1992. № 5. S. 15–25 [Тум. z ros. Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики)] // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Bd L 2. S. 238–253].
29. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.
30. *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Славянская этнолингвистика: вопросы теории. Материалы ко Второму Всероссийскому совещанию славистов. М.: Институт славяноведения РАН, 2013.
31. *Федорова Л.Л.* Место «Аксиологического лексикона славян и их соседей» среди современных словарей культурных концептов (на примере тома «ДОМ») // *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów*. 4. 2018. S. 25–43.
32. *Хроленко А.Т.* Этнолингвистика: понятия, проблемы, методы. Славянск-на-Кубани, 2000.
33. *Юдин А.* *Etnolingvistika* // С.Я. Левит (ред.). *Культурология. XX век. Энциклопедия*. Т. 2. СПб.: Университетская Книга, 1998. С. 408–411.
34. *Abramowicz M., Bartmiński J., Chlebda W.* Językowo-kulturowy obraz świata Słowianina na tle porównawczym. Założenia programu „A”. (10 VI 2009) // *Etnolingwistyka*. 2009. № 21. S. 341–342.
35. *Ahearn L.M.* *Antropologia lingwistyczna*. Wprowadzenie. Kraków, 2013 [Пер. с оригинала: *Living Language: An Introduction to Linguistic Anthropology*].
36. *Ajdačić D.* (red.). *O vrednostima u srpskom jeziku*. Zbornik etnolingvističkih radova. Beograd, 2015.
37. *Ajdačić D.* (red.). *O vrednostima u srpskom jeziku 2*. Beograd, 2019.
38. *Anusiewicz J.* Problematyka językowego obrazu świata w poglądach niektórych językoznawców i filozofów niemieckich XX wieku // *Językowy obraz świata / Red. J. Bartmiński*. Lublin, 1990. S. 277–307.
39. *Anusiewicz J.* *Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki*. Wrocław, 1994.
40. *Apresjan Ju.* *Naiwny obraz świata* // *Etnolingwistyka*. 1994. № 6. S. 5–12.
41. <http://journals.rudn.ru/linguistics> (дата последнего обращения: 12.12.2021).
42. *Bartmiński J.* *Czym się zajmuje etnolingwistyka?* // *Akcent*. 1986. № 4. S. 16–22.
43. *Bartmiński J.* Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji słowa // *Jerzy Bartmiński (red.). Konotacja*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1988. S. 169–185.
44. *Bartmiński J.* Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata // *WJOS*. Lublin, 1990. S. 109–127.

45. *Bartmiński J.* Nikita Ijicz Tolstoj i program etnolingwistyki historycznej // *Etnolingwistyka*. 1992. № 5. S. 7–13.
46. *Bartmiński J.* Miejsce wartości w językowym obrazie świata // *Język w kręgu wartości. Studia semantyczne* / Red. Jerzy Bartmiński. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2003. S. 59–86.
47. *Bartmiński J.* Etnolingwistyka słowiańska – próba bilansu // *Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury* 2004. № 16. S. 9–27.
48. *Bartmiński J.* Językowe podstawy obrazu świata. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2006.
49. *Bartmiński J.* Etnolingwistyka, lingwistyka kulturowa, lingwistyka antropologiczna? // *Język a kultura. Tom jubileuszowy*. T. 20 / Red. Anna Dąbrowska. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, 2008. S. 15–33.
50. *Bartmiński J.* *Aspects of Cognitive Ethnolinguistics*. London: Equinox, 2009.
51. *Bartmiński J.* Польско-российские встречи на поле этнолингвистики // *Новая Польша*. 2011. № 7–8. S. 51–55. (a)
52. *Bartmiński J.* Droga naukowa Anny Wierzbickiej. Od składni polskiej prozy renesansowej do semantyki międzykulturowej. *Teksty Drugie*. 2011. № 1–2. S. 218–238. (b)
53. *Bartmiński J.* In the Circle of Inspiration of Anna Wierzbicka: The Cognitive Definition – 30 Years Later // *Russian Journal of Linguistics. Вестник РУДН. Серия: ЛИНГВИСТИКА*. 2018. Vol. 22. № 4. Pp. 749–69. [Электронный ресурс.] URL: *Bartmiński J.* Jezik – slika – svet. *Etnolingvističke studije* / Priredio Dejan Ajdačić, Prevela Marta Beletić. Beograd: SlovoSlavia, 2011. (c)
54. *Bartmiński J.* Седем ключови понятия на когнитивната лингвистика // *Български фолклор*. XL. 2014. № 4. S. 399–412.
55. *Bartmiński J.* Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów – co zawiera, na jakich zasadach się opiera, dla kogo jest przeznaczony? // *LASiS 1, DOM*, 2015. S. 7–13.
56. *Bartmiński J.* Drogi naukowej Anny Wierzbickiej ciąg dalszy – Fenomen Anny Wierzbickiej // *Rocznik Towarzystwa Naukowego Warszawskiego LXXIX* (2016). Warszawa, 2017. S. 8–20.
57. *Bartmiński J.* W poszukiwaniu paradygmatu etnolingwistyki: glosariusz kluczowych terminów i pojęć // *Južnoslovenski filolog*. LXXVI, kn. 76. 2020. Sv. 2. S. 79–103.
58. *Bernandez E.* Language and culture. A review of *Aspects of Cognitive Ethnolinguistics* // *Review of Cognitive Linguistics*. 2010. № 8 (2). S. 376–385.
59. *Bogusławski A.* Lingwistyczny relatywizm względny Anny Wierzbickiej rozwiązanie problemu różnorodności języków // *Etnolingwistyka*. 1991. № 4. S. 41–49.
60. *Chlebda W.* Czy polska etnolingwistyka może być zwornikiem nauk humanistycznych? // *Maciej Grochowski* (red.). *Językoznawstwo w Polsce. Kierunki badań i perspektywy rozwoju*. Warszawa, 2012. S. 91–98.
61. *Chlebda W.* Pytania o tożsamość etnolingwistyki // *Polonistyka na początku XXI wieku. Diagnozy, koncepcje, perspektywy* / Red. Jolanta Tambor. T. IV. *Pogranicza, mniejszości, regiony, etnolingwistyka*. Katowice, 2018. S. 227–239.
62. *Chruszczewski P.* *Językoznawstwo antropologiczne. Zadania i metody*. Wrocław, 2011.
63. *Crystal D.* *The Cambridge Encyclopedia of Language*. Cambridge: Cambridge UP, 1987.
64. *Czachur W.* Jak porównywać obrazy Europy? Refleksje teoretyczno-metodologiczne po lekturze 'Leksykonu aksjologicznego Słowian i ich sąsiadów' // *Acta Universitatis Lodzianis, Folia Linguistica*. 2019. № 53. S. 7–20.
65. *Czachur W.* Lingwistyka kulturowa i międzykulturowa. Pytania badawcze, zadania i perspektywy // *Lingwistyka kulturowa i międzykulturowa. Antologia*. / Red. Waldemar Czachur. Warszawa, 2017.
66. *Duličenko A.* *Основы славянской филологии. Историко-этнографическая и этнолингвистическая проблематика*. Opole, 2011

67. *Duranti A.* Linguistic Anthropology. Cambridge, 1997.
68. Etnolingwistyka ponad granicami. Zapis panelu / Prowadzący: J. Bartmiński, Sw. Tolstojowa, uczestnicy: Wojciech Chlebda, Tadeusz Zgółka, Jörg Zinken, Aleksey Yudin / Red. Jolanta Tambor. T. IV.
69. Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury [Rocznik], Lublin: UMCS. T. 1–32 (1988–2020).
70. *Foley W.* Anthropological Linguistics: An Introduction. Oxford: Basil Blackwell, 1997.
71. *Glaz A.* (ed.). Languages – Cultures – Worldviews. Focus on Translation. Palgrave Macmillan, 2019.
72. *Glaz A.* Etnolingwistyka daleka i bliska. Etnolingwistyka. 2015. № 27. S. 7–20.
73. *Glaz A.* Lubelska etnolingwistyka kognitywna a anglojęzyczna lingwistyka kulturowa. Wybrane problemy // Etnolingwistyka. 2018. № 30. S. 231–257.
74. *Glaz A., Danaher D., Łozowski P.* (eds.). The Linguistic Worldview: Ethnolinguistics, Cognition and Culture. London: Versita, 2013.
75. *Goddard C., Wierzbicka A.* Words and Meanings. Lexical Semantics across Domains, Languages and Cultures. Oxford University Press, 2014.
76. *Greimas A.Ju., Cortes J.* Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage, Paris, 1979.
77. *Gryshkova N.* Leksem, pojęcie, stereotyp, koncept, znaczenie, idea – propozycja regulacji terminologicznych // WJOS. 2014. № 3. S. 21–50.
78. *Grzegorzczkova R.* Jeszcze o rozumieniu JOS-u w perspektywie badań porównawczych. Problem inwariantu pojęciowego // Etnolingwistyka. 2011. № 23. S. 217–225.
79. *Gudavičius A.* Etnolingwistyka. Šiauliai, 2000.
80. *Guz M.* Językowy obraz świata u wybranych przedstawicieli lingwistyki niemieckiej, amerykańskiej i polskiej. Poznań, 2012.
81. *Helbig G.* Dzieje językoznawstwa nowożytnego. Wrocław, 1982.
82. *Helbig G.* Entwicklung der Sprachwissenschaft seit 1970. Leipzig, 1986.
83. *Herder J.G.* Rozprawa o pochodzeniu języka // Wybór pism. Wrocław, 1987. S. 59–175.
84. *Humboldt von W.* Rozmaitość języków a rozwój umysłowy ludzkości / Przekład i wprowadzenie Elżbieta M. Kowalska. Lublin, [1836] 2001.
85. *Karstedt von L.* Sprache und Kultur. Eine Geschichte der deutschsprachige Ethnolinguistik. Hamburg, 2004.
86. *Kijewska-Trembecka M.* Etnolingwistyczna koncepcja języka Bronisława Malinowskiego // Przegląd Humanistyczny. 1984. № 28 (11/12).
87. *Klimczuk A.* Hipoteza Sapira-Whorfa – przegląd argumentów zwolenników i przeciwników // Kultura – Społeczeństwo – Edukacja. Poznań, 2013. 1 (3). S. 165–181.
88. *Korus K.* Godność i wolność – greckie źródła tożsamości europejskiej. Kraków: PAU, 2019.
89. *Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press (1962). Cyt. wg II ed., 1970.
90. *Küsse H.* Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung. Göttingen, 2012.
91. LASiS = Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / Pod red. Jerzego Bartmińskiego. Lublin, Wydawnictwo UMCS:
  - T. 1. DOM / Red. Jerzy Bartmiński, Iwona Bielińska-Gardziel, Beata Żywicka, 2015;
  - T. 2. EUROPA / Red. Wojciech Chlebda, 2018;
  - T. 3. PRACA / Red. Jery Bartmiński, Małgorzata Brzozowska, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, 2016;
  - T. 4. WOLNOŚĆ / Red. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński, 2019;
  - T. 5. HONOR / Red. Petar Sotirov, Dejan Ajdaczić, 2017.

92. *Leavitt J.* Linguistic Relativites: Language Diversity and Modern Thought. Cambridge, 2015.
93. *Łozowski P.* Language vis-à-vis culture in Jerzy Bartmiński's cognitive ethnolinguistics // The Linguistic Worldview: Ethnolinguistics, Cognition, and Culture / Ed. A. Gład, D.S. Danaheer and P. Łozowski. London, 2013. Versita. S. 351–370.
94. *Malinowski B.* Clasificatory Particles in the Language of Kiriwina // Bulletin of the School of Orient Studies, University of London. 1920. No. 4. Vol. 1. Pp. 35–78.
95. *Malinowski B.* Ogrody koralowe i ich magia. Warszawa: PWN, [1935] 1987 [original: Coral Gardens and Their Magic. London, 1935].
96. *Mańczyk A.* Wspólnota językowa i jej obraz świata. Krytyczne uwagi do teorii językowej Leo Weisgerbera. Zielona Góra, 1982.
97. *Nepop-Ajdačić L.* Polska etnolingwistyka kognitywna. Київ, 2007.
98. *Niebrzegowska-Bartmińska S.* Lubelski zespół etnolingwistyczny – jego historia i program badawczy // Maksymiuk-Pacek, Niebrzegowska-Bartmińska. Bibliografia adnotowana lubelskiego zespołu etnolingwistycznego (do roku 2009). Lublin: Polihymnia, 2009. S. 7–19.
99. *Niebrzegowska-Bartmińska S.* Projekt badawczy (ETNO)EUROJOS a program etnolingwistyki kognitywnej // Etnolingwistyka. 2013. № 25. S. 267–281.
100. *Niebrzegowska-Bartmińska S.* Od separacyjnego do holistycznego opisu językowego obrazu świata. Na marginesie dyskusji nad kształtem artykułów // Wartości w językowi-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów. 3. 2014. S. 71–102.
101. *Niebrzegowska-Bartmińska S.* Jakie dane są relewantne etnolingwistycznie? // Etnolingwistyka. 2017. № 29. S. 11–29.
102. *Niebrzegowska-Bartmińska S.* O definiowaniu i profilowaniu pojęć w (etno)lingwistyce. Lublin: UMCS, 2020.
103. *Niewiara A.* Rec.: Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów. Tom 3.: Praca / Red. Jerzy Bartmiński, Małgorzata Brzozowska, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska. Lublin: UMCS, 2016 // Język Polski. XCIX. 2019. № 3. S. 124–128.
104. *Palmer G.* Towards a Theory of Cultural Linguistics. Austin: University of Texas Press, 1996.
105. *Peeters B.* Language and cultural values: towards an applied ethnolinguistics for the foreign language classroom // Cross-culturally speaking, speaking cross-culturally / Ed. B. Peeters and al. Cambridge Scholars, 2013. S. 231–259.
106. *Peeters B.* Language, culture and values: towards an ethnolinguistics based on abduction and salience // Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury. 2015. № 25. S. 47–62.
107. *Pisarkowa K.* Językoznawstwo Bronisława Malinowskiego. T. I. Więzy wspólnego języka. T. II. Językoznawstwo Bronisława Malinowskiego. Problem znaczenia w językach pierwotnych. Formanty klasyfikujące w języku Kiriwiny. Słownictwo Kiriwiny. [...]. Kraków, 2000.
108. *Plas P.* Slavic ethnolinguistics and Anglo-American linguistic anthropology: convergences and divergences in the study of the language-culture nexus // Etnolingwistyka. 2006. № 18. S. 135–143.
109. *Pogranicza, mniejszości, regiony* // Etnolingwistyka. Katowice, 2018. S. 211–257.
110. *Pottier B.* Le domaine de l'ethnolinguistique // Langages. 1970. № 18. P. 3–11.
111. *Rutkowska K., Smetona M., Smetonienė I.* Vertybės Lietuvis pasaulėvaizdyje. Vilnius: Akademine Leidyba, 2017.
112. *Sapir Ed.* Kultura, język, osobowość. Wybrane eseje / Przeł. Barbara Stanosz, Romand Zimand, słowem wstępnym oparzyła Anna Wierzbicka. Warszawa: PIW, (1949)/1978.
113. *Senft G.* Ethnolinguistik // Ethnologie. Einführung und Überblick / Ed. Hans Fischer. 7 überarbeitete und erweiterte Auflage, 2012. Pp. 271–286. [1 ed. 1983].

114. *Senft G.* "... to grasp the native's point of view ..." – A plea for a holistic documentation of the Trobriand islanders' language, culture and cognition // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. № 24 (1). Pp. 7–30.
115. *Sharifian F.* Lingwistyka kulturowa [Z ang. oryginału "Cultural linguistics" 2015 tłum. Adam Głaz] // *Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury*. 2016. № 28. S. 31–55.
116. *Slavic Ethnolinguistics*. Commission for Slavic Ethnolinguistics ICS (Славянская этнолингвистика. Комиссия по этнолингвистике при Международном комитете славистов) (сайт). [Электронный ресурс.] URL: <https://www.ethnolinguistica-slavica.org/> (дата последнего обращения: 12.12.2021).
117. *SLSJ – Słownik ludowych stereotypów językowych*. Zeszyt próbny. Wrocław, 1980.
118. *SPOTKANIE = Spotkanie etnolingwistów z Moskwy i Lublina 7 grudnia 2009* // *Etnolingwistyka*. 2010. № 22. S. 256–270.
119. *SSiSL = Słownik stereotypów i symboli ludowych / Koncepcja całości i redakcja J. Bartmiński, zastępca redaktora S. Niebrzegowska-Bartmińska*, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
T. I – Kosmos. Z. 1. Niebo, światła niebieskie, ogień, kamienie (1996); z. 2. Ziemia, woda, podziemi (1999); z. 3. Meteorologia (2012); z. 4. Świat, światło, metale (2012);
T. II – Rośliny. Z. 1. Zboża (2017); z. 2. Warzywa, przyprawy, rośliny przemysłowe (2018); z. 3. Kwiaty (2019); z. 4. Zioła (2019), z. 5. Drzewa owocowe i iglaste (2020).
120. *Stanonik M.* *Etnolingvistika po slovensku*. Ljubljana, 2017.
121. *Tabakowska E.* A Linguistic Picture, Image, or View of Polish Cognitive Studies // *Głaz Adam, David Danaher, Przemysław Łozowski* (eds.). *The Linguistic Worldview: Ethnolinguistics, Cognition and Culture*. London: Versita, 2013. Pp. 321–338.
122. *Tolstaja S.* *Etnolingwistyka historyczno-porównawcza* // *Polonistyka na początku XXI wieku. Diagnozy, koncepcje, perspektywy*. T. IV. Pogranicza, mniejszości, regiony. *Etnolingwistyka / Red. Jolanta Tambor*. Katowice, 2018. S. 221–226.
123. *Trabant Ju.* *Weltansichten*. Wilhelm von Humboldts Sprachprojekt. München, 2012.
124. *Underhill J.* *Ethnolinguistics and Cultural Concepts*. Truth, Love, Hate and War. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
125. *Underhill J.* *Humboldt, Worldview and Language*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.
126. *Underhill J.* *Reflections upon Bartmiński's Cognitive Ethnolinguistics* // *Głaz Adam, David Danaher, Przemysław Łozowski* (eds.). *The Linguistic Worldview: Ethnolinguistics, Cognition and Culture*. London: Versita, 2013. Pp. 339–349.
127. *Vaňková I.* Úvodem na cestě kognitivní (etno)lingvistiky // *Slovo a Slovesnost: časopis pro otázky teorie a kultury jazyka*. 2010. № 71. S. 245–249.
128. *Whorf B.L.* *Język, myśl i rzeczywistość* / Przeł. Teresa Hołowska, wstępem opatrzył Adam Schaff. Warszawa: PIW, 1956/1982.
129. *Wierzbicka A.* *Imprisoned in English. The Hazards of English as a Default Language*. Oxford, 2014.
130. *Wierzbicka A.* *Experience, evidence, and sense: The hidden cultural legacy of English*. New York: Oxford University Press, 2010.
131. *Wierzbicka A.* *Język – umysł – kultura. Wybór prac* / Red. J. Bartmiński. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999.
132. *Wierzbicka A.* Polish zwierzęta 'animals' and jabłka 'apples': an ethnosemantic inquiry // *Głaz Adam, David Danaher, Przemysław Łozowski* (eds.). *The Linguistic Worldview: Ethnolinguistics, Cognition and Culture*. London: Versita, 2013. Pp. 137–159.
133. *Wierzbicka A.* *Semantyka. Jednostki elementarne i uniwersalne*. Lublin, 2006 (wydanie drugie 2010) [oryginał: *Semantics. Primes and Universals*, 1996].

134. *Wierzbicka A.* Słowa klucze. Różne języki – różne kultury. Przekł. z ang. I. Duraj-Nowosielska, Warszawa, 2007 [oryginał: *Understanding Cultures through Their Key Words. English, Russian, Polish, German, and Japanese.* Oxford University Press, 1997].
135. WJOS 1–6: Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów. Lublin, 2012–2019:
- 1 – Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów: [Analizy semantyczne domu, pracy, ojczyzny, wolności i in.] / Red. M. Abramowicz, J. Bartmiński, I. Bielińska-Gardziel. Lublin, 2012.
- 2 – Wokół europejskiej aksjofery / Red. J. Bartmiński, I. Bielińska-Gardziel, S. Niebrzegowska-Bartmińska. Lublin, 2014.
- 3 – Problemy eksplikowania i profilowania pojęć / Red. I. Bielińska-Gardziel, S. Niebrzegowska-Bartmińska, J. Szadura. Lublin, 2014.
- 4 – Słownik językowy – leksykon – encyklopedia w programie badań porównawczych / Red. S. Niebrzegowska-Bartmińska, J. Szadura, B. Żywicka. Lublin, 2018.
- 5 – Koncepty i ich profilowanie / Red. S. Niebrzegowska-Bartmińska, D. Pazio-Wlazłowska. Lublin, 2019.
- 6 – Jedność w różnorodności. Wokół słowiańskiej aksjofery / Red. S. Niebrzegowska-Bartmińska, D. Pazio-Wlazłowska. Lublin, 2019.
136. *Woźniak-Kasperek J.* Podstawy budowy tezaury. Poradnik. Warszawa, 2005.
137. *Zinken J.* Linguistic picture of the world or language in the world? Metaphors and methods in ethnolinguistic research // *Etnolingwistyka*. 2008. № 20. S. 51–62.
138. *Zinken J.* Metaphors, stereotypes, and the linguistic picture of the world: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin // *Metaphorik.de* 2004. No 7. S. 115–136.
139. *Zinken J.* The Ethnolinguistic School of Lublin and Anglo-American cognitive linguistics // Jerzy Bartmiński. *Aspects of Cognitive Ethnolinguistics*. London: Equinox, 2009. Pp. 1–5.

Перевела с польского языка В.Г. Кульпина

ЯЗЫКОВАЯ МЕТАФОРА И МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ¹

Л.О. Чернейко

LANGUAGE METAPHOR AND METAPHORICAL THINKING

L.O. Cherneyko

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of linguistic metaphor, but the focus of the research is a) the connection of metaphor with metaphorical thinking and with the type of artistic speech, b) the metaphorizer (metaphor auxiliary subject) as one of the obligatory elements of its two-component structure and its axiological potential, c) the conditionality of the choice of the metaphorizer by the psycho-emotional state of the subject of speech (psi-factor). A typology of linguistic metaphor based on its connection with the type of verbalized thinking and function is proposed. The article also discusses basic terms that are important in the theory of metaphorical comparatives (comparative tropes). The material for analysis is the texts of the stories of M. Shishkin and T. Tolstaya, united by the attention of the characters to graphic signs: to the letters of the alphabet (the plot of Shishkin's story) and to numbers (a fragment of the plot of Tolstaya's story), as well as some similarities in the plot.

Keywords: metaphorical thinking; language metaphor; metaphorizer; projection; similarity; likeness.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме языковой метафоры, но в фокусе исследования находятся а) связь метафоры с метафорическим мышлением и с типом художественной речи, б) метафоризатор (вспомогательный субъект метафоры) как один из обязательных элементов ее двукомпонентной структуры и его аксиологический потенциал, в) обусловленность выбора метафоризатора психоэмоциональным состоянием субъекта речи (пси-фактором). Предлагается типология языковой метафоры, основанная на ее связи с типом вербализованного мышления и с функцией. В статье также рассматриваются базовые термины, имеющие важное значение в теории метафорических компаративов (компаративных тропов). Материал для анализа – тексты рассказов М. Шишкина и Т. Толстой, объединенные вниманием персонажей к графическим знакам: к буквам алфавита (сюжет рассказа Шишкина) и к цифрам (фрагмент сюжета рассказа Толстой), а также некоторым сходством фавулы.

Ключевые слова: метафорическое мышление, языковая метафора, метафоризатор, проекция, подобие, сходство.

---

¹ В основе статьи лежит материал пленарного доклада, прочитанного на международной конференции «Метафорическая картина мира современной художественной прозы» в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН, проходившей в Москве 10–11 марта 2021 г.

Текст для философа есть то,
что всегда содержит какое-то
мышление, какое-то знание.
А. Пятигорский.
Философия одного переуллка.

І. ЯЗЫКОВАЯ МЕТАФОРА КАК КЛЮЧ К РЕКОНСТРУКЦИИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

1.1. Когнитивно значимым аспектом изучения метафорического пространства художественного текста (далее – ХТ) как «ядра» языка подобий, представляется соотношение восприятия (перцепции) фрагмента мира субъектом сознания/речи (персонажем), его индивидуального опыта и актуального психического состояния (пси-фактора), но в теории метафоры по-прежнему дискуссионным остается вопрос, связанный с пониманием термина «метафора» и – как следствие – с определением границ его референции. Аристотель сосредоточил свое внимание на эффекте, получаемом при перемещении имени со «своей» вещи на другую («с вида на вид», на род или «по аналогии»; один из его примеров: *старость – вечер жизни, а вечер – старость дня*), а метафора мыслилась им как сугубо языковое явление [Аристотель 1984: 669].

В современном пространстве научной сферы речи показательны два контекста употребления термина «метафора»: первый – это информационное письмо, посланное участникам международной конференции «Метафорическая картина мира современной художественной прозы» (10–11 марта 2021 г.) ее организаторами (сотрудниками Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН), одно из положений которого сформулировано следующим образом: «Метафора имеет национально-специфическое выражение» (выделено мною. – Л.Ч.). Второй взят из лингвистической статьи журнала «Личность. Культура. Общество» 2013 г.: «Язык является самой показательной формой объективации метафор» (выделено мною. – Л.Ч.). Вряд ли выделенные фрагменты нуждаются в расширенном комментарии, но в них а) явлено понимание метафоры в духе концепции Дж. Лакоффа: метафора – это способ мыслить мир («Metaphor is not a matter of language but of thought» [Lakoff http])² и б) очевидна семантическая асимметрия термина «метафора», возникшая в результате того, что, сохранив свое традиционное значение языкового средства выражения сходства явлений, термин стал обозна-

---

² Еще раньше о метафоре как «мыслительной модели» писал К. Бюлер [Бюлер 1993: 317-319].

чать и особого рода содержание («метафора имеет выражение» и «объективация метафоры»), которое можно связать с особым типом мышления, известного под названием «метафорическое мышление»³. По этой причине в приведенных выше двух контекстах термин «метафора» требует замены на аналитический термин «метафорическое мышление», который ставит всё на свои логические места. Однако этим терминологическим решением проблема не исчерпывается, поскольку возникает необходимость уточнения связи между собой таких ключевых психолингвистических понятий, релевантных для анализа текста, как «сознание (в его модусах)»/«типы мышления»/«типы речи»/«типы метафор».

1.2.1. Определений термина «сознание» множество, но единая концепция сознания отсутствует по той объективной причине, которую обозначила альтернативная философия в лице А.М. Пятигорского, высказавшего мысль о бессилии науки и философии «решить проблему сознания содержательным образом» [Пятигорский 1996: 91], т. е. дать сущностное определение понятию «сознание». Возникает необходимость на основании существующих трактовок сформулировать такое понимание означенных выше терминов, которое соответствует решению поставленных исследовательских задач, поскольку общепринятая философская трактовка сознания им не соответствует, хотя и определяется широко как «состояние» психической жизни индивида»⁴.

Концепция В.В. Налимова (как и концепция Мамардашвили–Пятигорского) не определяет «чтойности» сознания, но предлагает на основе концептуальной метафоры ‘ЗДАНИЕ’ «карту сознания», в которую включено бессознательное (подсознание и сверхсознание – как его «подвалы» и «чердаки») на равных правах со «светлой зоной», ответственной за осознаваемость сигналов как внешнего мира, так и внутреннего в рамках саморефлексии [Налимов 1989]. Такое понимание структуры сознания подтверждается доказанным когнитивной психологией фактом, что многие виды мышления базируются на бессознательном, при этом само бессознательное трактуется как неподотчетная логике рассудка сфера знания, а «осознанной может быть лишь часть

---

³ В типологии мышления, разработанной отечественными психологами, этому термину соответствуют, по крайней мере, три: «интуитивное» (родовой термин), «образное» и «латеральное», т. е. нестандартное.

⁴ Сознание – состояние психической жизни индивида, выражающееся в субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида, в отчете об этих событиях. Сознание противопоставляется бессознательному в разных его вариантах (неосознаваемое, подсознание) [Новая философская энциклопедия 2001: 589].

мышления» [Новая философская энциклопедия 2001: 630] и, соответственно, сознания.

Что касается типов мышления, то и в этой области знания нет общепринятой таксономии, но ее семантической базой, представленной в существующих концепциях⁵, является инвариантная сема 'интенция' мышления. Применительно к общей концепции метафоры, лежащей в основе данной статьи, термин «интенция» требует уточнения и сужения, разрешенного его широким философским пониманием, включающим и узкое: это даже не бессознательное намерение, а переживание, проживание созерцательно наблюдаемого, определяющее и тип мышления по отсутствию осознаваемого намерения («мышление созерцательное» – экзистенциально значимое и бескорыстное), когда «внешний вид предмета выходит нам навстречу» [Хайдеггер 1991: 116]. Философская традиция эталонным признавала мышление «герменевтическое» с акцентом на осознаваемости мыслимого («мыслю») + «знаю, что мыслю»), что приравнивало мышление к сознанию и не позволяло увидеть их различия.

1.2.2. Для целей лингвофилософского анализа художественного текста представляется возможным свести это различие к тому минимуму, который необходим и достаточен для уяснения связи речи (а только она дана лингвисту в руки как эмпирически постигаемый объект) с мышлением и сознанием. Универсальный путь к сознанию и мышлению личности (персонажа, нарратора, автора) начинается с лингвистической реконструкции текста в заданном аспекте. Релевантным для этой цели

---

⁵ Анализ трактовки мышления, представленной в обширной статье [Новая философская энциклопедия 2001: 626-632], позволяет предложить следующую краткую схему типов мышления и выделить мышление1 и мышление2 (практическое, целевое). В соответствии с интенциями сознания мышление1, направленное на освоение (восприятие и понимание) действительности, связано со сферой бессознательного (условно его можно назвать «герменевтическим»). В основе его типологии лежат такие параметры, как а) эпистемологический характер базы сознания: обыденное, мифологическое, философское, научное (теоретическое и эмпирическое), религиозное; б) вовлеченность сенсорных каналов (чувственное и символическое); в) способы выражения (языковое и «вещное», наглядное). Следует отметить, что именно чувственное мышление связывалось в отечественной философии с интуицией как сферой «неосознаваемого известного» и именовалось «интуитивным мышлением», которое сопоставлялось с «дискурсивным мышлением» (аналитическим, вербализованным). В рамки интуитивного вписывается мышление-восприятие физического мира (его можно назвать «перцептивным мышлением») и мышление-понимание мира абстракций («символическое мышление»). Мышление теоретическое в форме такой репрезентации, как рассуждение, исторически считалось истинным мышлением. Но воплощение мышления в речи «внутренней» как размышление «про себя» и в речи «овнешней», в акте коммуникации (тексте устным или написанном) остается неизбежной универсальной формой его репрезентации на все времена.

представляется следующее нетривиальное определение термина «текст»: «некоторая длительность содержания, ориентированная на некоторое состояние сознания» [Мамардашвили, Пятигорский 1997: 67]. Но с одним необходимым уточнением: «длительность содержания» представлена в линейной последовательности материальных означающих, воплощающей «некоторое состояние сознания». Таким образом, вся предложенная аргументация соотношения цепочки понятий «текст» – «мышление» – «сознание» обусловлена необходимостью из множества их трактовок выбрать и выработать то лингвистически релевантное, что приложимо к анализу языковой метафоры и метафорического мышления как одной из необходимых опор не только ХТ, но и сознания в его когнитивной интенции. Если идти от сознания в любом из его модусов к речи, то в мышлении оно актуализируется, а в тексте воплощается.

1.3. Метафорическое мышление вписывается в герменевтический тип (акцент на восприятии и познании), коррелирует с такими его подтипами, как чувственное мышление (предмет проецируется на предмет: *стена теней*), символическое мышление (абстракция проецируется на предмет: *стена непонимания*), и воплощается не только в языковой метафоре (*лучи-шаги, стена теней, ночей тюрьма* – Маяковский), но и в сравнительном обороте: *звезды словно блески*), в эпитете (*горбатые крыши*), в метаморфозе (низ горы... *кривился крыши корою* – Маяковский), т. е. во всех тропеических конструкциях, в которых эксплицитно или имплицитно выражена проекция X на У⁶.

На новом витке существования лингвистики (и лингвистики текста в частности) возникшая широта понимания термина «коннотация»⁷ предопределила и необходимость пересмотра проблемы ассоциативности как слова, так и стоящего за ним явления, смещение фокуса внимания с парадигматики знака на его синтагматику, иначе говоря, на те ассоциативные связи слова, которые возникают у говорящего *ad hoc* и вписываются в структуру текста, но в еще большей степени – к тем причинам (мотивам), которые эти связи порождают и обуславливают выбор вспо-

---

⁶ Представлена она и в особом типе внутренней формы слова, когда объективно присущий номинируемому явлению параметр (свойство, модус) проецируется на тот предмет, который в данной культуре мыслится стандартным носителем параметра: *еж – ежиться* [Чернейко 2013]).

⁷ **1.** Семантико-прагматическая коннотация слова как его узаконенная ассоциация. **2.** Стилистическая коннотация как узаконенное положение слова в системе стилистических регистров языка. **3.** Лингвокультурная коннотация как узаконенные определенной культурой значимые смыслы, которыми она наделяет и артефакты и природные объекты и которые направляют сочетаемость их имен в текстах разных жанров.

могательного субъекта метафорической номинации – метафоризатора. В функции оператора-метафоризатора при имени существительном (по М. Блэку, это «вспомогательный субъект метафоры» при «основном», вводящем в речь воспринимаемый проецируемый предмет, идею) могут выступать такие грамматический классы единиц лексикона, как предметное имя существительное (иногда и АИ) и его предикаты, выраженные дескриптивными прилагательными и глаголами наблюдаемого действия/состояния.

Дж. Лакофф предлагает термин «проекционная метафора» и считает, что метафора обеспечивает взаимное сопоставление (mapping) двух разных семантических сфер: сферы-источника, донора (source domain) и сферы-мишени, реципиента (target domain) в пределах некоей концептуальной структуры [Lakoff http], или, согласно концепции К. Бюлера (работа вышла в 1934 г.), «в композиции, основанной на смешении сфер» [Бюлер 1993: 319]. Вопрос о «взаимной проекции» может быть поставлен под сомнение, если руководствоваться «правилом Пауля–Бюлера», в соответствии с которым «неизвестное может быть определено только через известное, а более далекое от интересов – через более близкое» [Там же: 317, Пауль 1960: 114]. Если взять за основу геометрическое значение термина «проекция», на которое с очевидностью опирается К. Бюлер, то проекция поставленного в фокус внимания геометра (и под проекционный луч) предмета обнаруживается на так называемой «картинной плоскости» экрана. Если же перенести эту наблюдаемую процедуру в качестве наглядной модели соотношения мышления и речи в психолингвистику, то метафорическое мышление обнаруживает себя в проекционной деятельности, но специфика проекции в отличие от ассоциации, которая может осуществляться по самым разным основаниям, состоит в когнитивном неравенстве объединенных метафорическим мышлением явлений (предметов, ситуаций, идей), а именно – в зависимости проецируемого феномена (менее известного, понятного, абстрактного) на более известный, взятый из опыта («картинной плоскости»), на которой располагаются перцептивные образы уже известных предметов физического мира и символика известных идей), но не наоборот (подробно в [Чернейко 2019]).

В термине «коннотация» заложена идея узаконенности «добавки» к денотату, тогда как в термине «проекция» на первый план выходит механизм возникновения языковой образности (иногда стершейся от частого употребления, но, тем не менее, обнаруживаемой как «незнакомое знание»), а акцент сделан на когнитивном неравноправии в отношении познаваемого, проецируемого объекта (метафоризируемого) на предмет-

ный мир опыта говорящего как субъекта восприятия и познания, откуда извлекаются метафоризаторы. Кроме того, в перцептивной метафоре как языковой структуре, воплощающей метафорическое мышление, механизм которого – обязательная ментальная процедура проекции, говорящий оказывается во власти и воспринимаемого предмета, и собственного сознания, для которого предмет мира (*лучи, тени, крыши*) оказывается стимулом, расширяющим внутреннее пространство личности в ее индивидуальном взаимодействии с внешним миром. Можно сказать, что в созерцании как модусе сознания, метафорическое мышление стирает границу между двумя мирами – внешним и внутренним⁸, чему служит метафоризатор окказиональной перцептивной метафоры (*шаги в шаги-лучи, стена в стена теней, кора в крыш корою*). Именно в таком сближающем внешний и внутренний миры «формообразующем инстинкте» (словоупотребление О. Мандельштама), как перцептивная метафора, знание преобладает над зрением, метафизика – над физикой, индивидуальное – над всеобщим.

Термин «проекция» представляется важным инструментом исследования языка подобий ХТ, поскольку им, с одной стороны, снимаются а) различие таких тропических номинаций, как сравнение, метафора, метаморфоза, эпитет, и б) противопоставление образов логических и чувственных, с другой стороны, устанавливается иерархия двух явлений, одно из которых, известное и более понятное, когнитивно подчиняет другое – менее известное, понятное. Основанием (фокусом) проекции, как и при сравнении, является общность предметов X и Y в каком-либо аспекте (по свойству или по их совокупности). Но «Y-предмет», взятый изначально из сферы потенциальных метафоризаторов X-а (из «картинной плоскости» индивидуального опыта), принимается культурой как носитель параметра проецируемого X-предмета и становится узальным предметом-стандартом, тогда как окказиональный всегда отстает от общепринятого стандарта, а при его частой встречаемости в ХТ конкретного автора может получить статус окказионального стандарта.

Как писал Г. Пауль, в метафоре, воплощающей ассоциации по сходству, передается «своеобразие наблюдаемого», представлено «“свободное” озарение» (цит. по: [Бюлер 1960: 318]). «Свободное озарение» является характеристикой в первую очередь художественной речи, а «своеобразие наблюдаемого» передается выбором к его имени предика-

---

⁸ «Что действительно важно в метафоре, так это духовная глубина, на которую объекты внешнего мира, реального или вымышленного, перемещаются при помощи холодного жара воображения» [Уилрайт 1990: 83].

та, применительно к языковой метафоре – метафоризаторов, совокупность которых, в свою очередь, может быть представлена в виде словаря индивидуальной «картинной плоскости» (вспомогательных субъектов метафоры), воспроизводящей индивидуальный опыт. Оказиональные метафоризаторы прокладывают путь и к типу актуализированного, «овнешнённого» мышления личности (персонажа), и к ее «картинкам мира», а через них – и к картине мира автора.

II. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЯЗЫКОВОЙ МЕТАФОРЫ

2.1. Общий вывод из сказанного: метафора как особая языковая конструкция стоит на службе у определенного модуса сознания, связанного со сферой бессознательного (интуиции); воплощает такие подтипы герменевтического мышления, как мышление перцептивное (в образной, двуплановой метафоре), и мышление символическое (в метафоре когнитивной, или концептуальной). Иными словами, языковая метафора воплощает метафорическое мышление (а оно явлено не только в речи, в предикации, но и в номинации⁹), однако с разными типами речи связаны разные типы метафоры.

Языковые метафоры можно условно разделить на лексически и грамматически обязательные. Причина метафор первого типа кроется в необходимости назвать предмет (это метафора-катахреза при узком понимании семантически широкого термина «катахреза», оправдывающем этот термин, номинативная¹⁰, семиотически вынужденная – *подошва горы*). Причина грамматически обусловленной метафоры состоит в необходимости приписать абстрактному имени (АИ) предикат, что и создает метафору когнитивную, обязательность которой при АИ обусловлена отсутствием собственных предикатов: *червь сомнения*, *сомнения робкие*, *улетучились*. Грамматически и лексически факультативными (метафорами созерцания) можно считать языковые единицы, не вызванные логической необходимостью рассуждения, однако они обязательны для герменевтического типа мышления, поскольку ни восприятие, ни понимание мира вне метафоры как языкового способа репрезен-

---

⁹ Исключение составляет «субъективная ВФ» с представленной в ней проекционной моделью номинации, что характерно для всех номинативных метафор (*пробка* дорожная – фр. *l'embouteillage*, *la bouteille* = 'бутылка' и более частое *le bouchon*, *boucher* = 'затыкать'; надпись-предупреждение на дорогах: *BOUCHON*), а также для производных слов с так называемой «метафорической мотивацией», характерной для отсубстантивных глаголов (*съежиться*, *изрежетить*, *зместься*) [Чернейко 2013].

¹⁰ «Идентифицирующая метафора» с образной внутренней формой в типологии метафоры В.Н. Телия [Телия 1988: 190].

тации этих процессов и их результатов невозможно. К метафорам созерцания относятся: а) образная метафора (*стена теней*), обусловленная восприятием и эмоциональным переживанием предмета перцепции в открывшихся внутреннему взору наблюдателя его особых аспектах (свойствах, качествах, функциях), которые не имеют в языке однозначного обозначения, но могут быть переданы комбинаторикой существующих в лексиконе слов; б) сравнительный оборот (*бледный, как полотно*); в) эпитет метафорический (*стальной голос*); г) метаморфоза (*влететь стрелой*).

Особняком стоит метафора дидактическая, служащая сугубо практической цели донести трудно понимаемое до адресата и направленная говорящим на объяснение ему предмета (особенно абстрактного). Дидактическая метафора как особого рода функциональная единица текста может включать в себя названные структурные разновидности метафор.

Образная метафора всегда двупланова (согласно концепциям Н.Д. Арутюновой, В.Н. Телия). В ней фокусируемый параметр предмета восприятия передается в его проекции на предмет-стандарт, каким он мыслится в коллективном сознании (*паутина морщин, проводов*) или в индивидуальном, например: *паутина мостов, струн* (И. Бродский; *паутина снастей* (И. Анненский). Такой вид образной метафоры, связанной с особым модусом сознания и с особым видом проекции X-перцептивного на Y-стандарт может быть назван «перцептивной метафорой». Кроме того, она обладает свойством вводить хронотоп наблюдателя («дейктическая метафора» в [Чернейко 2017]).

На службе у перцепции стоит апперцепция – сложная мнемоническая сеть прежних восприятий и переживаний, проще говоря, личный опыт, который передается в речи через призму особого типа состояния сознания, присущего, по определению Н.О. Лосского, эйдетикам. Специфика эйдетической интуиции состоит в том, что воспоминания включаются в восприятие с высокой степенью их «чувственной полноты», дающей возможность построения наглядных образов на основе имевшихся ранее восприятий [Лосский 1999: 177]. Такой тип восприятия обнаруживается, например, в текстах произведений В. Набокова, обладавшего «цветным слухом» (как он сам написал о себе), где представлены уникальные перцептивные метафоры цвета (*ртутные тени – «Отчаяние», молочно-бледное шоссе – «Машенька»*) и формы (*морщинистая лужа – «Машенька»*).

Для метафорического мышления, как уже было сказано, проекция является способом интеллектуально-эмоционального освоения мира физического, явленного в своей дискретности, и мира умопостигаемого,

сложно преломляющего физическое и социальное пространства. На социальное пространство язык накидывает сетку этических и эстетически идеалов как меры, с которой разум соотносит сущее, а проекция коллективным сознанием идеалов на наглядный мир обыденного опыта социума позволяет идеалам хотя бы оречевляться: долг – *верность* долгу и *бремя*, *узы* долга; совесть – *велич*, *загла*, *узник* совести; свобода – *пришла*, *воздух* свободы, *бороться* за свободу; правда – *чистая*, *горькая*, *свет* правды. И те языковые метафоры, в которых проекции вербализуются, передают определенные эмоциональные состояния сознания субъекта и оценку воспринимаемого им физического или мыслимого абстрактного предмета, над освоением которого трудится сознание.

Абстрактные феномены осваиваются метафорическим мышлением, которое проецирует их на предметы эмпирического опыта и тем самым придает феноменам необходимую наглядность¹¹, без которой абстрактное невозможно освоить ни мыслью, ни речью, например: *паутина лжи*, *интриг*; *быта* – *жертва интриги*, *нить интриги*, *клубок интриг*, *плести интригу*, *погрязнуть в интригах*. Мир невидимый (чувствуемый и умопостигаемый) охватывается метафорическим мышлением, создающим проекции умопостигаемого на наглядную плоскость коллективного и/или личностного опыта, заполненную и предметными именами, и абстрактными, но при важном условии, что за ними стоят более известные и понятные фреймы (например, метафоры Лакоффа *любовь-БОЛЕЗНЬ*, *жизнь-ПУТЕШЕСТВИЕ*). Такого рода проекции имеют свою метафору с устоявшимся видовым термином «когнитивная метафора».

Роль субстантива в метафорической конструкции (быть метафоризуемым или метафоризатором) определяется его семиотическим статусом. В некотором множестве имен, семантически объединяющих имена видимого мира (условно: предметные имена) и мира невидимого (чувствуемого и умопостигаемого – это АИ), выявляется определенная закономерность: чем выше уровень абстрактности семантики слова, тем с меньшей степенью вероятности оно может быть метафоризатором; имена предметные как семантически амбивалентные могут эти роли объединять, но при АИ они всегда метафоризаторы, например: «горизонт» и «мираж» как имена оптических иллюзий, с одной стороны (*видеть*

---

¹¹ Ср.: «Значение слова физическое древнее нравственного» [Буслаев 1941: 171]. Древнее «нравственного» и «физическая» мотивация абстрактных имен существительных, пришедших к нам из разных языков в разное время, но сохранивших связь со своим этимологом, как, например, слово *интрига* (фр. *intrigue*, от лат. *Intricāre* = ‘запутывать’; ср.: фр. *tricoter* = ‘вязать’ и рус. *нити интриги*, *клубок интриг*, *плести интригу*) или *коррупция* (лат. *corrumpere* = ‘растлевать’, но буквальное, физическое значение – ‘портить’, рус. *ржавчина коррупция*).

мираж/горизонт и *миражи счастья, горизонт событий*), и «иллюзия» – с другой (*видеть иллюзию, но: иллюзии *рассеялись, крах, жертва иллюзий, в плену у иллюзий*), а в многочисленных сочетаниях с АИ в генитивной конструкции, например, *иллюзия свободы, счастья, силы, мира, любви* и под., это имя вводит смысл ‘отсутствие’ названного.

2.2. Подход к метафоре как к языковому средству воплощения разных модусов сознания, определяющих характер мышления, воплощенного в определенном типе речи, ставит многое на свои логикой обусловленные места, а в основе типологии метафор оказываются три базовых параметра: а) их структурная (языковая) обязательность, б) синтагматика метафоризатора и в) когнитивный фактор, позволяющие свести метафорические модели в единую схему. Синтагматика метафоризатора в рамках структурных возможностей русского языка представлена следующими простыми формулами: при АИ субстантивный, глагольный и адъективный метафоризаторы (а это всегда вторичные предикаты) создают метафору символическую: *горькая истина, когти тоски, скука душит*, а при предметном имени метафоризатор-субстантив создает метафору перцептивную (образную), которая по устоявшейся традиции определяется как «скрытый предикат» (*сеть морщин*). Грамматическая форма метафорического выражения не исчерпывается генитивной конструкцией: ею может быть творительный сравнения, создающий метаморфозу, эпитет, предложения метафорического тождества (*Жизнь – театр*); сравнительный оборот. Таким образом, создается возможность типологизации метафор на психолингвистической основе.

Языковые метафоры а) по связи с типом проекционного (метафорического) мышления: перцептивные (*цветные бусы фонарей, паутина мостов; чернильное небо, кровосмесительные закаты; влетела стрелой, вспыхнули маком огни*) и символические (*стена равнодушия, бездна кризиса*); б) по способу грамматического оформления метафоризатора: субстантивные – генитивные перцептивные (*бусы фонарей*), «метаморфозные» (творительный сравнения *влететь стрелой*), «сравнительно-оборотные» (*влетела, как стрела*) и генитивные символические = когнитивные (*бездна кризиса*); адъективные (*ртутные тени, горбатые крыши*).

Функциональное сходство сравнительного оборота и метаморфозы определяется их синтагматикой: они обслуживают зону предиката, тогда как генитивная метафора такого ограничения не имеет, поскольку сама может быть и субъектом высказывания (именной группой в позиции подлежащего, например: *В непроглядную тьму уплывает стая кораблей* (Т. Толстая), *Кровь слов сворачивается* (М. Шишкин), приложе-

нием при подлежащем (*Два пулемета, две железные собаки, подняв морду, стояли в вестибюле*. И. Бабель), предикатом предложения метафорического тождества (*Жизнь – театр, тире, поезд, перрон* и многое другое в зависимости от мироощущения).

Следует еще раз подчеркнуть то существенное различие между метафорой и сравнением, которое отмечено Якобсоном и Мандельштамом независимо друг от друга, а именно: логическую факультативность сравнения, определяющую его эстетическую ценность. Но обязательность, вынужденность метафоры касается только метафоры когнитивной, что обусловлено, как уже было сказано, семиотической спецификой абстрактного субстантива [Чернейко 2019].

Метафоры

Эта классификация в дополнение к существующим построена на эпистемологических возможностях метафорического мышления, его проекционной специфике и характере метафоризатора.

2.3. Если посмотреть на художественный текст как на полифонию оречевленных сознаний субъектов-персонажей (включая и нарратора), то можно обнаружить, что метафорическое мышление выбирает такую языковую форму метафорического выражения, которая в наибольшей степени соответствует одному из трех традиционно выделяемых типов

речи. Так, описание требует перцептивной метафоры (*стена дождя*), а рассуждение – когнитивной (*стена равнодушия*).

Вопрос о связи типа метафорического мышления и метафоры, которую оно выбирает, с типом речи, а точнее, с тем состоянием сознания, которое в каждом из трех обобщенных типов речи доминирует, требует подробного рассмотрения, но общая схема может быть намечена. В рамках такого функционального типа речи, как описание, вторгающееся в повествование, главенствует метафора перцептивная, представленная такими своими структурными разновидностями, как метафора генитивная образная, в которой два предметных субстантива сопрягаются в генитивной конструкции (*табуретки четверок* – Толстая), метафора адъективная (широко понимаемый эпитет: *в чернильном небе* – Толстая, *ресничный штрих* – Шишкин), сравнительный оборот (*звенящий, как струна, мир* – Толстая), метаморфоза (*Дым от сигареты вытягивается стрункой* – Шишкин).

Если в повествование вторгается рассуждение, опорные понятия которого облекаются в абстрактные имена, то это пространство заполняется когнитивной метафорой, поскольку для абстрактного субстантива связь с вторичными предикатами во многих случаях является обязательной по причине пустоты АИ для наглядности, о чем уже было сказано. Отсюда следует, что когнитивная метафора грамматически обязательна для введения абстрактного понятия в рассуждение (обсуждение), а сравнение представляет собой факультативную единицу исключительно с точки зрения развертывания логики повествования. В описании превалирует не логика, а перцепция, опирающаяся на апперцепцию, т. е. на прежний опыт личности. При этом в ХТ увиденное перцептом является лишь стимулом для ассоциации-проекции, которая выдергивается из памяти, как было показано, под влиянием психосоматического состояния субъекта речи – пси-фактора. Когнитивная метафора как метафора познания умопостигаемого мира в его проекциях на предметный мир может считаться эпистемологической в противовес перцептивной.

Таким образом, каждая метафора по-своему обязательна (в широком, неграмматическом понимании термина): метафора-эпистема существует для познания фрагментов мира, перцептивная – для передачи их восприятия, видения, дидактическая – для наглядной демонстрации познанного. На выбор метафоризатора, как было показано, существенное влияние оказывают и мировоззрение, и пси-фактор или широко понимаемый пси-фактор, охватывающий и мировоззрение. Неосознаваемое знание, лежащее в такой сфере сознания, как бессознательное, имеет свою форму репрезентации, свой знак – языковую метафору. Кроме

того, мироощущение как основа мировоззрения также принадлежит сфере бессознательного, и когнитивные схемы, построенные бессознательно как кристаллизация индивидуального опыта, являются фундаментом восприятия личностью и мира в себе, и себя в мире.

III. ВНЕЯЗЫКОВЫЕ ПРИЧИНЫ ВЫБОРА МЕТАФОРИЗАТОРА ГОВОРЯЩИМ И ЕГО АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ СЛУШАЮЩЕГО

3.1. Рассказ М. Шишкина «Урок каллиграфии» представляет собой диалог центрального персонажа (работника пенитенциарной системы Евгения Александровича) с теми разными ученицами – Софьей Павловной, Настасьей Филипповной, Анной Андреевной и Ларочкой (имена для отечественного литературного контекста прецедентные, интертекстуально значимые), которых он обучает каллиграфии. Главная мысль рассказа выявляется в самом тексте: *И пусть они там ненавидят и убивают, предают и вешаются – все это лишь натура для чистописания, сырье для красоты. И в эти удивительные минуты, когда хочется писать еще и еще, испытываешь какое-то странное, невыразимое ощущение. Верно, это и есть счастье!*

Антиномией миру реальному, какофоническому является для героя мир красоты и гармонии, заключенный в самом, пожалуй, бескорыстном виде искусства – каллиграфии. Вдохновенный комментарий учителя к листу, перу, позе, которую необходимо принимать при обучении каллиграфии, противопоставлен его длящемуся печальному рассказу о своей жизни, окаймленному рассказами учениц, построенными в той же тональности. Минорный лад сменяется мажорным и достигает своего апогея, когда речь заходит о той или иной букве кириллического алфавита. Эпиграфом ко всему рассказу могут служить такие слова из этого же текста: *В основе всего лежит линия, штрих, черта. Возьмите в пространстве две любых точки, два любых предмета – и между ними можно провести связывающую их линию. Между всеми вещами на свете существуют эти невидимые штрихи, всё ими взаимосвязано и неразсторжимо. Это своего рода жилы, которые не дают миру рассыпаться*. В этих же словах лежит и ключ к пониманию механизмов, которым подчиняется язык метафорического подобия любого художественного текста, но с одним уточнением: выбор метафоризатора в сравнении или классической метафоре определяется прежде всего психическим фактором – и психо-соматическим состоянием персонажа как субъекта речи и сознания, и его личностным опытом.

Текст рассказа М. Шишкина, где в фокусе внимания учителя каллиграфии буква, изобилует метафорами и сравнениями, которые в языке тропических подобий уравниваются наличием проекции: Е (е) – коварная простушка, невзрачная на вид, но для нее необходима легкая, куртуазная линия, которая, начинаясь почти ресничным штрихом, пролетает после изгиба назад, едва коснувшись потолка своей каморки, и, запрокидываясь в этой мертвой петле, стремительно бросается в полуовал; Н – тупорылая, казарменная; Р и П – вовсе не буквы, а так, Г на палочке; Ж – удивительная членистоногая пава, единственная особа, разлагающаяся на целых пять тактов! В ней есть что-то и от двуглавого орла, и в то же время мягкие ее полуовалы крепко сидят на строчке, как на ступеньке. Она словно соединяет собой, будто зажим, расплзающийся мир – небо и землю, восток и запад.

С логической точки зрения, в поведении персонажа-героя главенствует стратегия объяснения, и тогда все выделенные метафорические обороты суть метафоры дидактические, безотносительно к их структуре выражающие интенцию и главного героя, который, обучая, объясняет, и автора, давшего название рассказу – «Урок». Однако тягостное переживание персонажем далекого от идеала почитаемых им красоты и гармонии социального мира усиливает его восторг перед искусством письма, каллиграфией, совершенное владение которой неожиданно оборачивается по сюжету своей прагматической стороной – сделанной им почерковедческой экспертизой, послужившей справедливному правосудию. И сухая дидактика учителя каллиграфии расцветает под напором тех чувств, которые охватывают главного героя при встрече с буквой¹² и ассоциативно тянут за собой адекватные его состоянию эстетические переживания, одетые в метафоризаторы с преимущественно мейоративной оценкой. Таким образом, выбор метафоризатора персонажем, который является субъектом сознания и субъектом речи, определяется широко понимаемым пси-фактором – мировоззрением субъекта речи и его психоэмоциональным состоянием в момент говорения – эмоциональным подъемом учителя каллиграфии, явленным в его комментарии к буквам. Трагизм его жизни уравновешивается восторгом перед красотой каллиграфических шрифтов.

Свойство языковой метафоры выделять «ключевые» черты воспринимаемого предмета за счет его ожидаемых (узуальных) или неожиданных (оказиональных) проекций на другой предмет из сферы опыта

---

¹² Очевидна переключка с В.В. Набоковым в отношении его героев (и его самого) к звуко-букве («Память, говори!», «Другие берега»).

говорящего позволяет автору окказиональной метафоры отойти от всех возможных предметов-стандартов и выбрать такой предмет своей «картинной плоскости», который в его личном опыте является наиболее адекватным воспринимаемой черте ее предметом-носителем, однако регулятор выбора находится в аксиологическом пространстве личности и составляет ядро сферы его бессознательного, в которой всё воспринимаемое располагает на базовой оценочной шкале «хорошо–плохо».

Картинка букв как особого рода графических знаков, существующая в сознании (а бессознательное – его главный аксиологический ресурс) главного героя рассказа и раскрывается по ходу разворачивающегося сценария, далека от сложившегося стереотипного представления о букве как о сугубо функциональной единице, передающей звук на письме (ср.: буква, о которой писал В.К. Третьяков как о тени звука, – не «вещь», а «токмо тень» вещи, т. е. звука, «звона»), принадлежит всецело ему как личности со своей самобытной системой ценностей.

Е. Барминский отмечает, что в сфере ценностной картины мира его больше всего «интересуют характеристики вещей и сами вещи, в том числе понятийные сущности, положения, состояния и ситуации, правила, функционирующие как “идеи-проводники”<...>, мотивирующие состояния и положения людей, также вдохновляющие их на определенную деятельность» [Барминский 2011: 53–54]. Представляется, что основной причиной, или «идеями-проводником», ценностного отображения мира в художественном тексте является переживание бытия в его реальном воплощении, далеком от идеала. В анализируемом тексте рассказа переживание неидеальности и самого себя, и среды-«контекста» уравнивается безграничной и бескорыстной любовью героя к каллиграфии, в которой царствует экспрессия гармонии, ограничивающей свободу фантазии. Переживание этой гармонии как идеала бытия предопределяет выбор метафоризатора каждой букве-знаку, но и в этом «буквенном» пространстве герой руководствуется эстетической шкалой «красота-безобразия» (К. Розенкранц XIX в.), или «красота-уродство» (У. Эко XX в.), проецируя облик любимой буквы на паву, видя в ней подобие орла и придавая ей метафизическое значение вселенской «скрепы расползающегося мира». Другие буквы не вызывают такого восторга, но их образы, созданные их метафоризаторами, являются уникальными.

3.2. Рассказ Т. Толстой «Чистый лист» задает тематическую связь с листом бумаги, но в совершенно ином, символическом значении, присутствующем в фразе *начать с чистого листа*. Однако в названии рассказа заложена ирония автора, поскольку герой с «чистого листа» начинает

совсем другую жизнь, вырезав в фантастической операции, проделанной врачом-дьяволом, «орган боли, тоски», скорее всего, душу (налицо интертекстуальность сюжета сделки с дьяволом: кто продавал душу, кто – свою тень) и из страдающего болью близких человека сразу после операции «усекновения» тоски превращается в современного хама, о чем свидетельствует послеоперационный, изменившийся стилистический регистр его речи. В следующих контекстах представлено восприятие героем не только всей своей жизни и ситуации, в которой он оказался по своей воле, но и таких вроде бы не подлежащих эмоциональной оценке знаков, как цифры, попавших в сферу сложно организованной оценки.

Тоска: 1. *Каждую ночь к Игнатьеву приходила тоска. Тяжелая, смутная, с опущенной головой, садилась на краешек постели, брала за руку – печальная сиделка у безнадежного больного. Так и молчали часами – рука в руке. 2. За спиной сквозила сквозь кисею полусонная ночь, перебежали шепоты тоски. 3. Бедный мой мир, твой властелин поражен тоской. 4. Путы (тоски) долнут.*

Надежда: *Стеклянный шар уныния разлетится вдребезги, в мелкие, брызнувшие дребезги; новый, блистательный, звенящий, как струна, Игнатьев.*

У доктора: *Доктор писал, и неловкая тишина сгущалась. Спросишь – робко шелестнешь пересохишим языком, заискивающе заглядывая в кошмарный мрак, что зияет вселенским провалом меж верхним и нижним его веками.*

Цифры: *Чистый, хирургический ноготь профессора пополз по графам: тромбоциты, эритроциты. Все хорошо, хорошие цифры, крепкие, ясные, каленые орехи. Втайне горжусь: великолепные, здоровые нули, без червоточин; отлично сбитые табуретки четверок, чисто промытые очки восьмерок. Маленькая такая гнильца (о цифре 2), вы дальше смотрите, там-то какие шестерки рассыпались армянским виноградом!*

И в тексте этого рассказа, как и в первом, метафоризаторы отображают сразу несколько состояний героя. Первое – это его экзистенциальная тоска в ее противоположных ликах, но с преобладанием образа врага: в **тоска 1** она не просто спутница, но близкий человек (*приходила, садилась, сиделка, рука в руке*); в **тоска 2** (*шепоты тоски*) слиты воедино такие лексикографические смыслы, как ‘тихая повторяющаяся речь’ и ‘информация не для всех’, что намекает на близость героя и тоски; в **тоска 3** Игнатьев – жертва тоски, тогда как она враг-победитель (*поражен тоской*); в **тоска 4** она веревка, лишаящая его свободы (*путы долнут*). Второе – это его мечта, связанная с тем, что уныние как край-

няя точка, предел его существования *разобьется вдребезги*. Третье – это его психологическое состояние на приеме у доктора, в глазах которого герой увидел *мрак, зияющий вселенским провалом*, т. е. бездну, в которую его вверг доктор. И выбор метафоризаторов в каждом из рассмотренных случаев имеет свою эмоциональную причину (мотивацию), которая обуславливает знак оценки воспринимаемого в настоящем, в режиме «здесь и сейчас», предмета.

Из приведенных фрагментов выпадает тот, что связан с оценочным отношением Игнатъева к знакам цифр. Этот фрагмент включает такой прием воспроизведения состояния героя, как отстранение, дистанцирование героя от происходящего (от изучения доктором результатов анализа, представленных в цифрах), смену субъектной перспективы (цифры воспринимает изучающий их доктор) при совмещении двух точек их видения, поскольку оценка цифр и их проекция (*четверка-табуретка, очки восьмерок, гроздь шестерок*) принадлежат герою, но исключительно как субъекту сознания, в которое проник нарратор и которое имеет статус внутренней речи героя (несобственно-прямая речь). Эта речь выявляет замаскированную иронию героя по отношению ко всей ситуации, но в первую очередь, по отношению к самому себе. И в этой скрытой насмешке явлен прием остраннения [Чернейко 2020а, 2020б] – особого видения достаточно привычной ситуации «пациент-врач» в непривычной, новой, странной для героя обстановке ожидания операции. Таким образом, выбор метафоризаторов-пейоративов персонажем этого рассказа, являющимся по преимуществу субъектом сознания и внутренней речи, определяется так же, как и в тексте рассказа Шишкина, пси-фактором. Однако прямо противоположный знак оценки воспринимаемого героем связан с его актуальным психоэмоциональным состоянием, характеризующимся спадом жизненных сил под напором страха, наложившегося на минорный лад его мирочувствования.

Мимесис как подражание искусства действительности или как «воспроизведение жизни в формах самой жизни» считается основой искусства. Но если в жизни царствуют абсурд, неопределенность, а все ценности перевернуты, то и эстетические формы словесного воспроизведения им адекватны. Так, мимесис повседневности, но в ее абсурдном виде представлен в тексте романа Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него», где подражание приобретает характер остраннения – такого способа воспроизведения привычного окружающего мира, который явлен персонажу (иногда и нарратору) как странный, непонятный и потому чужой и чуждый (подробно в [Чернейко 2019]). Через технику остраннения мир глазами героя выглядит в романе как недолж-

ное сущее и соответствует тому пониманию термина «мимесис», которое обнаруживается в поэтике Аристотеля и которое различается по предмету подражания: подражать «тому, как было и есть» или «тому, как должно быть» [Аристотель 1984: 676]. Базовая метафора России как «дома скорби» у «просахалинненого» А.П. Чехова определяет характер метафоризаторов в языке подобий текста «Остров Сахалин».

3.3. В текстах СМИ как особой разновидности публицистики на выбор метафоризатора влияет мировоззрение авторов. Поскольку СМИ – арена мировоззренческой (идеологической – в широком понимании термина «идеология») борьбы правых-левых между собой и с властью, постольку главенствующим речевым орудием оказывается оценочная, но, как показывают исследования, по преимуществу отрицательно окрашенная лексика (вплоть до бранной, превращающейся в определенных коммуникативных условиях в инвективу). Аксиологическая креативность СМИ не знает пределов. Так, например, достаточно новая аббревиатура *креакл*, употребляемая в отношении либеральной интеллигенции консервативно настроенной частью политического спектра современной России, имеет явную негативную оценочную коннотацию, источник которой – паронимическая аттракция [Чернейко, Ли 2020], как и аббревиатура *ЛОМ* («*Лидеры общественного мнения*» (*ломы*)), *столличные либералы в том числе <...> Вы можете поверить в то, что ломы заскучали без духа тюремной баланды, без запаха параши над страной, без зубов овчарки не шее?* – Новая газета, 2021).

В текстах СМИ можно найти много примеров негативной оценки, которой заряжен метафоризатор, а также иронии как «мягкой силы» борьбы, но мотивация выбора метафоризатора связана исключительно с «инаковостью» – «чужестью» и чуждостью совокупности других, исповедующих иную для субъекта оценки идеологию: *поголовье олигархов; Все прозорливцы и политологи разом вылезли на поверхность, как дождевые черви после ливня.* (Завтра, 2020); *«Политические лидеры» бьют собственной пропагандой.* (Новая газета, 2021); *«Единая Россия» талдычит о «стратегии развития», но при этом не делает ничего, чтобы Центробанк не рассовывал деньги по кубышкам.* Р. Горевой. *Партмутанты.* (Версия, 2021). Негативная оценка конкретной личности появляется не часто, поскольку может быть расценена адресатом как инвектива (*На предложение проф. Медведева остановить милитаризацию Арктики и отдать ее под международную юрисдикцию Главнокомандующий ответил ясно и на стиле: «придурак».* – Новая газета, 2021). Иронически (отстраненно и остранным) может быть оценена сложившаяся ситуации в целом (*Финансовые сделки X-a –*

как не до конца изученная вакцина: мало кто понимает, что происходит, но всем интересно. – 7 дней. 2020, № 4, с. 3).

Метафоризатор может задавать градуальную шкалу оценки метафоризируемого. Например, интенсивность отрицательной оценки такого абстрактного феномена, как либерализм, выражается через его разные проекции на сферу предметного опыта: одно дело сказать *в сети либерализма*, но совсем другое – *болото либерализма*, первое сочетание близко к констатации факта, второе – явное осуждение. Есть различия в видении и оценке экономики в таких сочетаниях, как *прихлопнуть экономику* и *задушить экономику*.

Авторы текстов СМИ не брезгают такими антиэстетическими метафоризаторами, воплощающими архаичную оппозицию «свой–чужой», как, например, *гной, гнида, вошь, слизь, плесень*, на фоне которых *пыльный голос* (из статьи А. Райкина, опубликованной в журнале «Огонек») выглядит особым изыском. Что касается метафоризаторов из языка интернет сообщества, то их и приводить неловко. Корпус метафоризаторов представлен в известном «Словаре русских политических метафор» Баранова–Караулова, изданном в 1994 г. Когнитивному исследованию политической метафоры (1991–2000) посвящена монография А.П. Чудинова «Россия в метафорическом зеркале» (2001), изданная в Екатеринбурге. Аннотация к «Словарю политических терминов в СМИ» представлена в статье 2016 г. Вестника Томского университета. Планируемое исследование включает не только новые термины СМИ, но и их метафоризацию.

Как отмечал Г. Пауль, «в выборе метафорического выражения проявляются <...> различия индивидуальных интересов, а из совокупности метафор, ставших в языке узуальными, можно видеть, какие интересы преобладали в народе» [Пауль: 1960 114–115].

Вместо заключения. Любая научная теория может считаться разработанной при одном условии: если «отточен» (и потому точен) ее главный эпистемологический инструмент – терминология. Вопрос связан с терминологической системой компаративных тропов, которая требует «терминоустороения» (словоупотребление П. Флоренского), т. е. семантического размежевания ее базовых инструментов. Определение метафоры Аристотелем включает понятие «аналогия». Его можно принять в качестве базового для широкого круга мыслимых и представляемых явлений, связь между которыми устанавливается в каком-либо отношении, но смысловом и при этом не обязательно мотивированном логиче-

ски, поскольку этимология термина *ανα-λογία* включает в себя идею 'собразности'.

На самом высоком уровне обобщения стоит термин «ассоциация», поскольку она возможна по любому основанию (фонетическому, графическому, смысловому) как узуально закрепленному, так и окказиональному. Термин «сопоставление» можно считать констатирующим, обозначающим факт соположения двух явлений в сознании. Лексикографическая интерпретация двух основных метаединиц – терминов «сходство» и «подобие» – в современных словарях совпадает по наличию порочного круга их толкования, который не удалось разорвать и «Русскому семантическому словарю» Н.Ю. Шведовой, где эти единицы семантически не разведены, но есть возможность вычленить различие между ними: в термине «подобие» семантический акцент падает на случайный признак сходства явлений, проявляющийся в какой-то момент времени (праслав. **doba* – время), есть и второй акцент – несоответствие видимого, идентифицируемого предмета его общепринятому стандарту: *подобие тюфяка* не есть тюфяк.

Анализ термина «проекция» на фоне термина «ассоциация» позволил их разграничить: «ассоциация» – наиболее широкое понятие, применимое ко всем ассоциативным связям слова (метафорическим и метонимическим, парадигматическим и синтагматическим), а *проекция* – это ментальная операция с умопостигаемыми феноменами, при которой абстрактное проецируется на предметную сферу (а не наоборот!) и является когнитивно зависимым в своем дискурсном существовании; языковой формой выражения проекции являются когнитивная метафора (*тиски одиночества*) и сравнительный оборот (*но, как вино, печаль минувших дней в моей душе чем старше, тем сильнее*). Работа по терминостроению требует немалых коллективных усилий и может быть объявлена передовой линией в разработке теории компаративных тропов как необходимый инструмент их дальнейшего изучения.

Как отмечает Е. Бартминьский, «в понятие языковой картины мира входит набор закрепленных (стереотипных) представлений о человеке и мире, которые можно восстановить с помощью разных типов языковых данных» [Бартминьский 2011: 54], а метафора художественного текста и текстов СМИ занимает в ряду этих данных едва ли не первое место как универсальное языковое средство воплощения разных состояний сознания, явленных в герменевтическом (метафорическом) типе мышления. Поэтому одна из задач когнитивной поэтики состоит в изучении связи между компаративным тропом и тем ментальным состоянием персонажа, которое им передается.

Литература / References

1. *Аристотель*. Поэтика // Сочинения в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 646–680.
2. *Бартминский Е.* Место ценностей в языковой картине мира // Эволюция ценностей в языках и культурах. М.: Пробел, 2011. С. 51–80.
3. *Блэк М.* Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 153–172.
4. *Буслаев Ф.И.* О преподавании отечественного языка. Л.: Гос. уч.-пед. изд., 1941.
5. *Бюлер К.* Теория языка. М.: Прогресс, 1993.
6. *Мандельштам О.* Разговор о Данте // Избранное. М.: Интерпринт, 1991. С. 220–276.
7. *Лосский Н.О.* Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1999.
8. *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: ЯРК, 1997.
9. *Налимов В.В.* В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993.
10. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989.
11. Новая философская энциклопедия. В 4 томах. М.: Мысль, 2001.
12. *Пауль Г.* Принципы истории языка. М.: Изд. ин. лит-ры, 1960.
13. *Пятигорский А.М.* Три беседы о метатеории сознания (совместно с М.К. Мамардашвили) // Избранные труды. М.: ЯРК, 1996. С. 61–107.
14. *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991.
15. *Чернейко Л.О.* Внутренняя форма слова и ее типология // Исследования по семантике: Межвузовский научный сборник. Выпуск 25. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 174–189.
16. *Чернейко Л.О.* Как рождается смысл. [Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования](#). М.: Гнозис, 2017.
17. *Чернейко Л.О.* Понятия «проекция» и «проективный смысл» в терминосистеме когнитивной лингвистики // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 158–170.
18. *Чернейко Л.О.* «Вероятностный мир» языковой личности // Вопросы психолингвистики. 2020а. Том 3. № 45. С. 137–152.
19. *Чернейко Л.О.* Остраннение как текстовая конструкция и как параметр идиостиля // Тезисы международной конференции «Третьи Григорьевские чтения». М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2020б. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. [Электронный ресурс.] URL: https://www.ruslang.ru/grigorjev2020_abstracts (дата обращения: 01.12.2021).
20. *Чернейко Л.О., Ли Яньянь.* Аббревиатура как номинативный и экспрессивный знак в текстах российских СМИ // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Том 22, № 3. Екатеринбург, 2020. С. 226–243.
21. *Шведова Н.Ю.*
22. *Якобсон Р.* Новейшая русская поэзия // Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 272–316.
23. *Lakoff G.* The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought. Cambridge University Press, 1993. [Электронный ресурс.] URL: <https://terpconnect.umd.edu/~israel/lakoff-ConTheorMetaphor.pdf> (дата обращения: 04.11.2021).

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК ИНТЕГРАТИВНАЯ НАУКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА¹

В.В. Красных

LINGUOCULTUROLOGY AS AN INTEGRATIVE DISCIPLINE: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

V. V. Krasnykh

ABSTRACT

The author presents linguoculturology as an integrative science in a historical perspective. The paper aims at analyzing some achievements of linguoculturology, the current stage in its development and its development prospects. The author pays significant attention to the scientific heritage of V.N. Teliya – the founder of the given research area. The article establishes as well as gives a brief analysis of the main research directions. The author focuses particularly on psycholinguoculturology (PLC) as a new discipline. The article analyzes from the standpoint of PLC the phenomenon of the basic metaphor UP on the material of the Russian linguoculture. The author makes an attempt to show – on the basis of data from various sciences – the universal nature of the basic metaphor under consideration and some of the main possible ways of its realization. The author considers the basic units in which this metaphor in the Russian linguoculture is verbalized.

Keywords: linguoculturology; psycholinguoculturology; linguoculture; metaphor; basic metaphor UP.

АННОТАЦИЯ

В статье лингвокультурология представлена как наука интегративного характера и рассматривается в исторической перспективе. Целью статьи является анализ некоторых достижений, современного состояния и перспектив развития лингвокультурологии. Значительное внимание уделяется научному наследию В.Н. Телия – основоположнику данного направления исследований. В статье выявлены и кратко проанализированы основные направления научных изысканий в области лингвокультурологии. Особое внимание уделено психолингвокультурологии (ПЛК) как новой научной дисциплине. С позиций ПЛК рассматривается феномен базовой метафоры ВЕРХ на примере русской лингвокульту-

---

¹ Статья написана на основе пленарного доклада, прочитанного на Международной научной конференции «Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации», приуроченной к 90-летию со дня рождения профессора Вероники Николаевны Телия и 100-летию Белорусского государственного университета (Минск, БГУ, 22–24.10.2021 г.).

ры. Предпринимается попытка на основе данных разных наук показать универсальный характер базовой метафоры и некоторых основных возможных векторов ее реализации. Представляются основные единицы, в которых оязыковляется данная метафора в русской лингвокультуре.

Ключевые слова: лингвокультурология; психолингвокультурология; лингвокультура; метафора; базовая метафора ВЕРХ.

Лингвокультурология как отдельная наука начала формироваться в конце XX века. Зачастую и вполне оправдано ее начало связывают с именем Владимира Васильевича Воробьева [Воробьев 1991, Воробьев 1992].

Однако возникновение и становление лингвокультурологии было бы немислимо без В.Н. Телия, которая начала задумываться над проблемами, которые мы сегодня назвали бы лингвокультурологическими, еще в 80-е годы [Телия 1986, Телия 1987, Телия 1988а, Телия 1988б], а в 90-е опубликовала важнейшие для кристаллизации лингвокультурологии работы [Телия 1995, Телия 1999а, Телия 1999б] и фундаментальный труд, являющийся, на мой взгляд, своеобразным манифестом этой науки [Телия 1996].

Сегодня можно утверждать, что из единого корня телиевской лингвокультурологии, которую сама В.Н. Телия понимала как науку о «живодействующей взаимосвязи языка и культуры», выросло несколько самостоятельных научных направлений, активно развивающихся в наши дни².

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Исследования проводятся с опорой в первую очередь на этимологический, фольклорный, (лингво)страноведческий, исторический и под. материал. В фокусе внимания находятся различные языковые единицы (лексемы, фразеологизмы), которые рассматриваются сквозь призму кодов культуры и той культурной информации, которая за ними стоит. По сути речь идет об изучении и описании с позиций лингвокультурологии «культурно-насыщенных» репрезентантов языковой картины мира. Мне представляется, что это направление, достаточно полно представленное, например, в работах М.Л. Ковшовой [Ковшова 2009, Ковшова 2015, Ковшова 2016], продолжая и развивая некоторые основные идеи В.Н. Телия, идейно сближается также и с фразеологической школой В.М. Мокиенко (напр., [Мокиенко 1986, Мокиенко 2003, Мокиенко 2005]).

---

² Более подробно данные направления представлены в [Красных 2016а].

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Данное направление, также уходящее корнями в научное наследие В.Н. Телия и активно формируемое сегодня И.В. Зыковой [Зыкова 2013, Зыкова 2014, Зыкова 2015а, Зыкова 2015б, Зыкова 2016], имеет в фокусе внимания когнитивные механизмы лингвокреативности и макрометафорические концептуальные модели, выявляемые и разрабатываемые в первую очередь на фразеологическом материале английского и русского языков. Как пишет И.В. Зыкова, «в рамках изучения *фразеологической креативности* именно *макрометафорическая концептуальная модель* становится основным фокусом исследования» [Зыкова 2016] (разбивка оригинала. – В.К.). «Базисным» для этого направления является понятие *концептосферы культуры*. При этом «признавая существование одной базовой концептосферы – концептосферы культуры», исследователь утверждает, что «ее бытование, развитие и функционирование немыслимо без ее главного актора – *творящей (созидающей) личности* и главного “хранилища” ее ценностного содержания – *естественного языка*» [Зыкова 2015б: 21] (разбивка оригинала. – В.К.). И здесь мы опять подходим к феномену лингвокреативности, в том числе – фразеокреативности (в терминах И.В. Зыковой), изучение которой видится одной из главных задач когнитивной лингвокультурологии.

ТЕОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Основоположником данного направления является В.И. Постовалова, на протяжении многих лет исследующая «интегрирование теологического знания в мировоззрение и культуру», которое «находит свое выражение и в науке о языке» [Постовалова 1988, Постовалова 1999, Постовалова 1995, Постовалова 2012, Постовалова 2016а, Постовалова 2016б].

Как пишет В.И. Постовалова, «при любом варианте реализации антропологической парадигмы в лингвокультурологии *остаётся в силе основной методологический постулат*, согласно которому все важнейшие феномены из мира существования языка и культуры должны рассматриваться не автономно как самостоятельные величины, но в антропологической перспективе, в контексте человека и его жизненного мира. А в случае теолингвокультурологии – в трансцендентной перспективе, в максимально широком контексте взаимосвязи Бога, мира и человека» [Постовалова 2016а] (выделено мною. – В.К.).

ПСИХОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ (ПЛК)

В данном случае я подробнее остановлюсь именно на этом направлении (подробнее см., напр., [Красных 2016б]), также являющемся пря-

мым и непосредственным продолжением лингвокультурологической школы В.Н. Телия.

ПЛК – это новое направление, которое начало формироваться в начале этого века. В фокусе внимания ПЛК находится человек говорящий сквозь призму лингвокультуры и лингвокультура сквозь призму человека говорящего.

Его определенным образом предвидела и провидела В.Н. Телия, подтверждением чего является защищенная под ее руководством кандидатская диссертация С.В. Кабаковой «Образное основание идиом: психолингвокультурологические аспекты» [Кабакова 1999]. В фокусе внимания указанной работы было «образное основание идиом, или образ, лежащий в основе мотивации внутренней формы идиомы», которое рассматривалось в трех аспектах: психологическом («с точки зрения его восприятия носителями языка»), лингвистическом («как один из аспектов значения фразеологизма, образующий его внутреннюю форму»), культурологическом («как содержание, соотносимое с “языком” культуры, а именно с эталонами, стереотипами, символами, мифологемами и проч.») [Указ.соч.]. Что касается ПЛК, о которой идет речь, то она изучает не различные аспекты определенных языковых единиц, но единое, сложное, многомерное пространство лингвокультуры, обладающей своими собственными единицами (словарем) и законами (грамматикой) (подробнее см., напр., [Красных 2016]).

Дальнейшее обсуждение проблем я предварю фразой, которую обычно приписывают Вольтеру: «Прежде чем спорить, давайте договоримся о терминах».

Термин «лингвокультура», насколько мне известно, в обозримом прошлом впервые в серьезной научной работе появился в названии докторской диссертации Т.Н. Снитко, в которой лингвокультура определялась «как особый тип взаимосвязи языка и культуры, проявляющийся как в сфере языка, так и в сфере культуры и подлежащий выявлению в сопоставлении с другим типом взаимосвязи языка и культуры, то есть в сравнении с другой лингвокультурой» [Снитко 1999 [http](http://)].

Но уже в 2000-х годов было предложено другое понимание лингвокультуры, которого я придерживаюсь до сих пор. В рамках ПЛК **лингвокультура** рассматривается как:

1) культура оязыковленная, т. е. воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых / речевых процессах, это культура явленная нам в языке и через язык;

2) феномен лингво-когнитивный, формируемый не языковыми единицами, но в первую очередь культурными смыслами и находящимися с

ними в отношениях взаимосвязанности образами сознания в их вербальных одеждах, в силу чего язык играет роль означающего, а означаемым являются культуруносные, т. е. функционально значимые для культуры, смыслы и образы; в этом – принципиальное отличие от языковой картины мира;

3) это третья семиотическая система, возникающая в рамках некоторого сообщества на участке пересечения / наложения языка и культуры данного сообщества, обладающая своим словарем и грамматикой;

4) это только спаянные культурой общие компоненты языкового сознания, т. е. опосредованные значениями и скрепленные культурным ядром общие компоненты образа мира (см., напр., [Красных 2016: 133; 110–122]).

Данное понимание лингвокультуры вписывает ее в «ризому», неотъемлемыми компонентами которой являются звенья неслиянного единства *ЧЕЛОВЕК (ГОВОРЯЩИЙ) – СОЗНАНИЕ – ЯЗЫК – КУЛЬТУРА – ЛИНГВОКУЛЬТУРА – КОММУНИКАЦИЯ – СООБЩЕСТВО* [Указ. соч.], ибо человек индивид, как представитель биологического вида становится индивидуальностью, личностью, Человеком говорящим, носителем сознания, языка, представителем культуры и лингвокультуры, осваивая, усваивая и присваивая язык, культуру и лингвокультуру своего сообщества в процессе социализации, которая осуществляется коммуникации в рамках данного сообщества и данной культуры и содержанием которой является межпоколенная трансляция культуры и лингвокультуры.

Представленное понимание лингвокультуры, с одной стороны, опирается на, с другой – отталкивается от идей ведущих отечественных ученых о языковой картине мира (ЯКМ). Согласно традиционному пониманию, ЯКМ рассматривалась (напр., Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, Ю.Н. Караулов, В.Н. Телия) и рассматривается (см. работы представителей Московской семантической школы) как сложно устроенное семантическое пространство. При этом классики (Н.Д. Арутюнова, Ю.Н. Караулов) уже сопрягали ЯКМ с человеком, но именно в трудах В.Н. Телия в ЯКМ оказались «вплетены» человек, его сознание, образ мира, культура как неотъемлемые факторы, ее предопределяющие. Так, по В.Н. Телия, языковая картина мира «представляет собой тот *продукт речемыслительной деятельности*, который вносит семантическое членение (mapping) в действительность, уникальное для любого языка»; «это неизбежный для *мыслительно-языковой деятельности продукт сознания*, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выраже-

ния мыслей о мире в актах коммуникации»; при этом ««вторичный» мир возникает не иначе, как в результате *интерпретации познающим индивидом* фактов в их отвлечении от предметной реальности» [Телия 1988б http] (курсив мой. – В.К.).

Важнейшая роль в «моделировании» «этого непредметного мира» отводится **метафоре**, которая служит, как пишет В.Н. Телия, используя слова В.И. Постоваловой, «призмой, через которую совершается мировидение» [Телия 1988б http].

Изучение метафор имеет долгую историю, и сегодня, вероятно, можно говорить о нескольких наиболее известных и распространенных концепциях, основанных на тропическом [Аристотель http], интерактивном / интеракционистском / интеракционном [Richards 1936 // 1965; Ричардс 1990; Black 1962, Black 1979; Блэк 1990] и когнитивном [Лакофф, Джонсон 2004 http; Лакофф 2004; Ортега-и-Гассет 1990] подходах (анализ некоторых из них представлен в [Телия 1988а]). Кстати, еще в конце XX в. Г.Н. Скляревская выделила 11 направлений в изучении языковой метафоры [Скляревская 1993: 6–8], отметив, правда, при этом, что «приведенная <...> классификация носит достаточно условный характер, так как многие работы отражают разные аспекты исследования метафоры» [Указ. соч.: 10].

В.Н. Телия рассматривала метафору как «один из наиболее продуктивных способов смыслопроизводства на всех значимых уровнях языковой структуры» [Телия 1988а: 3–4], сам «замысел метафоры – это интенция субъекта назвать осознаваемое, но еще “недодуманное” им понятие (или новую вещь) путем использования уже вербализованного понятия» [Телия 1988а: 37]. При этом «метафоризация – это процесс, приводящий к получению нового знания о мире в ходе его оязыковления путем использования уже имеющихся в языке наименований» [Телия 1988а: 46], а сам метафорический процесс – в связи с введением в модель метафоры параметра антропометричности – должен рассматриваться «как *деятельность* некоторой “языковой личности”, соизмеряющей себя и мир в диапазоне “личностного тезауруса” (который и есть *индивидуальная картина мира*)» [Телия 1988а: 41] (курсив мой. – В.К.).

Соответственно, метафора и метафорические процессы рассматриваются в связи с человеком, его сознанием, образом / картиной мира, культурой. И это не случайно, т. к. мысль человека как таковая, писал А.А. Ричардс «метафорична <...> и развивается через ассоциативное сравнение, и отсюда возникают метафоры в языке» [Ричардс 1990: 46].

Итак, **метафоричность крайне важна для осмысления и оязыковления мира, она уходит корнями в далекое прошлое, существует**

издревле, вероятно, столько, сколько существует язык и сколько существует потребность человека познавать мир, ибо метафора «способна обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксированное в виде значения языковой единицы» [Телия 1988b [http](#)]. Конечно, «архаическая» метафора и современная метафора имеют ряд отличий, о чем еще в 1947 г. писал С.Д. Кацнельсон [Кацнельсон 1947], однако еще в 1905 г. А.А. Потебня писал, что «метафоричность есть всегдашнее свойство языка», она есть «есть единственный первоначальный способ, доступный языку», т. е. единственный способ выражения и передачи мысли, «доступный» для «архаического», мифологического мировосприятия и мышления [Потебня 1989: 261, 263].

Итак, мы рассматриваем **метафору** как **древнейший (и, возможно, основной, хотя не единственный) способ познания и осмысления мира сквозь призму культуры.**

По уже полученным результатам проводимых нами исследований сегодня представляется возможным утверждать, что в рамках лингвокультуры можно выделить 4 подсистемы: когнитивную, метафорическую, эталонную, символическую [Красных 2005, Красных 2016б]. Вполне вероятно, что список их не закрыт (можно, думается, предположить, что со временем будут выявлены и другие подсистемы), но в любом случае он не бесконечен.

Итак, одной из подсистем лингвокультуры является подсистема метафорическая, единицами которой являются **базовые метафоры** – метафоры «изначальные», «исходные», имеющие архетипическую природу и основанные на архетипических представлениях [Красных 2016б: 130, 337]. Основанием базовых метафор выступают максимально абстрагированные «идеи», которые лежат в основе осмысления мира человеком и которые могут не осознаваться современными представителями лингвокультуры, но при необходимости поддаются рефлексии [Там же] (обоснование существования базовых метафор и их выявления и описания – см. [Красных 2020: 257]).

На основе многочисленных трудов представителей разных наук (филологов, культурологов, этнографов, философов – в том числе философов культуры) и собственных наблюдений представляется возможным выявлять и наглядно демонстрировать универсальный характер базовых метафор, лежащих (говоря словами В.Н. Телия) в основе окультуривания мира человеком и служащих образным основанием для его метафорического осмысления.

Так, например, базовая метафора **ВЕРХ** воплощается в концепте **ВЫСОТА**, овнешняется в конкретных образах и реализуется в разных

«вторичных» метафорах, т. е. в том, что является результатом дальнейшего метафорического осмысления мира на основе базовой «идеи»: например, **вершина**, **пик**, **небо**³, которые соотносятся с природно-стихийным кодом культуры (конкретнее: **вершина** и **пик** – с природно-ландшафтным, **небо** – со стихийным; подробнее см. [Красных 2016б: 379–383]), напр.: *встреча в верхах, верхушка хунты, верховная власть, верховный суд / совет, верхняя палата парламента; с высоты своего положения, достичь высот в карьере, высокие круги, высокий пост, высший свет, высшие достижения, всевышний; вершина власти; на пике успеха; на седьмом небе* и т. д. (подробнее об этом – см. [Красных 2020]).

В качестве иллюстрации высказанных утверждений приведем некоторые данные, касающиеся представлений о **небе** (подробнее см. [Красных 2020]).

Так, в работах М. Элиаде отмечается, что в «первобытных племенах, особенно тех, которые задержались в своем развитии на стадии охоты и собирательства», сохранились представления о так называемом «отдыхающем боге» – **Верховном** Существо, которое «удалилось на **Небо**»: в племени селькнам с Огненной Земли – о всемогущем, вездесущем и вечно, «удалившемся за звезды», «обитающем на **Небе**» или «*пребывающем на **Небе***» боге; в племени йоруба с Невольничьего Берега – о небесном творце Олорун, т. е. (досл.) «*хозяине **Неба***»; в племени гереро – о верховном боге Ньямбе, уединившемся на **небе**; племя эве обращается к Дзингбе («Всеобщему Отцу») во время засухи со словами: «*О **небо**, страшна засуха, пролей дождь...*»; племя жирияма из Восточной Африки о божестве говорится так: «*Мулунгу – **наверху**, маны же, души умерших предков моих, – **внизу***» [Элиаде 2010: 144–145]. Примеры можно было бы множить, но сказанного, думается, достаточно, чтобы провести важнейшую линию **ВЕРХ** – **БОГ**, имеющую, вероятно, универсальный характер: см., напр., русск. *Бог **высоко**, царь далеко*.

Кстати, подобное видение характерно не только для древнейших языческих форм осмысления и «организации», «вертикальном устрой-

---

³ Под «вторичной» метафорой мы понимаем результат дальнейшего метафорического осмысления мира на основе базовой «идеи», лежащей в основе метафоры «изначальной», которую мы обозначаем как «базовая метафора». В данном случае для написания имени результата дальнейшей, «вторичной» метафоризации мы используем строчные буквы и полужирный шрифт (**небо**), дабы визуальнo отграничить такого рода феномены от собственно базовых метафор и рядоположенных им феноменов (**ВЕРХ** – **БОГ** – **СВЕТ**...). Замечу, что «вторичные» метафоры заслуживают отдельного большого разговора, ибо некоторые из них (напр., то же **небо**) воплощаются в концептах, а некоторые (напр., **пик**) – в «концептообразных» феноменах (т. е. в образе конкретного феномена, «дрейфующего» благодаря метафоризации в сторону собственно концептов).

стве» мира. Так, М.И. Стеблин-Каменский пишет, что в эдических мифах представление о **небе** как обиталище богов навеяно христианской традицией [Стеблин-Каменский 1976 http]. Вместе с тем в фольклоре обиталищем высших сил может быть и *священное дерево*, см., напр., славянский *дуб* [Славянские... 1999: 143] (курсив мой. – В.К.). Нельзя не заметить, что подобное представление о священном дереве характерно не только для славян. Так, в древних германо-скандинавских мифах фигурирует ясьень Иггдрасиль. «Не случайно *образ мирового древа широко распространен в мифах у разных народов*» [Стеблин-Каменский 1976 http] (курсив мой. – В.К.). И здесь появляется вертикаль **ВЕРХ / НИЗ**, которая, как известно, представляет одну из базовых оппозиций.

Отмечу также, что, говоря о «космизации пространства», М. Элиаде на примере австралийских кочевников ахилпа демонстрирует «прототип широко распространенного космогонического образа: космические *столбы, поддерживающие Небо* и открывающие путь *в мир богов*» [Элиаде 1994: 30] (курсив мой. – В.К.). В связи с этим упоминаются также кельтские и германские народы, римляне, народы древней Индии (skambha – космический Столб), жители Канарских островов, племена квакиутли (Британская Колумбия) и нада с острова Флорес (Индонезия) [Там же].

Итак, этнографические, антропологические, культурологические данные о самых разных племенах и культурах наглядно демонстрируют проявления (вероятно) универсальной базовой оппозиции **ВЕРХ / НИЗ**, в которой **ВЕРХ** соотносится с Верховным Существом, с **БОГОМ** (прослеживается и в христианстве, см., напр.: *Отче наш, иже еси на небесех!* = *Отче наш, суиций на небесах!* = *Отец наш небесный...* = *Πάτερ ἡμῶν ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς* = *Pater noster, qui es in caelis*). При этом **ВЕРХ**, как представляется, являет собой древнейшую, восходящую к архетипическим представлениям «идею», которая «лежит в основе» концепта **ВЫСОТА** и воплощается в первую очередь в образе **неба** (*седьмое небо*; ... **Небесами** / **Клянусь**: *кто жизнью своей / Играл пред сумрачным недугом, / Чтоб ободрить угасший взор, / Клянусь, тот будет небу другом, / Каков бы ни был приговор / Земли слепой...* А.С. Пушкин), в ряде других конкретных образов, из которых для нас наиболее важными оказываются **гора** (напр., «унаследованный» нами *Олимп*) и **дерево** (в первую очередь – уже упоминавшийся *Иггдрасиль* как *Arbo mundi*, а также *дуб* как мировое дерево славян; отсюда: «У *Лукоморья* [центр Мира] *дуб зеленый...*»), а также в противопоставлении **неба и земли** (*земля и небо*), непосредственно **верха и низа** (*высокое положение* –

низкое происхождение; *восхождение* на престол – *низложение* монарха; *взывать* о милости – *снисхождение* властителя и т. д.). Таким образом, представляется возможным рассматривать **ВЕРХ** как базовую метафору, носящую по всей вероятности универсальный характер; результатом вторичной метафоризации указанной «идеи» является целый ряд конкретных метафор, актуальных «здесь и сейчас».

Однако оппозиция **ВЕРХ / НИЗ**, как известно, встраивается в «параллель» с еще одной важнейшей базовой оппозицией **СВЕТ / ТЬМА**. Соответственно, **ВЕРХ** соотносится со **СВЕТОМ**, чему мы также можно найти подтверждение в трудах антропологов.

Реификация базовой метафоры **ВЕРХА** как **СВЕТА** отражает данное представление и лежит, вероятно, и в основе актуальных сегодня высказываний: *ученье – свет, а неученье – тьма; Да будет проклят правды свет, / Когда посредственности хладной, / Завистливой, к соблазну жадной, / Он угрождает праздно! – Нет! / Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман... / Оставь герою сердце! Что же / Он будет без него? Тиран...* (А.С. Пушкин). Интересна в этом смысле единица *светоч* разума, которая восходит к идее «светоча» – свечи, факела, светильника как источника света, и в переносном смысле – источника истины, идей, знаний и под. См. также: *Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало!* (Н.А. Некрасов). Не меньший интерес представляет в связи с обсуждаемыми вопросами и единица *проблески* сознания, которая, как представляется, может интерпретироваться с помощью «параллельных» оппозиций **СВЕТ / ТЬМА // ВЕРХ / НИЗ**, доказательством чему могут служить высказывания с глаголом, обозначающим ‘движение вниз’, напр.: *погружаться в забытье / забвение / сон*. Соответственно, «через» ряд **ВЕРХ – БОГ – СВЕТ** можно выйти еще на одну базовую оппозицию **ЖИЗНЬ / СМЕРТЬ** (см.: *возродиться к жизни – пасть смертью храбрых*).

И еще одна «параллель», на которой в рамках данной статьи мы остановимся также очень коротко: **ВЕРХ / НИЗ // ДОБРО / ЗЛО**, где **ВЕРХ** соотносится с идеей **ДОБРА**, того, что **хорошо**. Замечу, что В.Н. Телия указывала на это еще в 1980-х гг.: «пространственные координаты осмысляются как высокое или низкое в человеке <...> проявление благородного начала обозначается посредством прилагательного *высокий* (*высокие чувства, стремления, помыслы*), недобрые замыслы обозначаются как *низкие* и *низменные* (*низменные чувства, низкие побуждения, мысли*); <...> верх воспринимается как кульминация некоторого (обычно приятного) состояния (*быть на вершине блаженства, на седьмом небе, в зените славы*), а низ – как символическое пространство

“трехопадения” (ср. *готовность провалиться от стыда, сквозь землю, ср. также низвергнуть, низложить, опускаться на дно жизни* и т. п.)» [Телия 1988б http].

Таким образом, выстраивается ряд **ВЕРХ – БОГ – СВЕТ – ЖИЗНЬ – ДОБРО** (при этом, конечно, необходимо иметь в виду, что «древние боги <...> этически амбивалентны, эти боги безразличны к добру и злу...» [Колесов 2001 http]; курсив мой. – В.К.).

Параллель **ВЕРХ – ДОБРО** реализуется в дальнейшей метафоризации изначальной базовой метафоры **ВЕРХА** с учетом базовой оппозиции **ВЕРХ / НИЗ**: *идти в гору – катиться по наклонной; взлететь по карьерной лестнице – слететь со своего поста; настроение упало – поднять настроение*. И снова появляется **СВЕТ** в противопоставлении **ТЬМЕ**: *приподнятое настроение – мрачное настроение*.

Замечу, что подобное бытование базовой метафоры **ВЕРХА** характерно для многих (если не для всех) культур. Так, например, на основе анализа английского языка Дж. Лакофф и М. Джонсон сделали вывод, что «... метафора *хорошее вверху* задает ориентацию *верх* для общего состояния благополучия, и эта ориентация согласована с частными случаями типа *счастье вверху, здоровье вверху, живое вверху, власть вверху*. Метафора *высокий статус вверху* согласована с метафорой *власть вверху*. <...> Метафора *счастье вверху* максимально согласована с метафорами *хорошее вверху, здоровье вверху* и т. п.» [Лакофф, Джонсон 2004 http] (выделено в оригинале. – В.К.). В более далекой от нас (и от европейской культуры в целом) китайской культуре «единство противоположностей» *инь – ян* также имеет в основе своей ряд бинарных оппозиций, в том числе: **небо / земля** (что непосредственно «реализует» оппозицию **ВЕРХ / НИЗ**), **СВЕТ / ТЬМА** (что фиксируется даже визуально: *белый ян – черный инь*), активность – пассивность (что очень осторожно можно соотнести с оппозицией **ЖИЗНЬ / СМЕРТЬ**).

Эталонами **верха / высоты**⁴ могут служить *верх* (как физическая максимально высокая точка), *вершина, пик, зенит, небо, облака, звезды, Луна, дуб, крыша*. И в то же время сам верх, равно как и высота, и овнешняющие их конкретные образы могут выполнять функцию эталона *успеха, радости, счастья, жизни* (или какого-то фрагмента жизни). Дабы не быть голословной, продемонстрирую актуальность того, о чем говорилось в настоящей статье, для современной русской лингвокульту-

---

⁴ В данном случае имеются в виду «идеи» верха и высоты, а не базовая метафора **ВЕРХ** и концепт **ВЫСОТА**.

туры с помощью некоторых реальных примеров из Национального корпуса русского языка (URL: www.ruscorpora.ru).

ВЕРХ

У нее очень много хороших, достойных ролей, но Людмила Прокопьевна остается для меня **верхом** ее таланта, в частности комедийного. [коллективный. Форум: рецензии на фильм «Служебный роман» (2006–2010)]

Он был на верху блаженства, на самом **верху**, он качался на остренькой спице блаженства и чувствовал, что его «типичное американское приключение» близится к счастливому концу. [В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976]

Группа Абрамовича от лавров олигархов, то есть предпринимателей, пользующихся политическим влиянием на самом **верху** государственной машины, не отказывается. [Н. Вардоль. Схватка бульдогов под столом // «Коммерсантъ-Власть», 2000]

ВЕРШИНА

То есть война кончилась, народ зажил богато, мы пришли уже к **вершине** цивилизации, коммунизм наступил, вот ещё немножко и уже мебель. [Л. Шпаковская. Старые вещи. Ценность: между государством и обществом // «Неприкосновенный запас», 2004.01.15]

В такой экспозиции каждый вид транспорта, бывший в своё время **вершиной** эволюции, был бы, скорее всего, представлен в одном экземпляре, вне зависимости от того, как много людей пользовались им для поездок во времена его реального применения. [А. Ослон. Мир теорий в эпоху «охвата» // «Отчественные записки», 2003]

Я не буду вдаваться в тонкости по поводу двух мировых правовых систем, скажу только, что в англосаксонской системе права, которая принята в США, Верховный суд является **вершиной** судебной пирамиды... [С. Сухова. Конституция и революция // «Итоги», 2003.03.04]

Нынешняя операция на Балканах может стать **вершиной** его карьеры. [С. Татевосов. Князь тьмы в малиновом берете // «Коммерсантъ-Власть», 1999]

ПИК

Пиком истории института и его международным триумфом стало участие в Парижской выставке 1925 года. [А. Лангенбург. Путь авангарда в России: от пиара СССР до диссидентства (2017.08.17)]

Признанный авторитет в области баллистики, соратник Королева, он на **пике** научной карьеры круто изменил её направление, полностью отдавшись новой области – программированию. [Н. Дубова. Орбита Лаврова // «Computerworld», 2004]

Когда же продаваться, если не на **пике** стоимости? [Т. Мартынова. Стань сильнее или умри // «Финансовая Россия», 2002.09.19]

– Значит, в Москву приедете на **пике** формы? [О. Лисогор: «Что толку мечтать? Работать надо!» // «Известия», 2002.04.02]

ЗЕНИТ

Этот процесс вхождения мысли в пламя своё, огненного суда над мыслью, есть то «особенное», что отличает стихи Пушкина. Мысли, взятые здесь в критическом своём **зените**; только такими критическими мыслями и думал Пушкин. [С.Г. Бочаров. Из истории понимания Пушкина (1998)]

Помню, подумал: мальчик в **зените** благополучия, стоит ли его тревожить. [Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)]

Даже в **зените** своей славы, когда Миша был Ведущим популярнейшего «Кабачка 13 стульев», о нём не сочиняли слухов и анекдотов. [Г. Горин. Иронические мемуары (1990–1998)]

От года к году его врачебное искусство совершенствовалось и в **зените** жизни достигло высот, недоступных, казалось, человеку. [Е. Водолазкин. Лавр (2012)]

НЕБО

Чувство сострадания помогло Рубахину; сострадание пришло ему в помощь очень кстати и откуда-то свыше, как с **неба** (но оттуда же нахлынули вновь смущение заодно с новым пониманием опасной этой красоты). [В. Маканин. Кавказский пленный (1995)]

Ведь он Бог, тот самый, что един в трех лицах божества, так почему же он, будучи Богом, то есть Всемогушим, не мог простить, не спускаясь с **неба**? [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)]

«Сунул руку в бушлат, а там яблоко! Ну как с **неба** в карман упало! Я ведь вообще яблок года три в упор не видел. Верить?» [О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001]

Гилельс, увидев меня, широко развёл руки и тоже удивился: «Ира! Ты что, с **неба** свалилась! Откуда ты?» ...Надо было приехать в Нью-Йорк, чтобы встретиться! [И.К. Архипова. Музыка жизни (1996)]

С **неба** упало? Давай справку от **небесной** конторы. Нету? О чём тогда разговор? [Б. Екимов. Пиночет (1999)]

Местные жители (они называют себя осташами) видят в этом проявление **небесной** защиты. [И.К. Архипова. Музыка жизни (1996)]

Недалеко находилось озеро **небесной** красоты, в него с северной стороны ещё сползали снега. [Ф. Искандер. Случай в горах (1980–1990)]

Наверное, в **небесной** канцелярии сломался компьютер и сигналы не поступают. [Т. Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002]

Я был **на седьмом небе** от счастья, исполнилась моя мечта и, если надо ждать, буду ждать. [А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)]

ОБЛАКО

Вы, Сергей Сергеевич, **как на облаке** живете, а мы ведь все не без греха. [П. Галицкий. Цена Шагала (2000)]

Впрочем, ваши друзья актеры тоже: вдруг воспарят, **как на облаке**, и бурлят... ломают копыя! [Г. Полонский. Роль в сказке для взрослых или «Таланты и Полковники» (1970–1980)]

Он был человек долга, но романтик, витал **в облаках**, а они твёрдо стояли на земле и рассуждали реально <...>. [А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)]

ЗВЕЗДЫ (*выше звезд* – не очень характерно для второй половины XX – начала XXI вв.; типично для религиозного дискурса)

– Возносись **выше звезд**, моя радость, не останавливайся на них; все это бренность и прах. [Ю.В. Жадовская. В стороне от большого света (1857)]

Боже, сделай так, чтобы Русь скорее излечивалась от своих болезней и чтобы слава ее пошла выше, **выше звезд** небесных! [Г.В. Аммосов. Дневник (1900)]

«Звезды жалеют ли? Мать жалеет, и да будет она **выше звезд**». [В. Ерофеев. Проза из журнала «Вече» (1973)]

Оказывается, «честный и скромный ученый» Ломоносов вешал от имени Бога, открывал божественные тайны, и влекло его хождение **выше звезд** и презрение к земной низости. [Д. Верхотуров. Неизвестный Михайло Ломоносов // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.10.05]

ЛУНА (*Луна* выступает скорее как очень далекий, подчас «чужой» мир)

Ни живого голоса, а до ближайших двух деревенок далековато, **как до луны** (как до двух лун). [В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996–1997)]

Успехи действительно есть. Но до них далеко **как до Луны**. [А. Лившиц. Откуда берется инфляция // «Известия», 2002.07.18]

Один выжидающе надулся, а другой, что был поменьше ростом и стройнее, холодно сторонясь Института, ответил: «Мы не ваши. Нам может приказывать только Иммануил Абрамович, а вы, товарищ, наверное, **с Луны** свалились». [О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001]

– Другой ты, Васка, словно **с луны** свалился, в наших краях такие не водятся... – продолжала, уже не скрывая негодования. [Н. Дежнев. Принцип неопределенности (2009)]

Но несмотря на все ухищрения консула предстать «человеком **с Луны**», степень его авторитета ограничивалась его наличными средствами. [А. Иличевский. Перс (2009)]

ДУБ

На **дубу** зеленом, / Да над тем простором / Два сокола ясных / Вели разговоры. / А соколов этих / Люди все узнали: / Первый сокол – Ленин, / Второй сокол – Сталин. (М. Исаковский)

Участковый фыркнул: – Ты что, с дуба рухнул? У нее весь депутатский корпус под пятой, а среди них куча людей, имеющих проверенных строителей. [А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)]

А здесь с помпой запускают фильм про подвиги эсэсовцев. Они тут действительно с дуба съехали? Был только один вариант, при котором все это было бы естественным и даже рутинным: если бы Вторая мировая война закончилась полной и окончательной победой Третьего рейха под мудрым предводительством вождя всех времен и народов генералиссимуса Адольфа Гитлера. [В. Левашов. Заговор патриота (2000)]

КРЫША (*выше крыши* – идея ‘большой’ / (возможно) ‘больше нормы’, изначально относящаяся к высоте, сегодня перенесена на «объем», «количество» и под.)

Так, а с какого возраста мы будем считаться подростками, если нам 10 лет, но проблем уже **выше крыши**? [Наши дети: Подростки (2004)]

Забот и так **выше крыши**: мама не вернулась, еда заканчивается, денег мало, не хватало еще, чтобы с Гуль что-нибудь случилось! [Д. Сабитова. Где нет зимы (2011)]

На этом он и пострадал, «нахватал радиации **выше крыши**», и вот уже который год ходит по врачам, добивается, чтобы ему присудили еще одну инвалидность. [А. Слаповский. Синдром Феникса // «Знамя», 2006]

Итак, **ВЕРХ**, будучи членом оппозиции **ВЕРХ / НИЗ** и являясь базовой метафорой, соотносится с идеей высоты, встраивается в ряд **ВЕРХ – БОГ – СВЕТ – ДОБРО – ЖИЗНЬ** и подвергается вторичной метафоризации, результаты которой овнешняются в различных языковых знаках, напр.: *вершина, пик, зенит, небо, облако, звезды, Луна, дуб, крыша*, – которые соотносятся с разными кодами культуры (подробнее см. [Красных 2020]). Конкретное функционирование указанных единиц, несущих «функционально значимые для культуры смыслы» (В.Н. Телия), можно обнаружить в создаваемых сегодня текстах разных типов и жанров. Как показывают разнообразные исследования, сама базовая метафора, ее бытие и функционирование в культуре, а также векторы ее дальнейшего «разворачивания» характерны для разных культур и претендуют на универсальный характер.

Литература / References

1. *Аристотель*. Поэтика. [Электронный ресурс.] URL: <https://iknigi.net/avtor-aristotel/110580-poetika-aristotel/read/> (дата последнего обращения: 25.04.2019).
2. *Блэк М.* Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 153–172.
3. *Воробьев В.В.* К понятию поля в лингвокультурологии (общие принципы) // Русский язык за рубежом. 1991, № 5. С. 101–106.

4. *Воробьев В.В.* Культурологический аспект функционирования и описания русского языка. (Научно-теоретический реферат по теме докторской диссертации). М.: ИРЯ им. А.С. Пушкина, 1992.
5. *Зыкова И.В.* «Концептосфера культуры» как базисная единица метаязыка лингвокультурологии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015б, № 2 (043). С. 13–24.
6. *Зыкова И.В.* Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: Ленанд, 2015а.
7. *Зыкова И.В.* Лингвокреативность с позиции лингвокультурологии: теория, метод, анализ // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 53: Сб. статей, посвященных памяти В.Н. Телия / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 136–151.
8. *Зыкова И.В.* Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014
9. *Зыкова И.В.* Фразеологический знак: к вопросу об объеме его культурной памяти // Мир русского слова. 2013, № 1. С. 43–49.
10. *Кабакова С.В.* Образное основание идиом: Психолингвокультурологические аспекты. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. [Электронный ресурс.] URL: <http://www.dissercat.com/content/obraznoe-osnovanie-idiompsikholingvokulturologicheskie-aspekty#ixzz42S3q01jw> (дата последнего обращения – 09.03.2016).
11. *Кацнельсон С.Д.* Язык поэзии и первобытно-образная речь // Известия АН. Серия литературы и языка. 1947, Т. VI, вып. 4. С. 302–316.
12. *Ковишова М.Л.* Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. Монография. М.: ИТДГК «Гнозис», 2015.
13. *Ковишова М.Л.* Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): Дис. ... д-ра филол. наук. М.: 2009.
14. *Ковишова М.Л.* Шторы, портьеры, занавески в драматургическом коде М.А. Булгакова // Логический анализ языка. Информационная структура текста разных жанров и эпох. М.: ИТДГК «Гнозис», 2016. С. 573–584.
15. *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Добро и зло. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001. – 365 с. [Электронный ресурс] URL: <https://coollib.net/b/396312/read> дата последнего обращения: 27.04.2020).
16. *Красных В.В.* Базовая метафора «ВЕРХ»: возможные пути исследования (к вопросу об универсальности феномена) // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. Сб. науч. ст. к 90-летию проф. Вероники Николаевны Телия / отв. ред. И.В. Зыкова, В.В. Красных. М.: Гнозис, 2020. С. 248–281.
17. *Красных В.В.* Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectus philologicus*. 2005, № 7 (12). С. 10–24.
18. *Красных В.В.* Лингвокультурология в ряду новых наук о человеке говорящем: сегодня и завтра // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 53: Сб. статей, посвященных памяти В.Н. Телия / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016а. С. 181–193.
19. *Красных В.В.* Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016б.
20. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.В. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004.
21. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Эдиториал, 2004. [Электронный ресурс.] URL: http://metaphor.narod.ru/lacoff_4.htm (дата последнего обращения: 19.05.2020).
22. *Мокленко В.М.* Загадки русской фразеологии. М.: Азбука-классика, Авалонь, 2005.

23. *Мокшенко В.М.* Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
24. *Мокшенко В.М.* Почему так говорят? От Авосья до Ятя: Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. СПб.: «Норинт», 2003.
25. *Ортега-и-Гассет Х.* Две главные метафоры. К двухсотлетию Канта. (1990) [Электронный ресурс.] URL: <https://www.libfox.ru/41051-hose-ortega-i-gasset-dve-glavnye-metafory.html> ИЛИ: <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega11.txt> (дата последнего обращения: 27.03.2019).
26. *Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
27. *Постовалова В.И.* Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме основания и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 25–33.
28. *Постовалова В.И.* Мифологема «Царство Божие» как символическая реальность в «духовном космосе» православия (теолингвокультурологические размышления) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 53. М.: МАКС Пресс, 2016а. С. 294–311.
29. *Постовалова В.И.* Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца XX века. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 342–420.
30. *Постовалова В.И.* Наука о языке в свете идеала цельного знания. В поисках интегральных парадигм. М.: Ленанд, 2016б.
31. *Постовалова В.И.* Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // Magister Dixit. Научно-педагогический журнал Восточной Сибири. № 4. Декабрь 2012. [Электронный ресурс.] URL: <http://md.islu.ru/> (дата последнего обращения: 07.07.2016).
32. *Потебня А.А.* Слово и миф. М.: Правда, 1989.
33. *Ричардс А.* Философия риторики // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 44–67.
34. *Скляревская Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. [Электронный ресурс.] URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001670314> (дата последнего обращения: 03.04.2020).
35. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. / Под ред. Н.И. Толстого. В 5-ти тт. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999.
36. *Снитко Т.Н.* Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах: Дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 1999. [Электронный ресурс.] URL: <http://www.dissercat.com/content/predelnye-ponyatiya-v-zapadnoi-i-vostochnoilingvokulturakh#ixzz4F4o4Bsaf> (дата последнего обращения: 07.07.2016).
37. *Стеблин-Каменский М.И.* Миф. Л.: Наука, 1976. [Электронный ресурс.] URL: https://royallib.com/book/steblikamenskij_mihail/mif.html (дата последнего обращения: 03.03.2020).
38. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
39. *Телия В.Н.* Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно- оценочная функция // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1988а. С. 26–51.
40. *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988б. С. 173–203.
41. *Телия В.Н.* О методологических основаниях лингвокультурологии // Логика, методология, философия науки. Тезисы докладов. М.–Обнинск: ИФ РАН, 1995. С. 102–104.

42. *Телия В.Н.* О специфике отображения мира психики и знания в языке // *Сущность, развитие и функции языка*. М.: Наука, 1987. С. 67–75.
43. *Телия В.Н.* Основные постулаты лингвокультурологии // *Филология и культура: Матлы II-й международн. конф. В 3 ч.* Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999а. Ч. 3. С. 14–15.
44. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // *Фразеология в контексте культуры* / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 1999б. С. 13–24.
45. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
46. *Элиаде М.* Аспекты мифа / Пер. с фр. В.П. Большакова. 4-е изд. М.: Академический Проект, 2010.
47. *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1994. [Электронный ресурс.] URL: http://yakov.works/lib_sec/26_ae/aeli/ade_01.htm (дата последнего обращения: 29.05.2020).
48. *Black M.* *Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy*. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press, 1962.
49. *Black M.* More about Metaphor // *Metaphor and Thought*. Cambridge, ets., 1979. P. 19–45.
50. *Richards I.A.* *The Philosophy of Rhetoric*. Oxford, London, NY: Oxford Univ. Press, 1936 [Электронный ресурс.] URL: <https://ru.scribd.com/doc/75493621/Richards-Philosophy-of-Rhetoric> (дата последнего обращения – 29.05.2020); // NY: Oxford Univ. Press, 1965.

ОБ ОБРАЗНОМ ХАРАКТЕРЕ ПРОЦЕССОВ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Е.М. Лазуткина

ON THE IMAGERY OF THE CONCEPTUALIZATION PROCESSES

Е.М. Lazutkina

ABSTRACT

The article states that conceptualization, as a creative process, has a figurative nature, as it is due to the nature of human speech and thinking activity, the presence of evaluative elements already in the speech intention of the speaker. The author argues that the effect of phraseologicalization is manifested at different levels of the linguistic system, that the grammatical semantics of the inflection, the structure of the word combination, the semantics of the sentence model are used in the creation of a new semantic sphere. The author shows that in a work of fiction general linguistic metaphors and concepts can be developed as complex semiotic complexes.

Key words: language theory; semantic analysis; conceptualization; metaphorization; phraseologization.

АННОТАЦИЯ

В статье говорится, что концептуализация, как творческий процесс, имеет образный характер, поскольку обусловлена природой речемыслительной деятельности человека, присутствием оценочных элементов уже в речевом замысле говорящего. Автор утверждает, что действие фразеологизации проявляется на разных уровнях языковой системы, что при создании новой смысловой сферы используется грамматическая семантика флексии, структура словосочетания, семантика модели предложения. Автор показывает, что в художественном произведении общеязыковые метафоры и концепты могут получать развитие как сложные семиотические комплексы.

Ключевые слова: теория языка; семантический анализ; концептуализация; метафоризация; фразеологизация.

Язык мыслит своими формами,
флексиями, словоизменениями и пр.

Это-то мышление самого языка,
выражающееся в различных формах,
необходимо должна следить грамматика.

К.С. Аксаков. 1875 г.

Среди теоретических исследований Вероники Николаевны Телия особую значимость имеют работы, посвященные изучению процессов метафоризации и фразеологизации. Вероника Николаевна постулирует

неразрывную связь метафоризации с линейной организацией высказывания при порождении речи и ставит задачу «исследования механизмов вторичной номинации на фундаменте логико-синтаксической организации предложения и формирования его смысла» [Телия 1977: 136]. Эта задача остается актуальной и в XXI веке.

Цель настоящей работы – показать творческий характер языковой системы, проявляющийся в многообразии способов естественной категоризации – представления когнитивных схем, категорий, базовых и культурных концептов. Предметом рассмотрения являются образные средства, которые показывают способы обозначения говорящими мыслительных конструктов действительных и воображаемых событий, явлений, фактов в определенных моделях предложений.

Существует много определений терминов **концепт** и **концептуализация**. Если понятие представляет собой логически выведенный, четкий элемент, очевидный для всех носителей языка, то концепт – квант коллективного языкового сознания, феномен операционной системы, часто не осознаваемый носителями языка. «Концепт является результатом и теоретического, и обыденного сознания, фрагментом любого познавательного опыта и поэтому может включать любые, и существенные и несущественные, характеристики объекта» [Болдырев 2018: 170].

Термин **концепт** сохраняет перевод своей внутренней формы: его первичное (этимологическое) значение – ‘схватывание’. Термины **представление** и **концепт** часто употребляются как синонимы. **Базовые концепты** (или **когнитивные категории**) лексического или синтаксического уровня находят способы своего представления на уровне моделей предложений, и их выявлению предшествует применение целого ряда исследовательских приемов и процедур [Лазуткина 2004: 134–149]. В.З. Демьянков считает, что в некоторых случаях для их обнаружения необходимо применение этимологического анализа [Демьянков 2000: 26–136].

Для данной работы важны следующие определения термина **концепт**:

1) представление, обогащенное этнокультурными смыслами, получившее общественно значимые оценки; например: *Ученье – свет, а неученье – тьма; Концепт ДОБРО представлен в сказках народов всего мира;*

2) мыслительная категория, служащая операционным элементом в когнитивно-коммуникативных процессах и выражающаяся в языковых структурах разного уровня; например: *В основе значения собиратель-*

ных существительных лежит концепт МНОЖЕСТВО; Концепт ДЕЙСТВИЕ ЛИЦА представляют разные модели предложения.

В XXI веке вопрос представления предмета мысли языковыми средствами находится на стыке многих наук, прежде всего философии, теории языка и психолингвистики. В современной эпистемологии большое значение придается субъекту речи-мысли; «значительное внимание стало уделяться стоящим между вещью, образом и познающим субъектом методам и операциям» [Микешина 2016: 87]. В этом направлении философии используются триада понятий – **интерпретация, репрезентация, конвенция** [Указ. соч.: 85–94]. Для представления отображаемого в виде каких-либо мыслительных конструктов (знаковых образований, моделей, символов) философы традиционно используют понятие **репрезентация**. Этот термин встречается в словосочетаниях *репрезентация концепта, репрезентация категории* и трактуется как ‘способ представления’.

В аспекте методологии новой теории гуманитарного знания, можно рассматривать и анализ значимых единиц разных уровней языковой системы, имеющих определенную грамматическую оформленность. Что касается параметра «конвенция», то в языкознании этот параметр понимается как основное положение современной теории культуры речи, которое проявляется в действии законов ортологии. Эти законы когнитивно детерминированы и обусловлены культурно-историческими правилами и ценностными ориентирами общества, понятие нормы трактуется как эпистемическая организация языка (см. например: [Кибрик 2008: 62–63]).

1. Грамматическая семантика флексии как основа новой смысловой сферы

Написание одушевленного существительного (или местоимения) как существительного среднего рода – с флексией *-о*, например *мужчино, оно, это*, – указывает на то, что внутренняя форма этих лексем обусловлена отрицательной оценкой говорящих, их желанием «расчеловечить» объект оценки. Так, муж актрисы Натальи Андрейченко сказал в шутку ее бывшему мужу М. Дунаевскому: «Я на тебя подам в суд, потому что ты не предупредил меня, что даешь мне *это*» (ТВ, ноябрь 2019).

Прием «расчеловечивания» – употребление названий людей в среднем роде – не новое явление в русском языке. В XVII веке (до эпохи Петра I) в челобитных грамотах использовался этикетный прием само-

уничужения, например: *бьет челомъ холон твой сынчишко боярской* (встречалось также *щенчишко, мартышко*).

В современных патогенных текстах встречается слово *блондинко*, которое употребляется как прием речевой агрессии.

2. Атрибутивное словосочетание как образная номинация

Эффект образности часто возникает *при фразеологизации*, поскольку в речи появляются структуры, нарушающие правила согласования элементов по категориальной семантике или правила лексической сочетаемости. Фразеологизацию мы рассматриваем как явление психолингвистической категории выделения. Ср. заключение В.В. Виноградова: «В речевой деятельности выступает как особая семантическая категория сложное фразеологическое целое» [Виноградов 1977: 121].

В.В. Виноградов, объясняя механизм образования фразеологизмов, подчеркивает ведущую роль ключевых элементов («опорных частей») в несвободных сочетаниях: они выступают как семантическая доминанта, которая формирует «целостное единство», «синтаксически составные слова», «сложные лексические единицы». Семантика одного из компонентов словосочетания оказывается в тени семантически главенствующего компонента, в то время как этот компонент играет роль средства грамматического оформления словосочетания как фрагмента высказывания. Это понимание процесса фразеологизации разделяет М.В. Панов: «Целое не столько определяется частями, сколько определяет их <...> целое сохраняет свою определенность: часть же – именно потому, что она часть фразеологизма – семантически опустошается; целое становится более всех своих частей» [Панов 2004: 67–68].

Фразеологизация проявляет свое действие на разных уровнях языковой системы, вследствие чего считается универсальным свойством языка. См.: «Специфика связного значения неразрывно сопряжена не только с лексическим составом языка, но и грамматическим его строем» [Телия 1981: 3].

а) Существуют устойчивые схемы атрибутивных словосочетаний, обозначающих эмоциональное состояние человека: происходит соединение выраженной в дискурсе информации и невыраженной, но которой владеет каждый носитель языка; например: *Вот и сейчас, на мгновение подняв печальные глаза, она не предложила посидеть возле* (В. Личутин). См. также: *счастливая улыбка, блаженное лицо, унылые плечи, свирепый взгляд, повинная голова*. Такие синтагматические последовательности соотносятся как минимум с двумя грамматическими основами.

В поговорке *Повинную голову и меч не сечет* словосочетанию *повинная голова* предшествовало устойчивое выражение *поклонная голова*. Концепт ВИНА получил устойчивую ассоциацию с образом – позой человека со склоненной головой, что способствовало идиоматизации данного словосочетания и возникновению у него символического значения. А.А. Потебня упоминает вариант поговорки, существовавший до фразеологизации: *Поклонную голову и меч не сечет* [Потебня 1990: 195].

б) Образные выражения, представляющие собой смысловые единства, возникают и в некоторых терминосферах. Они указывают на включение в номинацию дискурсивной информации, касающейся характеристики человека; например: ***Система интеллектуального управления распределенной обработкой сигналов***, где *интеллектуальное управление* – ‘сложно алгоритмизированное управление’. *Распределенная обработка* – процесс, в ходе которого обработка происходит на разных блоках, они могут находиться в разных местах и между собой могут быть объединены в систему через облачные интерфейсы. См. также профессионализмы: *обнаженная фотография, умный дом, искренный сервис*.

3. Модель предложения как способ представления концепта

Синтаксические конструкции рассматриваются нами как интерпретативные структуры, как способы оперирования знаниями в речи. Оценка говорящего (интеллектуальная, асертивная, эмотивная) – облигаторный строевой компонент высказываний, т. е. стилистический модус обуславливает структуру предложения. Таким образом, замысел говорящего имеет свое воплощение в интонационном рисунке конструкции, в линейных блоках, в системных маркерах модальности. Ср.: «Высказывание без оценки не построишь. Каждое высказывание есть прежде всего оценивающая ориентация»; «оценка будет определять выбор и размещение всех основных значащих элементов высказывания» [Бахтин 1996: 303–323].

Модели предложений в системе языка хранятся не как абстрактные схемы, готовые к произвольному заполнению лексическим материалом, а как тесно спаянные семантико-грамматические комплексы, обусловленные спецификой эпистемического качества пропозиции (предикации). Синтаксические модели передают информацию *непреднамеренно*. В них обнаруживаются социальные и культурологические предпочтения, особенности мира знаний социума; это национальный код осмысления действительности. Ю.С. Степанов подчеркивает важность грамматических исследований в лингвосомиотике: «Грамматика <...> есть

не что иное, как часть плана содержания, служащая оформлению всей остальной части содержания» [Степанов 1998: 54].

а) Общеязыковые и стертые метафоры

Инструментом анализа семантики предложения является понятие синтаксической позиции, которое ввел Т.П. Ломтев. Термин **синтаксическая позиция** обозначает значимое положение определенной формы слова в модели предложения, ее «реляционные свойства» [Ломтев 1960: 15–28]. Синтаксическую позицию следует назвать главной единицей смысловой организации предложения.

В моделях предложений существуют закономерности образования тропов: используются определенные типы несоответствия значения членов предложения (в том числе категориального значения именных словоформ) *семантике их синтаксической позиции*. Определение ролей компонентов модели, особенностей их индивидуальной лексической или категориальной семантики по сравнению с системно заданным, стилистически нейтральным значением членов предложения, помогает найти главных «виновников» выразительности, а также выявить предел варьирования семантико-грамматических характеристик модели предложения.

Общеязыковые метафоры, имеющие в своей основе эпистемическую оценку, свидетельствуют о том, что *субъективное* по своей природе явление творческого восприятия какого-нибудь действительного события предстает как естественное для многих, а зрительный образ – как общий для всех носителей языка. Эти свойства творческого восприятия свидетельствуют о существовании особых когнитивных схем. Общеязыковые метафоры показывают увеличение смысловой емкости линейной структуры предложения за счет ассоциативных парадигматических связей глагольной лексики.

Новые синтаксические модели, образные стилистические средства говорят о языковых вкусах носителей языка, показывают направление семантического развития системных единиц в сторону усиления «оценочного плана», развития или доминирования модальных компонентов значения. Это находит отражение и в современных приоритетах в научных интересах; ср. заключение В.З. Демьянкова: «Субъективность в употреблении языка сама проблематизируется и становится объектом исследования» [Демьянков 2016: 79].

Как правило, в метафорах в научной литературе, при описании процессов в общественной жизни, в духовной сфере используются модели предложений, в которых употребляются глаголы-предикаты, обознача-

ющие действия-события в пространстве, конкретные физические действия или состояния одушевленного субъекта.

Если отвлеченные слова типа *добро, любовь*, бесспорно, являются концептами [Кубрякова 2012: 147-166], то большинство общеупотребительных слов не показывают с очевидностью свою концептуальную сущность. Это так называемые скрытые концепты, существование которых выявляется исследовательскими процедурами. Так, скрытый концепт **ЛОКАЛЬНО НАПРАВЛЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ, ИМЕЮЩЕЕ СВОИМ СЛЕДСТВИЕМ ПОЛНОТУ ОХВАТА ОБЪЕКТА** обнаруживается при анализе структурных отношений в деривационно связанных моделях предложений с глаголами одного синтагматического класса [Лазуткина 2004]. Синтаксическое поведение этих глаголов определяет архисема 'полнота охвата объекта действием', которая является глубинной сущностью любого глагола этого класса. В наиболее «чистом» виде эта архисема представлена в глаголах, имеющих обобщенное значение (например, *закрывать окно шторой, заполнять канаву водой, охватывать дерево руками*). При образовании метафоры происходит актуализация этой архисемы и остаются в тени семы, которые обуславливают специфику индивидуального лексического значения глагола: глагол периферии лексического поля начинает употребляться в значения доминанты поля. Ср.: *А рассказывал Горький великолепно. Подлинный случай сейчас же обростал у него подробностями* (К. Паустовский); *Слова и словесные ряды таят в себе тенденции облаиваться только теми группами ассоциаций, которые скрыты в концепции данного литературного произведения* (В.В. Виноградов); *Лексика разной степени терминологичности все больше и больше насыщает словесную ткань произведений различных письменных жанров и стилей современного русского языка* (Т.С. Коготкова); *Любовь к родной природе пронизывает весь сборник стихотворений поэта* (П.Г. Пустовойт).

Семантические процессы при метафоризации подтверждают мысль Н.Д. Арутюновой о развитии глагольных значений и, в свою очередь, иллюстрируют этот вывод: «Понятийное содержание предикатов центробежно. Оно стремится к отрыву от денотата <...>. Тенденция к отрыву денотата ведет к моносемизации слова, сохранению в его значении лишь одного семантического компонента» [Арутюнова 1976: 337].

б) Концептуализация в русском языке воздействия на человека чувств, эмоций, ощущений

Особенность мировосприятия носителей русского языка состоит в том, что главное качество, которое приписывается чувствам, эмоциям,

ощущениям, – это их стихийный характер. Семантико-синтаксическая организация предложений показывает, что язык трактует воздействие эмоций, ощущений, чувств на человека как действие внешней силы, как неконтролируемый процесс. Концептуальная сущность названий ощущений, чувств одна и та же: в языковом сознании говорящих они являются средством репрезентации базового скрытого концепта СУБСТАНЦИЯ, СПОСОБНАЯ К САМОСТОЯТЕЛЬНОМУ ПЕРЕМЕЩЕНИЮ. При их обозначении используется диатеза с одновалентным глаголом локально направленного действия; например: *От радости ходить по земле охватывает его душу ветерок счастья* (Ю. Бондарев).

Словосочетание *ветерок счастья*, хотя является подлежащим, занимает в предложении периферийную позицию. Глагол семантически опустошается, сохраняет только сему ‘полнота охвата’. Подлежащее и сказуемое выступают как единый фразеологизированный комплекс с характеризующим значением в роли предидирующего компонента.

Показательно, что в модели предложения, обозначающей воздействие на человека чувств, эмоций, ощущений, нейтральным считается обратный порядок слов: объект (*человек*, субъект состояния) предшествует подлежащему, или каузатору (*чувству*). Закрепившееся в системе строение модели обусловлено действием механизмов лингвистической прагматики: для говорящих на русском языке важно сделать именно человека темой высказывания, несмотря на то, что его статус – объект воздействия.

Бинарная категория *субъект / объект* показывает здесь свое действие следующим образом: объект как семантическая категория предложения в меньшей степени обозначает объект действия, но в большей степени обозначает субъект состояния.

Прямой порядок слов является стилистически маркированным, зависящим от контекста; например: *Сперва веселье, а потом изумление охватило весь театр* (М. Булгаков).

в) Соматические речения и образные выражения, описывающие взгляд, взор, выражение глаз, мимику глаз

Принято считать, что взгляд человека раскрывает его внутренний мир, его сущность. Предложения с такими соматическими речениями обычно встречаются в повествовании от третьего лица, предполагающем наблюдателя-рассказчика.

В представлении древних философов зрение человека – это взаимодействие внутренней энергии человека и потока света из внешней сре-

ды. А.Ф. Лосев цитирует «Тимея» Платона: «<...> чистый огонь, находящийся внутри нас, вытекает свободно через глаза <...>» [Лосев 1993: 89]. «В русской традиции, как и в традиции некоторых других этносов, глаза наделяются способностью не только воспринимать свет, но и излучать его, т. е. смешиваются понятия зрения и света» [Мазалова 2001: 24]. Это представление проявляется и в русской загадке о носе: «Между двух светил я в середине один» [Там же].

Можно объяснить характеристику взгляда метонимическим переносом по смежности понятий: «орган восприятия света» (глаз) – «источник света», «исходящая энергия взгляда». Ср., например, узуальные словосочетания: *ясный взгляд, лучистые глаза, лучистый взгляд, глаза горят*. См. также: *Глаза его загадочно блестели* (Вал. Попов); *Глаза у парня ясные, Как угольки горящие* (И. Шамов); *Костя видит, как глаза ребятишек горят* живым пониманием, как жадно они слушают рассказчика-военкома (В. Ставский); *Глаза сохраняли ясность взгляда* (В. Солоухин).

В русской лингвокультуре отсутствие света, блеска в глазах оценивается как отрицательное явление, свидетельствует о нездоровье, плохом психологическом состоянии человека, старости; см., например, узуальные словосочетания: *тусклый взгляд, потухший взгляд, потухшие глаза; Лица людей затмили бессмысленностью, глаза выцвели от злобного отчаяния, и смертельная бледность на них лежала, как белая намазанная краска* (А. Платонов); [Старость] *Пламень, горевший в глазах, потушила, Снегом обсыпала волосы нам* (Н. Плещеев).

Метафора «взгляд – сила, оружие» строится на базе разных синтаксических моделей с глаголами физического действия; например: *Войдя в столовую, она [Жужелица], ни на кого не глядя, направилась к образам и запела <...>, затем обернулась и пронизала всех взглядом* (А.П. Чехов); *Юрий Михайлович вонзает в Лёвушку свой немигающий взгляд, и тот съезживается, как устрица, в которую вонзают вилку* (Л. Филатов); *Денис, ледяно улыбаясь, навел прицел взгляда на Вовкину переносицу* (Е. Эдин).

г) Концепт СВЕТ: общеязыковая метафора и роль концепта в семиотической системе художественного произведения

Свет – это субстанция, зрительно воспринимаемая человеком. В сознании людей свет, как субстанция, всегда имеет количественную характеристику, градацию света: все составляющие любого акта предикации, любой модели предложения, обозначающей действие света, бук-

важно пронизаны «сферой влияния» такой понятийной категории, как квантификация.

Концепт СВЕТ не является базовым концептом, он входит как составная часть в крупный когнитивный разряд – в скрытый базовый концепт СУБСТАНЦИЯ, СПОСОБНАЯ К САМОСТОЯТЕЛЬНОМУ ПЕРЕМЕЩЕНИЮ и использует для своей репрезентации деривационную сеть моделей предложений с глаголами синтагматического класса «локально направленное действие, имеющее своим следствием полноту охвата объекта». К процессу обнаружения концепта СВЕТ на основе речевых образцов уместно употребить термин В.З. Демьянкова «реконструкция».

Круг лексем, входящий в макросемантический класс СВЕТ очень широк: *сумрак, закат, рассвет, полумрак, молния, пожар, заря, огонь, солнце, костер, луна, блеск, отблеск, сияние* и т. п. Анализ функции этих лексем в организации высказываний и определение значимости той или иной синтаксической позиции показывает свойства концепта. По контекстам употребления этих лексем можно сделать вывод, что свет – субстанция, не способная к преднамеренному действию, но способная к самостоятельному перемещению: свет – слабый агенс, но сильный каузатор, и в речи обычно описывается результат его воздействия на объект / субъект восприятия.

Существует общеязыковая когнитивная схема СВЕТ – ЖИДКОСТЬ; СВЕТ ЛЬЕТСЯ. В художественном произведении действие света обозначается не только лексическими средствами, но и строением предложения: частотны результативные и стивные конструкции с полными и краткими причастиями; например: *Стены фабрик, стекла окон, Грязно-рыжее пальто, Развевающийся локон – Все закатом залито* (А. Блок); *Пропитанная солнцем березовая листва поражала взгляд прозрачностью* (В. Набоков); *Шелест красной ветки клена, поздним солнцем залитой* (И. Снегова).

На базе этой метафоры строятся разные риторические фигуры, сложные образы; например персонификация источника света, приписывание источнику света способности к преднамеренному действию: *Как днище бочки, / правильным диском / стояла / луна / над дворцом Ливадийским. / Взошла над землей /и пошла заливать ее, / и льется на море, / на мир, / на Ливадию* (В. Маяковский); *Солнце посылало лучи в спины казнимых, обращенных лицами к Ершалаиму* (М. Булгаков); *Лунный свет лизнул ее [Маргариту] с правого бока* (М. Булгаков); *Тогда луна начинает неистовствовать, она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны, в комнате начи-*

нается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель (М. Булгаков); *Свет без удержу поливал молодые заросли* (К. Федин).

Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» изобилует описанием непредсказуемых событий, поэтому часто используется безличная конструкция – эпистемическая модель неконтролируемого действия стихийных или неизвестных сил; например: *В небе то и дело вспыхивали нити, небо лопалось, комнату больного заливало трепетным пугающим светом.*

Жизнь концепта СВЕТ в ткани романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» – это обогащение его авторскими оценками, смысловыми кодами разной степени абстракции. Так, свет (в разных его ипостасях) играет роль сигнала, знака, предвестника какого-то события. Ср.: свет от свечей всегда умиротворяющий, это свет дома Мастера: (Маргарита:) – *Ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи.* Свет факела – плохой знак: *Он [Иуда] не заметил, как мимо него пролетели мишустые страшные башни Антония, не слышал трубного рева в крепости, никакого внимания не обратил на конный патруль с факелом, залившим тревожным светом его путь.* Расколота луна – предзнаменование смерти: *Берлиоз в последний раз в своей жизни видел разваливающуюся на куски луну.* Рассвет на протяжении всего романа является добрым сигналом, знаком новой жизни; см. в конце романа: *Мастер и Маргарита увидели обещанный рассвет.*

Этот концепт участвует и в создании соматического языка романа. В качестве семиотического образования выступают нюансы состояния и ощущений человека от действия света; например: *Может быть, эти сумерки и были причиной того, что внешность прокуратора резко изменилась. Он как будто на глазах постарел, сгорбился и, кроме того, стал тревожен.*

В романе концепт СВЕТ развивает не одно символическое значение, создавая сложную смысловую ткань текста. Свет это олицетворение Бога, святости, антипод концепта ТЬМА. В философском плане этот концепт предстает как символ божественного, святого, безгрешного. Следующий фрагмент связывает текст повествования о Мастере и о Пилате: (Воланд:) – *А что же вы не берете его [Мастера] к себе, в свет? – Он не заслужил света, он заслужил покой,* – печальным голосом проговорила Левий.

Заключение

Творческий характер интерпретативных процессов обусловлен природой речемыслительной деятельности человека, возникновением оценочной палитры уже в речевом замысле говорящего. Процессы общения, познания аккумулировали в языковой системе огромный репертуар разноуровневых образных средств. Эпистемический, ассоциативный, символичный мир языка находит свою репрезентацию не только в лексических элементах, но и в грамматических конструкциях. Вполне оправданно лингвисты говорят о творческой потенции языка, о том, что «язык не воспроизводит, не копирует, не “озвучивает”, не “оплотняет” мысль, а вырабатывает ее и вводит в сознание человека» [Кручинина 2015: 4].

Механизмы метафоризации, фразеологизации и символизации, развиваясь в ежедневной речевой практике, формируют в языковом сознании носителей языка новые приемы концептуализации.

Литература / References

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
2. Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5: Работы 1940-х – начала 60-х годов. М.: Русские словари, 1996.
3. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Изд. Дом ЯСК, 2018.
4. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Виноградов В.В. Избранные работы. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 118–139.
5. Демьянков В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX века // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 26–136.
6. Демьянков В.З. Языковые техники «трансфера знаний» // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. М.: Культурная революция, 2016. С. 61–85.
7. Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51–77.
8. Кручинина И.Н. Формирование научного представления о грамматических свойствах слова // Русский язык в национальной школе. 2015. № 2. С. 3–16.
9. Кубрякова Е.С. В генезисе языка, или Размышления об абстрактных именах // Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. С. 147–166.
10. Лазуткина Е.М. Скрытый концепт обнаруживают синтаксические отношения // Русское слово в русском мире. Москва–Калуга: МГЛУ; ИД «Эйдос», 2004. С. 134–149.
11. Ломтев Т.П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц (О понятии позиции в теории синтаксиса) // Филологические науки. 1960. № 4. С. 15–28.
12. Лосев А.Ф. Соч. в 9-ти томах. Т. 2. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993.
13. Мазалова Н.Е. Состав человеческий. Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.

14. *Микешина Л.А.* Феноменология и обогащение понятий в эпистемологии // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 86–95.
15. *Панов М.В.* О слове как единице языка // *Панов М.В.* Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 51–87.
16. *Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990.
17. *Степанов Ю.С.* Лингвoseмиотика // *Степанов Ю.С.* Язык и Метод. К современной философии языка. М.: «Языки русской культуры», 1998. С. 52–75.
18. *Телия В.Н.* Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. С. 129–221.
19. *Телия В.Н.* Типы языковых значений. Связанные значения слов в языке. М.: Наука, 1981.

КОНЦЕПТ СОБОРНОСТЬ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

И.В. Одинцова

THE CONCEPT OF CONCILIARITY (SOBORNOST') IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

I.V. Odintsova

ABSTRACT

The article examines the concept of CONCILIARITY as a “symbolic” deep linguistic concept of the Russian linguistic picture of the world, reflecting the national spiritual activity of the people. This concept is analyzed in the light of religious-theological, philosophical, sociological and culturological knowledge manifested in language and through language. The article examines the main ideas of conciliarity, which find confirmation, “imprint” in the language: the dissolution of *I* in the collective *WE*, which embodies the principle of “unity in plurality”; reduction, detachment of the subject of the utterance from the object of the utterance; consistency, cohesion, plasticity of the language and – as a consequence – the fluidity of Russian speech. These linguistic features are confirmed by facts in the field of morphology, syntax and phonetics.

Keywords: concept; linguistic picture of the world; religion; philosophy; sociology; cultural linguistics; morphology; syntax; phonetics.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается концепт СОБОРНОСТЬ как «знаковый», глубинный лингвоспецифический концепт русской языковой картины мира, отражающей национальную духовную деятельность народа. Этот концепт анализируется в свете религиозно-богословского, философского, социологического и культурологического знания, явленного в языке и через язык. В статье рассматриваются основные идеи соборности, которые находят подтверждение, «отпечаток» в языке: растворенность *Я* в собирательном *МЫ*, что воплощает принцип «единства во множественности»; редуцированность, отстраненность субъекта высказывания от предмета высказывания; согласованность, спаянность, пластичность языка и – как следствие – текучесть русской речи. Названные языковые особенности подтверждаются фактами в области морфологии, синтаксиса и фонетики.

Ключевые слова: концепт; языковая картина мира; религия; философия; социология; лингвокультурология; морфология; синтаксис; фонетика.

Языковая картина мира (ЯКМ) отражает национальный менталитет, исторически сложившийся в результате становления и развития культуры определенной нации; представлений человека о мире и о себе, запе-

чатленные в языке. В ЯКМ закреплены правила и нормы поведения, свойственные народу, его традиции, обычаи, суеверия и верования; образ мышления. В языковой картине мира находит отражение своеобразие восприятия действительности как отдельного человека, так и всей нации в целом. «Вся эта картина мира, вся жизнь человека (точнее человеческого общества) в мире, пропущенная сквозь коллективное человеческое сознание, – пишет Г.А. Золотова, – отражается в языке и, находя в каждом языке соответствующие формы выражения, становится содержанием коммуникации» [Золотова 2001: 5]. С другой стороны, «язык – единственное средство, способное помочь нам проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре» [Лакофф 1988: 8]. Ту же мысль, но более 100 лет назад, высказал один из представителей русского славянофильства К.С. Аксаков. Язык, по мнению К.С. Аксакова, есть воплощенная мысль, поскольку «не только посредством языка человек выражает мысль свою, но в языке самом, в его создании и построении – от образования слов до малейших его изменений – выразилась мысль или, лучше, мышление человека» [Аксаков 1875: 530].

Каждый язык уникален. Он «хранит в нас нечто, что можно было бы назвать интеллектуально-духовными генами, которые переходят из поколения в поколение» [Колесов 1991: 112–123]. Язык сквозной нитью связывает культурно-историческое прошлое с настоящим. Людей, говорящих на одном языке, объединяет исторически сложившееся бытие и сознание общей судьбы. Мысль о конститутивном характере языка как основе различия языков была впервые сформулирована и разработана в лингвофилософской концепции В. Гумбольдта: «...различия между языками, – писал В. Гумбольдт, – суть нечто большее, чем просто знаковые различия, <...> различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями» [Гумбольдт 1985: 370]. «В каждом языке заложено самобытное мирозерцание. Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне» [Гумбольдт 1984: 80]. В языке мысль человека обретает голос и становится доступной и понятной другим. Язык передает уникальность воплощенного в нем духовного опыта народа. «Язык и духовная сила народа развиваются не отдельно друг от друга и последовательно один за другой, а составляют исключительно и нераздельно одно и то же действие интеллектуальной способности. <...> язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Там же: 67–68].

Языковая картина мира встроена в концептуальную картину мира, которая глубже и богаче ЯКМ. Язык служит символическим средством представления концептуального содержания. «В процессе введения естественного языка словесная символика, – пишет Р.И. Павиленис, – служит в качестве кода для концептов и построенных из них структур, относящихся к довербальной стадии познания и отражающих начальный познавательный опыт индивида» [Павиленис 1983: 109]. Языковая картина мира, по мнению Е.С. Кубряковой, «рассматривается как важная составная часть общей концептуальной модели мира в голове человека, т. е. совокупности представлений и знаний человека о мире, интегрированной в некое целое и помогающей человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира» [Кубрякова 1988: 169]. Концептуальная картина мира – «глобальный образ мира, существующий в сознании какого-либо социума в определенный период его истории и лежащий в основе мировидения человека» [Постовалова 1998: 142], – по мнению ученых, определяется теми языковыми и фоновыми знаниями, который накоплен лингвокультурной общностью и передается из поколения в поколение.

Концептуальная картина мира каждого народа, как полотно, соткана из множества концептов. В силу универсальности способов познания окружающего мира, есть концепты универсальные, аккумулирующие в себе опыт людей разных лингвокультур, однако имеющие в личном опыте каждого человека, в его индивидуальной картине мира, свою неповторимую окрашенность. Эти концепты связаны прежде всего с материальным миром. Есть концепты, имеющие универсальный ядерный компонент, но отличающиеся в разных лингвокультурах спецификой своего проявления на периферийных участках. Например, концепт ДОЖДЬ существует в индивидуальном и коллективном сознании носителей разных языков, однако в каждом языке этот концепт характеризуется своеобразной культурной отмеченностью. И, наконец, есть уникальные концепты, не имеющие аналогов в других лингвокультурах. Это концепты, отражающие национальную духовную деятельность народа, его важнейшие духовные ценности. Назовем концепты, отмеченные яркой национальной лингвокультурной спецификой, «знаковыми» концептами. «Знаковые» концепты несут не только энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, но и интерпретируют эту информацию, сформировавшуюся в общественном сознании нации на протяжении столетий. По сути, эти концепты являются вершинными культурными кодами нации, ее константами. Такого рода концепты находятся в поле взаимодействия традиций и религии, фольклора и мира художественной культуры, искусства и идеологии, сиюминутного опыта и научных обобщений. «Знаковые» концепты растворе-

ны в языковом сознании нации, а люди, говорящие на одном языке, связаны компонентами общего, зачастую не отрефлектированного, смысла – компонентами «культуроносных смыслов, которые позволяют нам многое не объяснять, не пояснять, оставлять невыраженным...» [Красных 2013: 134]. Одним из таких концептов является концепт СОБОРНОСТЬ.

В понимании концепта СОБОРНОСТЬ можно выделить четыре аспекта: богословско-религиозный, философский, социологический. Четвертый аспект связан, с одной стороны, с конституирующей ролью языка как инструмента создания богословско-религиозной, философской, социологической реальности, явленной нам в языке и через язык; с его ролью в создании неповторимой духовной формы русского языка, воплощенной в концепте СОБОРНОСТЬ, с другой – с пониманием языка как ключа к осмыслению этого концепта. Четвертый аспект представляет собой симбиоз лингвобогословия, лингвофилософии и лингвосociологии, которые могут быть рассмотрены в контексте одной науки – лингвокультурологии.

Русское ухо улавливает в слове «соборность» прежде всего «религиозно-церковные обертоны» [Бирюков, Сергеев [http](#)], что закономерно. Для русской религиозной мысли это понятие имеет исключительное значение. Понятие «соборность» было впервые выдвинуто русским философом А.С. Хомяковым¹ и означало единство верующих во Христе, т. е. единение человека и Бога. Это понятие вобрало в себя «экклесиологические содержания, свойства бытия Церкви» [Хоружий 2012 [http](#)]. Соборность Православной церкви А.С. Хомяков противопоставлял католической авторитарности и протестантскому индивидуализму, который «перенес центр тяжести жизни и познания в субъективный мир человека, в изолированную, предоставленную себе душу» [Бердяев 1989: 34]. По поводу смысла слова «соборный» А.С. Хомяков подчеркивал, что, в отличие от слова «кафолический» (по-гречески *katholikos*, т. е. вселенский), оно выражает «идею собрания не только в смысле проявленного, видимого соединения многих в каком-либо месте, но и в более общем смысле всегдашней возможности такого соединения, иными словами: выражает идею единства во множестве» [Хомяков 1886: 325]. С. Булгаков называл соборность «душой православия» [Булгаков 2011: 85]. Он подчеркивал, что «русское церковное словоупотребление и русское богословие употребляют слово “соборность” в таком обшир-

---

¹ Однако само слово «соборность», как утверждают исследователи принадлежит Ю.Ф. Самарину, который перевел труды А.С. Хомякова с французского (подробнее см. [Лурье 2020]): «Хомяков писал свои богословские сочинения на трех или четырех языках – русском, французском и английском (и, вероятно, чуть-чуть на латыни), – из них главные были написаны на французском» [Там же: 73].

ном смысле, какого оно не имеет в других языках, причем оно выражает собою самую силу и дух православной церковности» [Там же: 85].

Именно православие, будучи государственной религией на протяжении почти тысячелетней истории, задало ценностные основания русской культуре, во многом определив вектор ее развития.

Богословское истолкование термина соборности в работах А.С. Хомякова послужило «рецепцией от экклесиологического смысла термина к философскому дискурсу» [Бабич 2009: 63]. Понятие соборности, по мнению ученых, и прежде всего философов XIX века таких, как А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, В.С. Соловьев, И.В. Киреевский, а затем Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, пытавшихся отыскать «основу формаций русской души» [Бердяев 2008: 30], подразумевает общинность человеческого сознания. Соборность в этом понимании рассматривается как сверхвременная, сверхисторическая духовная метафизическая реальность, когда коллективные интересы в обществе преобладают над индивидуальными, что не только не умаляет значение личности, но и создает условия для ее максимального раскрытия. Человек воспринимает другого не как «не я», а как «иное я», его самореализация происходит не за счет другого, а вместе с ним. И.В. Киреевский приходит к выводу, что «отличительный тип русского взгляда на всякий порядок» состоит в «совмещении личной самостоятельности с цельностью общего порядка», в то время как западный дух «не вмещает порядок без единообразия» [Киреевский 1911: 76]. С.Л. Франк в работе «Непостижимое» говорит о том, что человек становится личностью лишь в том случае, если «он может что-либо “дать” другому, тогда как замкнутость в себе есть “утрата личности”» [Франк 1990: 413]. Н.А. Бердяев указывает на непереводимость понятия «соборность» на другие языки и для западного его усвоения вводит термин «коммунарность» (от франц. *commune* – ‘община, коммуна’), он считает соборность качеством именно русского сознания [Бердяев 2008: 204].

В социальной сфере, по мысли А.С. Хомякова, соборные начала воплощаются в русской общине как основе социальной жизни – реальности, построенной на сознании «нравственной свободы русского народа» [Хомяков 1900: 289], цельности его духа. Развернутую интерпретацию соборности как социального явления мы находим у К.С. Аксакова. Для К.С. Аксакова понятие общины есть высшая реальность, где «личность, не подавлена, но только лишена своего буйства, исключительности, эгоизма. Личность поглощена в общине только своей эгоистичной стороной, но свободна в ней, как в хоре» [Новейший философский словарь 2003: 941].

Мысль о соборности в ее звуковом воплощении развивает позднее П.А. Флоренский. В многоголосии русской народной песни, по мнению философа, существует полная свобода всех голосов, «сочинение» их друг с другом, в противоположность «подчинению». «Тут нет раз навсегда закрепленных, неизменных хоровых «партий», – пишет Флоренский, – при каждом из повторений напева, на новые слова появляются новые варианты как у запевалы, так и у певцов хора. <...> Единство достигается внутренним взаимопониманием исполнителей, а не внешними рамками. Каждый более-менее импровизирует, но тем не разлагает целого, – напротив, связывает прочней, ибо общее дело вяжется каждым исполнителем – многократно и многообразно» [Флоренский 1990: 30].

Основной и первичной формой соборности русские философы считали брачно-семейные отношения, где прежде всего реализуется общность судьбы и жизни человека с другими. В общине, в семье закладываются основы нравственной личности, складывается ее мировоззрение, передаются традиции. Семья, писал Ю.Ф. Самарин, – это «самоотречение каждого в пользу всех есть начало свободного, но вместе с тем безусловно обязательного союза людей между собою [Самарин 1996: 416].

Формированию концепта СОБОРНОСТЬ в русском сознании способствовали обширность территории страны, где человек представлялся песчинкой, заброшенной в мир, в котором без поддержки коллектива он мог быть раздавлен; суровость климата, в котором выжить можно было только в сообществе с другими; сложность геополитического положения, влекущего за собой постоянные военные столкновения, конфликты; многонациональность страны. «Миссия России определяется <...> тем, – писал Д.С. Лихачев, – что в ее составе объединилось до трехсот народов – больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях многонациональности. Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом прежде всего культурным» [Лихачев 2015: 19].

Православно-славянское качество сознания русского человека, наличие огромных территорий, множества языков, диалектов, обычаев, конфессий – все это безусловно формировало и формирует русский менталитет, служит ресурсом для развития русской духовности.

Будучи лингвоспецифичным и по форме, и по содержанию слово «соборность» вербализует концепт, который воспринимается как специфически русский. Поскольку язык важен как форма воплощения народного духа, а по определению А.А. Тихонова, язык – есть «своеобразная археология духовности» [Тихонов 2013: 170], рассматриваемый концепт моделируется, проявляется и активизируется на всех уровнях языковой системы.

Уже сама приставка *со-* в словах «соборность», «соборный», «собор» указывает на со-биание разрозненного в единое целое, в котором многие *Я* духовно связываются с другими *Я*, и, не теряя своей значимости, обретают силу в целом. Подобную сакральную силу приписывает, например, К.С. Аксаков приставке *со-* в слове «сознание», в котором знание человеком предмета посредством слова удваивается, это удвоение есть возвращение знания к самому себе, что и делает человека со знанием познающим субъектом (о толковании слова «сознание» в работе К.С. Аксакова «Опыт русской грамматики» подробнее см.: [Безлепкин 2002: 41]).

В работах А. Вежицкой, С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, В.В. Колесова, О.Н. Корнилова, В.В. Красных, В.А. Масловой Г.П. Мельниковой, В.И. Постоваловой, В.Н. Телия и многих других исследователей содержится обширный лингвистический материал, подтверждающий, что русский язык является отражением русской концептуальной картины мира. Доказывают это и факты, почерпнутые из практики преподавания русского языка иностранцам. Трудности в освоении языковых единиц разных уровней могут служить ориентиром в определении национальной специфики русской ЯКМ и концепта СОБОРНОСТЬ в частности.

Остановимся на трех основных идеях соборности, которые находят свое подтверждение, «отпечаток» в языке: растворенность *Я* в собирательном *МЫ*, что подтверждает принцип «единства во множественности»; редуцированность, отстраненность субъекта высказывания от предмета высказывания; согласованность, спаянность, пластичность языка и – как следствие – текучесть русской речи.

Как известно, национально-специфическая информация, лежащая в основе ЯКМ – образа мира, «запечатленного в семантике языка» [Колшанский 1990: 108], – аккумулируется прежде всего в лексике. Грамматика, в отличие от лексики, не несет вещественной информации, в акте речи она не является предметом сообщения. Однако, как пишет Л. Витгенштейн, «предложение – [это] модель действительности, как мы ее себе мыслим» [Витгенштейн 2017: 74]. Если лексика культурологически маркирует действительность явно, то маркированность грамматическая намного более тонкого свойства. Глубинные смыслы национальной ЯКМ отвечают: «1) признаку облигаторности – лексика выбирается индивидом, в то время как грамматические правила едины и с обязательностью используются каждым носителем языка; 2) укорененности в бессознательном – в отличие от лексики, выбор которой фиксируется сознанием, носители языка не осознают правила, организующие их речь» [Мельникова 2014: 11].

Существенную роль в русской ЯКМ играет местоимение *МЫ*. Русская речь уклоняется от частого употребления местоимения *Я*. В ан-

глийском же, например, языке местоимение первого лица *І* употребляется без ограничений и более того – всегда пишется с большой буквы, что дало основание многим лингвистам называть русскую цивилизацию «*МЫ*-цивилизацией», а западную – «*Я*-цивилизацией».

Емкое определение соотношения *Я* и *МЫ* принадлежит Н.А. Бердяеву: «“*Мы*” есть содержание и качество жизни “я”, ибо всякое “я” предполагает не только отношение к “ты”, но и отношение к человеческому множеству» [Бердяев 1934: 99].

Местоимение *МЫ* в русской языковой традиции жестко не детерминирует количество обозначаемых лиц: оно может обозначать несколько лиц, как «адресата (инклюзивное *мы*), так и определенную группу лиц, куда входит адресант, но не входит адресат (эксклюзивное *мы*)» [Крапивкина 2018: 90]. В «Краткой русской грамматике» в качестве первичных значений местоимения *МЫ* приводится употребление, когда это местоимение «указывает на некое множество лиц, включающее говорящего, например: ‘я и еще одно лицо’, ‘мы вдвоем’ (*мы с тобой, мы с ним*), ‘я и еще несколько лиц’, ‘мы все вместе’ (*мы с вами, мы вместе с вами и с ними*); ‘я в составе неопределенного множества лиц’ (*мы с ними*). При расширительном употреблении местоимение *МЫ* может указывать на совокупность лиц, коллектив, всех граждан» [Краткая русская грамматика 1989 [http](http://)]. Однако употребление местоимения *МЫ* намного шире. *МЫ* может называть единичное лицо в его отношении к другому лицу (к другим лицам). Это «1) авторское *МЫ* (вместо *Я*) (так называемая формула скромности): *как мы уже говорили; нам кажется, представляется*; или в старой речи в обращении властителя к своим подданным: *мы, государь...*; 2) *МЫ* вместо *я* при выражении снисходительного участия, сочувствия, причастности к занятиям или состоянию собеседника: *как мы себя чувствуем? что мы поделываем? как нам живется, как работается?* или как выражение самоуничижения при общении с другим лицом (лицами): *ничего, мы постоим, мы привычные*» [Указ. соч.]. Особо хочется выделить использование *МЫ* в научном дискурсе с целью устранения эгоцентризма высказывания и в официальном – для указания на сакральный характер власти.

Характер употребления местоимения *МЫ* является яркой особенностью русской ЯКМ и составляет ее субстанциональную основу. Использование этого местоимения свидетельствует о приоритете коллективизма в русской ЯКМ, напротив, частое употребление *Я* говорит в пользу индивидуализма (детям иногда говорят: «Не “якай”. Я – последняя буква в алфавите»). Частое использование местоимения *я* противоречит нормам соборной культуры.

Особым характером передачи субъектной семантики в русском языке обладают односоставные глагольные предложения: неопределенно-

обобщенно- и определенно-личные. Для этих типов предложения характерны: антропоцентризм (употребление предложений применимо только в том случае, если речь идет о человеке); наличие одного конструктивного центра; информативная достаточность предложения вне связи с контекстом. В таких предложениях называется действие, производитель которого не вербализуется: *За окном шумят; На каждый роток не накинешь платок; Люблю грозу в начале мая* (Ф.И. Тютчев). Если в неопределенно-личных предложениях говорящий исключает себя из состава неопределенного для него субъекта речи, в обобщенно-личных – включает себя в состав обобщенного субъекта речи, то, в определенно-личных субъектом является «определенное» для говорящего лицо, в том числе и сам говорящий (подробнее о характере субъекта в односоставных предложениях см.: [Рогова 2007; Одинцова 2006]) Производителем действия, в разной степени отвлеченного от деятеля, может быть только человек, что отражается в семантике глаголов и конституирующих членов предложения. Например, в неопределенно-личных предложениях в роли главного члена не могут употребляться глаголы типа: *гнездиться, сооружаться*, так как подобные глаголы не способны передавать действие человека, а в роли локальных распространителей – словосочетания типа: *в ящичке, на книжной полке* (см. некорректное предложение **В ящичке поют*). Пропуск личных местоимений при выражении неопределенности, обобщенности и определенности – большая проблема при обучении иностранцев. В практике преподавания русского языка как иностранного необходимо определить ситуации, в которых пропуск личного местоимения обязателен, предпочтителен и невозможен (такие комментарии и упражнения к ним даются, например, в книге [Lubensky, Odintsova 2010]).

Пропуск личных местоимений как яркая черта русской ЯКМ свидетельствует о связности дискурса (по словам И. Фужерон и Ж. Брейяра, употребление местоимения – это «марка разрыва с предыдущим» [Фужерон, Брейяр 2004: 155]), редукция же местоимения *я* в определенных социокультурных ситуациях объясняется, по словам Б.А. Успенского, «стремлением избежать эгоизма» [Успенский 2011: 92] в языке.

Бессубъектность безличных предложений – тема огромного числа лингвистических и лингвокультурологических исследований. «Русский язык, – пишет Т.Б. Радбиль, – предпочитает особую схему концептуализации события или внутреннего состояния, при котором реальный субъект действия или состояния осмысливается как объект данного действия или состояния (*мне стыдно, а не я испытываю стыд*)» [Радбиль 2013: 69–70]. Отсутствие субъекта в безличных предложениях при выражении психического и физического состояния лица, состояния природы и действия стихийных сил, модальных значений и др. – явление в русском

языке не просто актуальное, но и активно развивающееся. Человек в безличных предложениях не создает событие, он в него бесконтрольно вовлечен. На примере двух типов русских безличных предложений: *Занесло ветром* (фактор стихии) и *Не пишется* (фактор воли) Н.Д. Арутюнова делает вывод об особенностях русской языковой ментальности: «в силовое поле русского языка входят два соотносительных понятия – стихия и воля. Первое относится к миру природы, второе к миру человека. <...> Стихия действует активно, воля – пассивно» [Арутюнова 1998: 814]. По мнению А. Вежицкой, «богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывает, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, причем эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими» [Вежицкая 1996: 76]. А. Вежицкая связывает категорию безличности в русском языке с такой национальной чертой русского языкового сознания как «притерпелось» [Там же: 35]. Однако этот вывод следует считать несколько натянутым и умозрительным. По нашему мнению, стоит согласиться с выводами исследователей, связывающих широкое распространение в русском языке синтаксических структур, выражающих категорию безличности, с отражением в национальном сознании категории глубинной соборности – особого типа отношения к жизни: отказ личности от своей «самости», соборный характер созерцания человеком внешнего и своего внутреннего мира.

Соборность как одна из существенных внутренних доминант русской ментальности, идея согласия человека с другими людьми находят также отражение во флективной системе русского языка, свободном, поливариативном порядке слов.

Многозначность падежей, многообразие флексий существительных, прилагательных, числительных, местоимений, связанных с категорией падежа, разнообразие чередований в основе существительных при их словоизменении, а также предложно-падежное управление, представляют серьезную трудность при изучении русского языка иностранцами.

Русский язык принадлежит к языкам синтетического строя. В нем грамматические отношения выражаются в пределах одной словоформы, без помощи служебных слов, порядка слов и суперсегментных единиц, что формирует высокую предсказуемость употребления форм как в письменной, так и в устной форме. Категория предсказуемости во многом обуславливает согласованность и связность русского синтаксиса. Еще до предложения можно определить семантическую роль, которую будет играть слово в предложении. Например, форма *книгу* свидетель-

ствует о том, что это слово женского рода, единственного числа и стоит в винительном падеже. В предложении оно будет выступать в роли прямого дополнения: *Он читает книгу; Он покупает книгу*. В аналитических языках «грамматические отношения выражаются служебными словами, порядком слов, интонацией» [Ахманова 1966: 530]. И до словосочетания или предложения нельзя сказать, какую функцию будет выполнять слово. Например, слово *round* может обозначать совершенно разные грамматические явления: *a round table* – круглый стол; *to make (the lips) round* – сделать (губы) круглыми; *a round of politicians* – круг политиков.

Русский падеж не является чисто морфологической категорией, потому что те роли, которые способна выполнять падежная форма в предложении, зависят не только от самой категории, но и от синтаксической позиции имени в предложении: *город моей мечты; это – город, где я родился; я еду в город; я вижу город*, а также от приименных служебных слов: *проехать лесом, проехать по лесу, поехать через лес, поехать вокруг леса*.

В синтаксисе изменение слов, связанное с «подстраиванием» их друг под друга на основе внутреннего преобразования, отражается прежде всего в согласовании как способе синтаксической связи. При согласовании зависимое слово уподобляется главному в общих для них грамматических категориях (род, число, падеж): *веселый друг, веселого друга, веселому другу; веселая подруга, веселой подруги, веселой подруге* и т. д. «Подстраивание» слов друг к другу наблюдается и при другом виде синтаксической связи – управлении, при котором лексико-грамматические свойства главного слова предопределяют наличие зависимого имени в форме косвенного падежа: *писать другу, писать письмо, писать о брате; книга про войну, книга с иллюстрациями, книга без обложки*. Овладеть русским языком невозможно без усвоения синтаксической связи управления, прежде всего глагольного управления. Большую роль в предсказуемости управляемой формы зависимого члена играет глагольная префиксация. Приставка в глаголе способна не только менять его видовую семантику: *делать/сделать*, модифицировать его лексическое значение: *войти, выйти, подойти, отойти, зйти, обойти* и т. д., но и обуславливать характер сочетаемости глагола, предопределять форму зависимого слова: *войти в дом, выйти из дома, подойти к дому, отойти от дома, зйти за дом*. Кроме префиксации в формировании связанности форм в словосочетании активное участие принимают суффиксальные средства: *учить (учить русскому языку детей) – учиться (учиться музыке), учительница (учительница по английскому языку),*

учебник (учебник по химии), а также префиксально-суффиксальные события: *писать* (*писать письмо другу*) – *записать* (*записать телефон в книжку*), *расписаться* (*расписаться в получении документа*), *подпись* (*поставить подпись под документом*) и т. д.

Наличие в языке различных способов выражения значения слов с помощью окончаний, префиксов, суффиксов обеспечивает формальную избыточность создания смысла. «Плеоназм (избыточность выражения) – особенность русской речи» [Пименова 2010: 76]. Избыточность выражения смысла формирует высокую предсказуемость, стабильность и надежность организации русского предложения.

Именно избыточностью средств выражения во многом можно объяснить свободный гибкий порядок слов в русском языке (в отличие, например, от английского, аналитического, языка, где значение словоформы, ее функция и роль определяются позицией в предложении). «Вопрос о порядке слов любого языка – кардинальный вопрос синтаксиса этого языка, ибо это “каркас” наименьшей единицы коммуникации – предложения, в который вкладываются “кирпичики” – слова. Как не может быть предложения без слов, так не может быть и предложения без определенного, свойственного данному языку словопорядка» [Шевякова 1980: 3]. В русском языке порядок слов является функциональным – он обеспечивает коммуникативные потребности говорящего. Свободный порядок слов и механизм актуального членения обуславливают реализацию принципов согласованности и связанности уже на уровне текста.

«Пластичный» характер русского языка отражается и в фонетике, в особенностях звучащей речи. Редукции гласных, ассимиляция согласных по глухости–звонкости, оглушение звонких согласных в конце слова, ассимиляция согласных по мягкости, выпадение согласных в консонантных сочетаниях – все это формируют слитность произношения. Избыточность средств выражения смысла в синтетическом русском языке обуславливает, например, направление ассимиляции согласных звуков: для русского языка характерна регрессивная ассимиляция, когда последующий звук меняет качество предшествующего: *поезд* – [п’ойст]. В английском же, аналитическом (корнеизолирующем), языке напротив – ведущей ассимиляцией является прогрессивная: предшествующий звук влияет на последующий. Для английского языка необходимо сохранить облик слова в потоке речи, не допустить размывание границ между морфемами. Синтетический же строй русского языка не предполагает тесной взаимосвязи между морфными и слоговыми границами, что обуславливает подвижность слоговой границы между морфемами в слове: *год*, но *го-до-вой*, в фонетическом слове: *перед обедом* – [п’ь-р’ь-д_-б’э-д’ьм].

Слитность произношения характеризует и звучащее предложение – высказывание. С точки зрения ритмико-интонационной особенности русской звучащей речи высказывание делится не на слова, а на синтагмы. В звучащей речи группы слов в синтагме произносятся слитно, непрерывным потоком, с одним интонационным центром. Паузы делаются только между синтагмами. Отличительной чертой русской звучащей речи является перераспределение границ слогов на стыках слов в синтагмах: *вот опять окно* – [вó-т\^-п'á-т'/\к-нó]. Как ударение в слове, так интонационный центр в синтагме (вместе с движением тона) организует предложение, создавая неповторимый облик русской звучащей речи; придает звучащей речи акустическую связность.

Слитность звучащей речи в русском языке поддерживается характером артикуляционной базы русского языка – совокупности привычных движений и состояний органов речи, необходимых для произнесения звуков. Артикуляционная база «формируется на основе динамики – определенных артикуляций, свойственных русскому языку, и статики – артикуляционного уклада – установки артикуляторов, находящихся в положении, обеспечивающих экономное выполнение произносительных движений» [Кулешов, Мишин 1987: 22]. «Русский молчит по-русски» – это значит, что в состоянии молчания наши артикуляционные органы находятся в положении, удобном для произнесения русской речи. Для русского языка характерно следующее положение артикуляторов: губы несколько вытянуты вперед; кончик языка упирается в нижние зубы; передне-средняя часть языка чуть приподнята к небу. В английском языке, например, в состоянии покоя наблюдается совершенно другое положение органов речи: губы слегка растянуты и напряжены; кончик языка загнут к верхним зубам и слегка оттянут назад; средняя часть языка занимает ровное плоское положение в полости рта. Для русского языка характерна изготовка артикуляционного уклада на [и], для английского – на [э]. При общении с американцами складывается впечатление, что они люди веселые, потому что улыбка постоянно присутствует на их лицах. Русские же производят впечатление людей грустных, недовольных, даже хмурых. Улыбка, вернее положение губ, сопровождающих улыбку, не характерно для речи носителей русского языка. Улыбчивость и неулыбчивость связаны не только с характером американцев и русских. Скорее дело в особенностях артикуляционного уклада носителей русского и английского языков. Отодвинутость основных артикуляций вглубь ротовой полости, автоматически раздвигает губы. И напротив, сосредоточие артикуляций в передней части ротовой полости, у нижних зубов, продвинутость языка вперед препятствует постоянному раздвижению губ в русском языке (подробнее о фонетической системе русского языка см. [Одинцова 2020: 310–334].

Человек, «получая по праву рождения язык и выраженные в нем идеалы, ценностные установки и смысложизненные представления, <...> наследует языковую, речеповеденческую, дискурсивную, концептуальную и другие картины мира, которые становятся своего рода матрицей его языкового бытия» [Владиминова 2018: С. 1411]. Язык своей историей вырабатывает адекватные своей сути смыслы и формы. Получив мощную «прививку» православия, концепт СОБОРНОСТЬ как «сгусток русского духа» (С. Трубецкой) получил универсальную реализацию в отечественной культуре, в особенностях русского языка. Явления слитности, связности, согласованности, подчинение Я соборному МЫ, подтвержденные грамматическими и фонетическими данными, не лежат на поверхности коммуникации. Они заложены глубоко в структуре языка. Эти явления свидетельствуют о своеобразном восприятии мира носителями языка. Будучи языковыми универсалиями, они отражают «закономерности, характеризующие свойственные данной ментальности особенности согласования: оно происходит за счет подстраивания под другого через изменение себя» [Мельникова 2011: 61]. Статью о СОБОРНОСТИ как доминанте русской языковой ментальности хочется закончить словами К.С. Аксакова: «чем более будем мы вникать в язык, тем глубже будет нам открываться дух нации, весь живущий в нем и бессознательно уже давший в нем себе разумную форму» [Аксаков 1875: 3].

Литература / References

1. Аксаков К.С. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. Буслаяна // Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 2. Ч. 1. М.: Университетская тип. (Катков и К), 1875.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966.
4. Бабич В.В. Понятие соборности в русской религиозной философии // Вестник Томского государственного университета. Философия, этика, религиоведение. 2009. № 324 (июль). С. 63–66.
5. Безлепкина Н.И. Философия языка в России. (К истории русской лингвофилософии). 2-е издание, дополненное. СПб.: «Искусство–СПб», 2002.
6. Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008.
7. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Изд-во «Правда», 1989.
8. Бердяев Н.А. Я и мир объектов: (Опыт философии одиночества и общения). Париж: YMCA-press, 1934.
9. Бирюков Н.И., Сергеев Н.И. «Соборность» как парадигма политического сознания. [Электронный ресурс.] URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Biryukov_1997_3.pdf (дата последнего обращения: 18.11.2021).
10. Булгаков С. Православие. Очерки учения православной церкви. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011.
11. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.

12. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. Сер. «Памятники философской мысли». М.: Канон+, 2017.
13. *Владимирова Т.Е.* Экзистенциально-онтологическая парадигма обучения иностранных студентов русскому языку // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 1411–1416.
14. *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
15. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
16. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Изд. 3-е. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
17. *Киреевский И.В.* К.С. Аксакову // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. / Под ред. М. Гершензона Т. I. М.: Тип. Императорского Московского Университета, 1911. С. 76–80.
18. *Колесов В.В.* Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. Л.: ЛГУ, 1991. С. 106–124.
19. *Колианский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990.
20. *Крапивкина О.А.* Прагматический потенциал местоимения *мы* в юридических диверситетах. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 3. С. 90–98.
21. *Красных В.В.* Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 133–141.
22. Краткая русская грамматика // В.Н. Белоусов, И.И. Ковтунова, И.Н. Кручинина и др. / Под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. М.: Рус. яз., 1989. [Электронный ресурс.] URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5312&0a0=1713#205> (дата последнего обращения: 21.11.2021).
23. *Кубрякова Е.С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебрянников. М.: Наука, 1988. С. 141–172.
24. *Кулеиов В.В., Мишин А.Б.* Сопоставление артикуляционных баз английского и русского языков и фонетическая интерференция. М.: Изд-во Московского университета, 1987.
25. *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 12–51.
26. *Лихачев Д.С.* Избранные труды по русской и мировой культуре. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и науч. ред. А.С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2015.
27. *Лурье В.М.* «Соборность»: появление термина и понятия в трудах Псевдо-Хомякова // *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*. 2020. No. 1. С. 72–88.
28. *Мельникова А.А.* Анализ синтаксиса как метода познания национальной ментальности: русская онтология и гносеология в зеркале языка // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2011. № 21. С. 59–71.
29. *Мельникова А.А.* Язык как текст национальной культуры и форма репрезентации ее смысловых оснований: Автореф. дисс. ... доктора культурологии. СПб.: 2014.
30. Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Минск: Книжный Дом, 2003.
31. *Одинцова И.В.* Звуки. Ритмика. Интонация: Учебное пособие. 10-е изд. М.: Флинта: Наука, 2020. С. 310–334.
32. *Одинцова И.В.* Некоторые проблемы односоставных глагольных предложений с точки зрения грамматики русского языка как иностранного // Обретение смысла. Сб. статей, посвященный юбилею докт. филол. наук., проф. К.А. Роговой. СПб.: Изд-во «Осипов», 2006. С. 77–92.

33. *Павленис Р.И.* Проблема смысла: Современный логико-функциональный анализ языка. М.: Мысль, 1983.
34. *Пименова М.В.* Ментальность и концептуальная система // *Textus*. 2010. № 13. С. 73–79.
35. *Постолова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира* / Отв. ред. Б.А. Серебrenников. М.: Наука, 1998. С. 8–69.
36. *Радбиль Т.Б.* Основы изучения языкового менталитета: Учеб. пособие. 3-е изд., стереотипн. М.: Флинта: Наука, 2013.
37. *Рогова К.А.* Нормативный аспект в употреблении определённо-личных предложений // *Слово и предложение: исследования по русскому языку и методике преподавания. Сборник научных статей в честь 70-летия профессора В.П. Проничева*. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2007. С. 169–176.
38. *Самарин Ю.Ф.* О мнениях «Современника» // *Самарин Ю.Ф. Избранные произведения*. М.: РОССПЭН, 1996. С. 416–443.
39. *Тихонов А.А.* Открытость и соборность русского языка и менталитета // *Поволжский педагогический*. 2013. № 4 (6). С. 167–171.
40. *Успенский Б.А.* *Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство*. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011.
41. *Флоренский П.А.* *Сочинения: в 2 т. Т. 2*. М.: Правда, 1990.
42. *Франк С.Л.* *Сочинения*. М.: Правда, 1990.
43. *Фужерон И, Брейяр Ж.* Местоимение «я» и построение дискурсивных связей в современном русском языке // *Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей* / Отв. ред. Николаева Т.М. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 147–166.
44. *Хомяков А.С.* О современных явлениях в области философии. Письмо Самарину // *Полн. собр. соч. В 8 т. Т. 1*. М.: Университетская типография, 1900. [Электронный ресурс.] URL: http://russianway.rhga.ru/upload/main/53_Homyakov2.pdf (дата последнего обращения: 07.12.2021).
45. *Хомяков А.С.* Письмо к редактору «L'Union Chretienne» о значении слов «кафолический» и «соборный» по поводу речи отца Гагарина, иезуита // *Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. 2*. М.: Университетская типография, 1886. С. 319–328.
46. *Хоружий С.С.* Идея соборности: ее православно-славянофильские истоки и ее перспективы в современном постсекулярном мире: доклад на Международном научном собрании «Соборность и демократия». Требинье (Босния и Герцеговина) 13–16 июня 2012. [Электронный ресурс.] URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/10/horuzhy_sobornost_2012.pdf (дата последнего обращения: 18.11.2021).
47. *Шевякова В.Е.* Современный английский язык: порядок слов, актуальное членение, интонация. М.: Наука. 1980.
48. *Lubensky S., Odintsova I.* *Advanced Russian: from reading to speaking. От текста к речи. Book 2. Grammar. Exercises. Answer Keys to Book 1. Answer Keys to Grammar*. Indiana University. Bloomington, Ind.: Slavica, 2010.

О СВОБОДЕ НА ПЛАТФОРМЕ ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТИ И ЦЕННОСТНЫХ ПРИОРИТЕТОВ КРУПНЫМ ПЛАНОМ

И.А. Бабоша, И.Д. Ерофеев, В.Г. Кульпина, А.М. Пиеничный

FREEDOM ON THE INTERDISCOURSE AND VALUE PREFERENCES' PLATFORM WRITING LARGE

I.A. Babosha, I.D. Erofeev, V.G. Kulpina, A.M. Pshenichnyi

ABSTRACT

The review is considered on different aspects of collective monograph devoted to concept FREEDOM in Slavic languages and in languages of Slavic area's neighbors. The monograph FREEDOM is a part of a project EUROJOS (European Linguistic Worldview). The chief of the project is Jerzy Bartminski (Poland), the founder of the Lublin's School of Ethnolinguistics. The authors of the collective monograph reconstruct and create the image of Freedom – such as it exists in the languages and minds of people in their countries.

Keywords: review; concept; ethnolinguistics; cognitive linguistics; linguistic worldview; Slavic languages.

АННОТАЦИЯ

В рецензии описываются разнообразные аспекты коллективной монографии, посвященной концепту СВОБОДА в славянских языках и языках-соседах славянского ареала. Монография СВОБОДА является частью проекта EUROJOS (Европейская языковая картина мира). Руководителем проекта является Ежи Бартоминьский (Польша), основатель Люблинской школы этнолингвистики. Авторы коллективной монографии реконструируют и формируют образ свободы – таким, каким он существует в языках и умах людей в их странах.

Ключевые слова: рецензия; концепт; этнолингвистика; когнитивная лингвистика; языковая картина мира; славянские языки.

В рецензии обсуждается исследование концепта СВОБОДА¹ в разных лингвокультурах европейского круга, прежде всего в славянских языках и культурах, представленное в обширном томе *WOLNOŚĆ 'СВОБОДА'* (том 4). Общее название серии, включающей рецензируе-

---

¹ В данной работе выдерживается следующая система шрифтов: имя концепта пишется ПРОПИСНЫМИ БУКВАМИ, имя понятия – МАЛЫМИ ПРОПИСНЫМИ, языковые единицы – курсивом; когда речь идет о феномене свободы как таковой используется обычный шрифт. – *Ред.*

мый том – «Аксиологический лексикон славян и их соседей». Издание реализовано в рамках общего проекта EUROJOS – Европейская языковая картина мира, этнолингвистами ряда стран. В проекте EUROJOS широкое участие принимают также российские ученые из Института славяноведения РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова, Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Уральского государственного университета и других университетов Российской Федерации. Руководитель проекта – Ежи Бартминьский, профессор Университета им. Марии Кюри-Склодовской (г. Люблин, Польша), руководитель научной Люблинской этнолингвистической школы, всемирно известный ученый. Отсюда активнейшее участие в проекте приняли польские ученые из вышеназванного и других польских университетов, а также из Института славистики Польской академии наук. В проекте EUROJOS участвует академик РАН С.М. Толстая с коллективом российских этнолингвистов, что обеспечивает преемственность традиций этнолингвистических исследований, заложенной академиком АН СССР Никитой Ильичом Толстым. Том 4 *WOLNOŚĆ 'СВОБОДА'* представляет собой коллективную монографию, выполненную под редакцией и при авторском участии Ежи Бартминьского и Мачея Абрамовича, и является частью многотомного труда международного коллектива ученых «Аксиологический лексикон славян и их соседей». В вводной статье руководителя проекта Ежи Бартминьского, предваряющей каждый из пяти томов серии, указывается, что данный очередной том представляет собой «параллельное описание славянских ценностей на широком сопоставительном фоне» (с. 7²), так как ценности являются средоточием любой культуры и условием самоидентификации человека. Е. Бартминьский задается вопросами, являются ли ценности универсальным явлением и каковы базовые ценности европейской культуры. В томах серии представлено описание культурных концептов ДОМ, ЕВРОПА, ТРУД, СВОБОДА и ЧЕСТЬ. Основой анализа во всех вышеназванных изданиях явились системные данные, в частности словарные, а также данные анкетирования и текстовые данные, полученные прежде всего за счет анализа языковых корпусов и многотиражных СМИ. Целью анализа было выявить, каково понимание ценностей в славянских и других странах европейского ареала.

В связи с широтой проблематики, представленной в рецензируемом 4-м томе серии, ряд аспектов концепта СВОБОДА был рассмотрен обзорно. Так, достаточно пунктирно были описаны представления о сво-

---

² Здесь и далее в круглых скобках указываются страницы рецензируемого тома.

бодe в разные исторические периоды. Анкетирование в большинстве работ затрагивает лишь отдельные слои населения, преимущественно университетскую среду. Это естественные ограничения, к которым пришлось прибегнуть авторам. При этом в некоторых статьях указывалось на необходимость дальнейших, более детальных исследований. Отметим, что в связи с общностью заданной проблематики в статьях присутствуют сквозные темы (например, негативное и позитивное понимание свободы; наличие двух лексем, закрепивших в себе разное понимание свободы, или отсутствие таковых, и др.). Статьи написаны на шести славянских языках – болгарском, польском, русском, украинском, хорватском и чешском.

Статья «СВОБОДА – флагманская идея европейской культуры» Мачея Абрамовича и Ежи Бартминьского выполняет в сборнике вводно-установочную функцию, очерчивая рамки для всех его материалов. В первой части статьи авторы рассматривают аксиологические аспекты понятия СВОБОДЫ, отмечая, что оно может по-разному использоваться в коммуникации, в том числе для манипуляторных целей. Это понятие получает различные интерпретации, что говорит о необходимости тщательно контролировать и изучать его использование. Далее авторы обращаются к лингвистическим аспектам исследования. Ссылаясь на Анну Вежбицкую, они подчеркивают необходимость помнить о том, что слова отражают лишь определённый способ понимания реальности, а не саму реальность. Освещается история понятия СВОБОДЫ, а точнее, его корни, восходящие к истории Древней Греции, где зародилось представление о свободе как о возможности и праве действовать в соответствии с собственной субъективной волей, противопоставляя ее деспотизму. Эта концепция получила развитие в римской традиции, в которой свободным считался гражданин, наделённый определёнными правами и обязанностями. Описываются основные этапы формирования понятия свободы в Европе. Важнейшими вехами в развитии понятия СВОБОДА авторы называют Великую хартию вольностей (1215), Генриховы артикулы (1573), Декларацию прав человека и гражданина (1789). Рассматриваются примеры, иллюстрирующие понятие СВОБОДЫ и его смыслы в контексте этимологии. Авторы выделяют основные виды лексических выразителей понятия СВОБОДЫ: славянская *воля / свобода*, романское *libertas*, англо-саксонское *freedom / freiheit*. Ссылаясь на статью Йоанны Юревич, авторы рассматривают понятие СВОБОДЫ как возможность неограниченного перемещения в пространстве. Обращаясь к дефиниции понятия СВОБОДЫ, авторы находят для него такие универсальные гиперонимы, как *возможность, состояние, ситуация, привиле-*

гия, закон. Они также отмечают изменчивость понятия СВОБОДЫ во времени, от привилегированной политической свободы XVII в. до национальной и государственной независимости в XX веке. Проводится разделение свободы на личную и коллективную. При этом именно в славянских языках понятие СВОБОДЫ относится в первую очередь к нации и государству, а в западноевропейских – к личности. Ставится проблема диапазона и границ понятия СВОБОДЫ, подчеркивается, что хотя в словарях представлен сходный диапазон значений, на практике в разных языках эти значения употребляются с разной регулярностью. В вопросе границ свободы важную роль сыграл Алексис де Токвиль, давший миру формулу социальной интерпретации этих границ: «Свобода человека заканчивается там, где начинается свобода другого человека»³. Злоупотребление свободой может подвергаться стигматизации. Так, в Германии осуждается поведение, которое является исключительно личным интересом. Осуществляется дифференциация между негативной и позитивной свободой. Негативная свобода заключается в независимости от принуждения, а позитивная – в возможностях ее реализации. Анализируются понятия внешней и внутренней СВОБОДЫ: тогда как первая зависит от окружающей среды, вторая – от отношения самого человека. Понятие СВОБОДЫ как ценности анализируется в возможных взаимосвязях с другими ценностями. Авторы отмечают наличие в Польше двух аксиологически контрастно ориентированных дискурсов: либерально демократического и национально-правого. Авторы делают вывод, что СВОБОДА есть нечто большее, чем просто описательное понятие, это целый культурный и аксиологический концепт.

В статье «Понятие СВОБОДЫ в древнейшей индийской культуре» Йоанны Юревич внимание сосредоточено на том, как понятие СВОБОДЫ проявляется в Ригведе, древнейшем индийском собрании сакральных текстов. При этом сам термин *свобода* ни разу в тексте не упоминается, однако концепция СВОБОДЫ там широко представлена. Для индийской культуры свобода была неким особым местом, куда мог

---

³ В российской традиции эту фразу традиционно приписывают М.А. Бакунину (см., напр., [<https://ru.citaty.net/tsitaty/627539-mikhail-aleksandrovich-bakunin-svoboda-odnogo-cheloveka-zakanchivaetsia-tam-gde-nach/>]). Однако существует и несколько отличная точка зрения: «В одной французской легенде рассказывается о суде над человеком, который, размахивая руками, нечаянно разбил нос другому человеку. Обвиняемый оправдывался тем, что его никто не может лишить свободы размахивать своими собственными руками. Судебное решение по этому поводу гласило: обвиняемый виновен, так как свобода размахивать руками одного человека кончается там, где начинается нос другого человека» [Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. (Серия: Классический университетский учебник). С. 516]. – *Ред.*

сбежать человек от государства и кастовой системы. Й. Юревич анализирует один из упоминаемых в Ригведе терминов – *urú* – прилагательное, относящееся к разным местам и живым существам, но среди прочего обозначающее колесницу, колесо, ярмо, потоки молока, место для богов, приглашённых на жертвоприношение, носы собак, охраняющих вход в загробную жизнь. Это слово также используется для обозначения пространства, разделяющего небо и землю, пространство безопасности, которое позволяет двигаться и жить. Анализируется также термин *urusa*, выраженный глаголом, используемым для обозначения расширения в пространстве. Пространство (и его расширение) отождествляется с безопасностью, возможностью двигаться, что противопоставляется узости, тьме, неспособности двигаться. Разбираются примеры использования слова *urú*, одно из значений которого указывает на пастбище, которое играло исключительно важную роль в жизни древних ариев. Выход на пастбище означал метафорически выход в безопасное открытое место. Для обозначения препятствий для доступа к пастбищу использовались термины с негативной коннотацией. Вместе с тем *urú* в составе выражения *urú loká / uloká* может нести более метафоричные смыслы и употребляться в ссылках на мифы. Понятие СВОБОДЫ автор рассматривает в оппозиции с понятием пространства. Широкое пространство – это место, где человек может жить спокойно, помимо него возможность движения имеют такие объекты, как солнце, огонь, реки, скот. Сам человек свободен лишь в трёх ситуациях, во время драки, утром и во время религиозного ритуала. Абсолютная свобода, тем не менее, достигается с помощью строгой дисциплины, заключающейся в физических практиках известных как йога.

В заключении автор делает вывод о том, что такая оригинальная концепция СВОБОДЫ пронизывает текст Ригvedы. Она проявляется через обретение пространства и возможности движения, а также тесно связана с понятием огня. Такая концепция СВОБОДЫ стала основой для её дальнейших поисков.

В статье «Свобода в античной греческой культуре» Казимеж Корус сосредоточился на том понимании свободы, которое являлось сердцевинной идентичности античных греков – на политической свободе индивидуума. В качестве источников использовалась литература архаического периода (Гомер, Гесиод, Каллин, Тиртей, Солон, пифагорейцы, Пиндар) и классического (Геродот, Фукидид, Эсхил, Софокл, Еврипид, Аристофан, Платон и Аристотель). Указаны особенности литературы архаического периода, представляющие трудности для исследователей этих текстов: преобладание устной традиции (разнообразие пересказов

«Илиады» и «Одиссеи», с точки зрения сохранности аутентичности лучше сохранились произведения Гесиода), фрагментарность повествования (лирическая поэзия, проза). Подчеркнуто, что поэмы Гомера создали систему ценностей, которая была присуща поколениям древних греков. Доказано, что в «Илиаде» замечания героев о свободе как ценности не являются главной темой. Больше о свободе говорили троянцы, для которых она ассоциировалась с миром (отсутствием войны). К. Корус отметил желание Гектора воздвигнуть *кратер свободы* (*kretéra eléutheron*) в случае победы (с. 98–99). Представляется, что толкование К. Корусом *похищения дня свободы* (*eléutheron émar apaurán*) как **войны** нуждается в уточнении: видимо, следует понимать это выражение как **поражение в войне** (с. 100). Автор пришел к выводу, что в обеих поэмах *мир* – это гипоним *свободы*. К. Корус выявил, что для Ахиллеса и греков того времени СВОБОДА ассоциировалась с *достоинством* (*timé*) (с. 102). Последнее было связано с *воспитанием* (*paidéia*), *великодушием* (*megalothymía, megalopsychía*), умением просить прощения и прощать, а также со стремлением быть *лучшим* (*áristos*), прославиться, что, в свою очередь, давало право на *власть* (*basiléuein*). Также в этом ряду стоит *почтение к богам и умершим людям* (*sebádzei*) (с. 102–104). Олимпийские игры, наряду с поэмами Гомера, показывают особенности образа мыслей греков VIII в. до н.э.: *свобода* (*мир*) – это возможность участвовать в играх, показать свое превосходство (*áristos*), завоевать *славу* (*kýdos, kléos*). Как необычное для того времени автор оценил убеждение греков, что в спорте они становятся *равными* (*ísos*), имеют равные права (с. 105–106).

Переходя к VII веку, автор обращается к Гесиоду и его поэмам «Теогония» и «Труды и дни». Отмечено, что, хотя в этих произведениях *свобода* не упоминается, через противопоставление *войны миру*, благодаря опоре на гомеровский эпос, конструируются коннотативные семантические черты *свободы*. Автор утверждает, что эта система коннотаций появляется из жизненного опыта Гесиода, эквивалент *мира* в ней – *справедливость* (*díke*), обладающая следующими коннотативными чертами: *труд* (*érga*) в условиях честной конкуренции, *материальное благополучие* (*polýs bíos*), *счастье* (*eudaimonía*) (с. 108–109). В середине VII в. появились патриотические элегии Каллина и Тиртея. У первого содержится призыв к *борьбе для защиты сообщества* (жителей Эфеса), связанной с *мужеством* и *стыдом* (*aidéisth'*) перед соседями (с. 110). У второго появляется понятие *РОДИНА* (*patris*), защита которой сопряжена со *славой* (*kléos*) и *всеобщим уважением* (*pántes timósi*) (с. 110–111). В VI в. в Афинах Солон проводит реформы и описывает их в своих поэти-

ческих произведениях. *Свобода граждан* Афин была обеспечена *сисахфией* – отменой долгов. Это решение также способствовало обеспечению *справедливого равновесия* между социальными слоями. Важно, что этот порядок защищался властью *полиса* (с. 111–114). Далее автор рассмотрел осознание личностью внутренней свободы. Здесь он обратился к школе пифагорейцев, отметив трудности, вытекающие из того, что основная информация об этой группе философов содержится в достаточно поздних источниках. С этим же связана ключевая проблема датировки важного текста «Золотой песни пифагорейцев». От ее решения зависит установление времени появления философии внутренней свободы личности (*свободы души от зла*): после завоевания Греции Македонией во второй половине IV в. или 150 годами ранее. Критерием СВОБОДЫ – «освобождения души» (*lýsis tes psychés*) – в «Золотой песне» являлась способность *господствовать над собой* (*kratéin seautoú*), которой способствовали чувства *стыда* (*aidós*) перед собой и *справедливости* (*dikaíosýne*) (с. 119–120).

К. Корус отнес фиванского поэта Пиндара, творившего в V в., к архаическому периоду, отметив, что тот продолжил гомеровскую традиции восприятия свободы как мира, но с другими коннотациями: не достойный мир, но *покой* (*hesychía*), мир любой ценой (с. 121–123). Представляется не до конца обоснованным внесение в коннотативную схему СВОБОДЫ Пиндара *трусости* и *предательства* (с. 121), поскольку эти элементы взяты не из текстов Пиндара, а из критики его позиции историком Полибием.

Классический период представлен демократическими Афинами V–IV вв. Автор подчеркнул, что он остановился только на сочинениях мыслителей того времени – сторонников афинской демократии, хотя были и ее противники. Целью демократии провозглашались *свобода* (*he eleuthería*) и *равенство* (*to íson*) перед законом (*he isonomía*), в доступе к государственным должностям (*he isotimía*), в возможности публично выступать по государственным вопросам (*he isegoría*) (с. 124) и в свободе слова (*parresía*) (с. 126). Как отметил К. Корус, эти понятия стали ценностями после того, как появилась угроза со стороны Персии, что отразилось, в частности, в установлении *праздника свободы* (Элефтерии) после победы в битве при Платеях в 479 г. до н.э. Среди прочего, автор проанализировал речь афинского полководца Перикла во время Пелопоннесской войны, записанную историком Фукидидом. В результате выявлено 9 элементов когнитивной дефиниции СВОБОДЫ, 5 определений свободного человека и определение свободного государства. Отмечено, что афиняне любили свободу только для своего

полиса и жестоко отбирали ее у граждан других городов-государств в ходе их завоевания, называя их свободу *самоуправлением* (*autopotiá*) (с. 129–130).

Подводя итог, автор подчеркнул, что в текстах архаического периода встречается не существительное *свобода*, а лишь прилагательное *свободный* (от чего-то). В классический период *свобода* уже присутствует в общественно-политическом значении. Выделены гипонимы и синонимы свободы, основным из которых являлся *мир* (архаический период). Критерием свободы в классический период выступило *равенство* в различных аспектах общественной жизни.

В статье «СВОБОДА – одна из важнейших ценностей литовца» Ирены Сметониене прежде всего конкретизируется, какая свобода имеется в виду. Для литовского общества ближе всего разделение свободы на личную и социальную. Социальная свобода связана с отношениями между человеком и государством, а также – другими людьми. В этом ключе отмечается важность понятий СВОБОДЫ нации и государства. Под личной свободой подразумевается (со ссылкой на психолога Юлиуса Тилвикаса) свобода от зависимостей, от психологических проблем и психических травм, от догм и культов, финансовая свобода, свобода творчества и др. Современная литовская традиция изучения темы свободы берет свое начало в 1990-е гг., и она весьма обширна. Попытки изучить это понятие предпринимались представителями разных дисциплин, прежде всего юристами и историками. Автор предприняла системный анализ на основании словарных статей в базовых словарях литовского языка. В литовском языке понятие СВОБОДЫ выражено двумя основными лексемами – *laisvė* и *valia* (из них русскому слову *воля* соответствует скорее последнее). Отмечается, что двойственное понимание свободы развилось лишь недавно, для человека XIX–XX вв. свобода ассоциировалась с возможностью делать то, что считаешь нужным, иметь свободу передвижения. Однако в современном языке слово *laisvas* имеет до одиннадцати значений. Для литовца свобода имеет как духовное, так и физическое измерение, без нее он не может жить, так как противоположностью свободы является рабство, страх, ограничения. По данным одного из опросов от 2010 г. во время празднования годовщины независимости Литвы опрошиваемые отмечали, что независимость и свобода страны являются уже совершившимся фактом, а в современной Литве важнее такие аспекты, как свобода слова, выборы, стремление к поставленной цели. Молодое поколение литовцев говорит о понятии СВОБОДЫ как весьма широком и многозначном; высказывает свое мнение, что достичь некой настоящей свободы невозможно, что сви-

детельствует о критическом отношении к этому понятию. Дается анализ 550 контекстов, в которых выступает понятие СВОБОДЫ – в пословицах, художественной литературе, публицистике, текстах известных деятелей, политическом и юридическом дискурсах. В выводах отмечается особый интерес к свободе со стороны писателей старшего поколения, нежели младшего. Наибольшее внимание этому понятию уделяют в своих речах отдельные известные деятели и политики (как, например, Витаутас Ландсбергис). В заключение автор даёт обобщенное когнитивное определение понятия СВОБОДЫ. В приведенной таблице содержание концепта СВОБОДА уточняется на основе анализа разных дискурсов. Вывод, к которому приходит И. Сметониене, состоит в том, что литовцы в своих взглядах на свободу схожи с остальными европейцами.

В статье «Понятие *Wolność* в польской лингвокультуре» Ежи Бартминьского и Станиславы Небжеговской-Бартминьской большое внимание уделяется аксиологии понятия СВОБОДЫ и его презентации в разных типах гуманитарного дискурса. Опираясь на данные опросов общественного мнения 1985–2010 гг., авторы отмечают, что в каноне польских ценностей свобода занимает высокое положение, уступая только семье, любви и работе (с. 182). В разделе «Исторические и современные концепции свободы» Е. Бартминьский и С. Небжеговска-Бартминьска рассмотрели историю становления представлений о свободе в польском дискурсе. Ключевыми хронологическими рубежами этого экскурса стали XVI в. (период так наз. «золотой вольности», расцвета шляхетской Речь Посполитой), XIX в. (время утраты Польшей национальной независимости, когда борьба за свободу ассоциировалась, прежде всего, с борьбой за свободу и восстановление государственности) и, конечно, XX – начало XXI вв. – собственно современная эпоха, которой в исследовании было уделено преимущественное внимание. Авторы указали три типа лингвистических данных, составляющих источниковую базу работы: системные (материалы польских словарей), текстовые (пословицы, публицистические статьи, эссе и проч.) и данные анкетирования. В разделе «Свобода в свете системных данных» были рассмотрены этимология и дериваты понятия WOLNOŚĆ в польском языке, его дефиниции в польских толковых словарях, категоризация, синонимы и антонимы, а также фразеологические обороты, связанные с данным понятием. Исследователи отмечают, что понятие WOLNOŚĆ в польском языке фиксируется с XV в. До этого существовало родственное ему слово *wola*, имеющее непосредственные эквиваленты в славянских и других индоевропейских языках (русс. *воля*, лат. *voluntas* и др.). Образованное от него прилагательное *wolny*, первоначально имевшее

значение ‘могущий действовать согласно собственной воле’, в дальнейшем приобрело новый смысловой оттенок, сходный с лат. *libertas* – ‘ничем не ограниченный, произвольный, непринужденный’. Слово *wolność*, в свою очередь, образовалось от прилагательного *wolny* в его втором значении отсутствия ограничений и принадлежит к словообразовательной категории названий признаков.

Сопоставляя словарные дефиниции понятия СВОБОДЫ в разные исторические периоды, авторы показали, что его понимание существенно менялось с течением времени. Так, в старопольский период (сер. XV в.) *wolność* понималась в христианском смысле как свобода отдельной личности. В среднепольский период XVI–XVIII вв. предметом гордости было обладание политической, гражданской свободой, которая являлась привилегией шляхты. В новопольский период (1795–1918 гг., когда Польша утратила государственность) первостепенным становится понимание свободы как *свободы народа* (в смысле национальной независимости), в то время как *свобода личности* отходит на второй план. Наконец, личностное понимание свободы снова выходит в словарях на первый план лишь после политических преобразований 1989 г. (с. 199). Исследователи подчеркивают, что в тех случаях, когда речь шла о свободе народа и страны, понятие *wolność* выступало в словарях в качестве синонима слова *niepodległość* ‘независимость’, в то время как в ситуациях, в которых субъектом выступала отдельная личность, синонимом данного понятия являлось слово *swoboda* ‘свобода’. Примечательно, что в новейших словарях (после 1989 г.) лексема *niezależność* ‘независимость’ перестала употребляться в качестве синонима свободы. Интересно замечание авторов, что в польском языке WOLNOŚĆ противопоставляется понятиям SWAWOLA ‘своеволие’ и SAMOWOLA ‘самоволие’, обозначающим чрезмерную, избыточную свободу. Субъектом этих разновидностей свободы является тот, кто «ставит собственную волю выше принятых в обществе норм и обычаев» (с. 200). Примечательно, что к *своеволию* (*swawola*, нарушению бытовых предписаний) общество относится более толерантно, в то время как *самоволие* (*samowola*, нарушение важных общественных норм) оценивается намного более негативно и считается *путем к анархии* (с. 201). В разделе «Анкетные данные» Е. Бартоминьский и С. Небжеговска-Бартоминьска представили результаты опросов в студенческой среде, проведенных в 1990, 2000 и 2010 гг. Респондентам предлагалось ответить на вопрос «Что, по-твоему, является сущностью настоящей свободы?». Авторам удалось уловить примечательную тенденцию: с течением времени свобода все меньше ассоциировалась со свободой слова. Авторы объясняют этот тренд тем, что по

мере превращения свободы слова в явление общественной действительности, она чаще воспринимается как данность. В разделе «Текстовые данные» были проанализированы пословицы как «минимальные клишированные единицы», содержащие «коллективную мудрость», примеры из художественной литературы, публицистики, а также корпусные данные. В частности, в польских пословицах уже с XVI в., с одной стороны, прослеживается апология свободы, с другой стороны, содержатся предостережения против злоупотребления ею. Анализ представлений о свободе в художественных и публицистических произведениях во многом соотносится с упомянутыми выше авторскими выводами по данным словарей. Так, в литературе и политических трактатах до утраты Польшей независимости (XVI–XVIII вв.) восхваляется, прежде всего, гражданская свобода, тесно связанная со шляхетскими привилегиями. При этом отдельные авторы (напр., Ю. Выбицкий и А. Нарушевич) критиковали шляхетское понимание свободы, считая, что оно идет в паре со все большим закабалением крестьян. После утраты Польшей независимости борьба за свободу народа и страны становится священной (*sacrum*), в XIX в. появляется так наз. «религия свободы» (*religia wolności*) (с. 214).

При анализе данных Национального корпуса польского языка за 1988–2010 гг. авторы зафиксировали тенденцию к увеличению упоминаний понятия СВОБОДА в текстах в годы политических потрясений и, напротив, к уменьшению таковых в период политической стабильности. В публицистических произведениях и эссе начала XXI в. исследователи отметили наличие направления, критически относящегося к «культу необузданной свободы» (*niepohamowanego kultu wolności*), представители которого выражают опасения, что торжество либеральных идей может привести к отходу от других важных общественных ценностей – равенства, справедливости, солидарности и др.

В разделе «Обобщенная когнитивная дефиниция свободы...» Е. Бартминьский и С. Небжеговска-Бартминьска сформулировали когнитивную дефиницию концепта WOLNOŚĆ в польском языке на основе всех типов данных. Реконструировав базовое представление о свободе в польском обществе, исследователи изучили, как этот базовый стереотип концепта WOLNOŚĆ профилируется в рамках различных типов публичного дискурса. Авторы выделили следующие *профили* (*варианты*) понимания свободы в польском обществе: либерально-демократический, право-национальный (*narodowo-prawicowy*), католический (с тремя подвидами – институционально-католическим, национально-католическим и либерально-католическим), левый, либерально-радикальный (анархический) и феминистический. Так, в либерально-

демократическом дискурсе (представлен партией «Гражданская платформа») свобода ассоциируется с правами граждан и европейскими ценностями, в право-национальном – с национальным суверенитетом (представлен партией «Право и Справедливость»). В понимании свободы либерально-католический дискурс сближается с либерально-демократическим, а национально-католический – с право-национальным. Наконец, в левом, анархическом и феминистическом дискурсах свобода связывается с равенством и толерантностью. Следует подчеркнуть, что в проанализированной статье авторы специально не рассматривают соотношение лексемы *swoboda* ‘свобода’ с концептом WOLNOŚĆ. Употребление лексемы *swoboda* приводится лишь в частных примерах.

В итоговом разделе среди авторских выводов имеется утверждение, что в польской концептуализации понятия WOLNOŚĆ преобладает «негативная свобода» (т. е. *свобода от чего-либо*) – свобода от внешнего принуждения, от идеологии и давления со стороны окружения. В свою очередь, «позитивная свобода» (право выбора, самореализации и т. п.) в польском дискурсе занимает лишь второе место.

В статье Ирены Ваньковой и Вероники Водражковой «СВОБОДА в чешской языковой картине мира» лингвистические аспекты понятия СВОБОДЫ (чеш. *svoboda*) рассматриваются в социоисторическом и философском ключе как базовая европейская, в том числе чешская ценность. Отмечается, что понятие СВОБОДЫ еще не исследовалось как понятие этнолингвистики и лингвокультурологии. Статье предпосланы красивые эпитафии, в частности Ярослава Хутки: «Велика земля, плещется на ней вода, но что больше всего, но что больше всего, это человеческая свобода». Акцентируется связь понятия СВОБОДЫ с понятиями НЕЗАВИСИМОСТИ, САМООПРЕДЕЛЕНИЯ, САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ, с ДОСТОИНСТВОМ и ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ, его гражданские, национальные и правовые коннотации, использование в разных областях научного знания. Слово *svoboda* ориентировано прежде всего на личную жизнь человека, действующего и формирующего свою жизнь по своей воле. В христианском понимании свобода связывается с началом истории человечества как таковой; с возникновением политики и философии. В общеевропейском и чешском мышлении с этим понятием связан ряд оппозиций: внешней и внутренней свободы, личной свободы и прав (свобод) другого человека. Понятие СВОБОДЫ характеризуется авторами как межкультурное.

В языковой системе понятие СВОБОДЫ представлено субстантивом *svoboda* ‘свобода’ (с исходной семантикой *мощь, воля*), прилагательным *svobodný* ‘свободный’ и наречием *svobodně* ‘свободно’; аналогичный

ряд формируют синонимы *volnost*, *volný* и *volně*. Устанавливается этимология каждой из лексем: от индоевр. *suobh ‘свой’ и прасл. **vol’ьнь*. В словарях современного чешского языка зафиксировано 10 значений лексемы, в том числе: 1. возможность реализовать свою волю; без чужого давления принимать решения и проявлять себя; 2. политическая независимость, самостоятельность (народа, государства); 3. свобода движений; 4. состояние еще не вступившего в брак. Различие между лексемами *svoboda* и *volnost*, выражается в различиях сочетаемости (*akademická svoboda* ‘университетская свобода’; *červanky svobody* ‘заря свободы’) и терминологических формаций. Выделяются синонимы: *samostatnost* ‘самостоятельность’, *nezavislost* ‘независимость’ и др. По результатам анкетирования студентов свобода означает возможность проявить себя, свободу слова, путешествий, свободу от страха, свободу вероисповедания. Свобода осмысливается как большая ценность: как суверенитет государства и как личная свобода, как важная цивилизационная ценность, на которую в истории были устремлены усилия прогрессивных сил, как права человека, права трудящихся. В настоящее время на первый план выдвинулся Закон Чешской республики от 1992 г., в котором свобода реализуется в лице свободно избранных представителей правового государства. В статье обозначен подход к свободе с точки зрения этнологических исследований чешской идентичности. Для выявления особенностей таковой авторы обращаются к вехам новейшей истории Чехии. Рупором такого подхода называется Ладислав Холи, указывающий в качестве горнила чешской идентичности 1988–1989 гг. и датирующий начало нового общественного устройства 1990 годом. По его мнению, для компартии Чехии свобода ограничивалась свободой от эксплуатации и безработицы, а в новом чешском дискурсе понятие свободы переосмыслилось как свобода личности, ее свободное самовыражение с учетом общепринятых этических норм; соединение личного и национального, воли и ответственности как нравственной основы человеческой личности. Рассматривается оппозиция внешней и внутренней свободы (внутренняя свобода как свобода от зависимости, страха и фобий, свобода выбора собственного пути); в контексте христианства она есть свобода от своеволия, зависимости, стремление жить с чистой совестью в согласии с самим собой. Понятие СВОБОДЫ в чешском дискурсе часто связывалось с образованием и воспитанием (авторы ссылаются здесь на авторитет Яна Амоса Коменского). Подчеркивается, что европейское понимание свободы заключается прежде всего в индивидуальном самоопределении. Авторы обращаются к концептуализации свободы Вацлавом Гавелом как противоречивой

сущности, которая является даром и шансом, вызовом и задачей. Свободой можно упиваться, радоваться ей и в то же время создать ее в себе самом. Национальная свобода связана с личной свободой. Свобода обычно проходит стадию несвободы и освобождения. Освобождение Чехословакии Красной Армией авторы относят «к историческим стереотипам и идеологическим нарративам» (с. 296). Трудно удержаться от комментария. В наши дни освобождение Чехии от фашизма, ее государственная свобода являются свершившимся фактом, поэтому освобождение страны теперь уже, как это, с определенной долей цинизма делают авторы, можно отнести к историческим стереотипам и идеологическим нарративам.

Символика свободы видится авторам в виде картинок-метафор: летящих по небу птиц, крыльев, бабочек, бегущей лошади с развевающейся гривой, человека с расprostертыми руками в свободном пространстве, часто на фоне синего неба. Борьбу за свободу сейчас символизируют картинки с демонстрантами и лозунгами на транспарантах.

В качестве особенности чешского языка указывается связь понятия СВОБОДЫ с супружеством: *slobodný* означает неженатого человека, *slobodná* – незамужнюю; так выглядит и официальный термин, фигурирующий в анкетах. О восприятии данного термина как ограничивающего личную свободу свидетельствуют многочисленные шутки, свадебные символы *тюремьы, лошадиного хомута, цепи на ноге*. Констатируется, что свобода является ценностью чешского народа – как национальной, так и личной.

В заключительных строках статьи авторы подчеркивают, что *svoboda* и *volnost* являются частичными синонимами и обозначают понятие свободы лишь в совокупности. В политическом и философском дискурсах употребляется только слово *svoboda*; оно же обозначает свободу как ценность, нередко в терминологических смыслах, часто во множественном числе (*občanské svobody* ‘гражданские свободы’). В разных типах дискурса и в студенческих анкетах подчеркивается, что свобода не есть абсолютная воля, своеволие и анархия, она связана с соблюдением правил, у нее есть границы, заданные свободой другого человека, она связана с ответственностью. Хотя свобода употребляется в целом ряде абстрактных значений, примарным для нее является значение физического пространства. Анкетирование показывает, что современные чехи меньше интересуются общественными делами, политикой и религией, чем предыдущие поколения, что в свою очередь проецируется в нежелание брать на себя ответственность и ангажироваться в дела общества. Сформировался особый чешский либерализм: каждый

должен думать сам о себе, никто не должен ему в этом мешать. Авторы не рассматривают свое исследование как законченное и хотят доподлинно выяснить, что такое для современных чехов настоящая свобода, какими они хотели бы быть и какими являются.

В статье «Свобода как ценность в русской языковой картине мира» В.Г. Кульпиной речь идет о создании «сжатого, стандартизированного портрета представлений о свободе как ценности у говорящих на русском языке <...>, включая исторические судьбы народа, воплотившиеся в его национальном сознании и исторической памяти» (с. 306). В современном русском языке концепт СВОБОДА выражен лексемами – *свобода* и *воля*. Хотя понятие СВОБОДЫ в русском языке четко очерчено словом *свобода*, этнокультурная специфичность этого понятия заключена в слове *воля*, семантика которого обращена к ключевому для русской культуры понятию пространства. Вместе с тем с точки зрения формирования концепта СВОБОДА лексема *воля* не является главенствующей, так как она семантически двучастна: семантика независимости (*расти на воле*) соединена в ней с волонтеративной семантикой как стремления к чему-л. (ср.: *воля к победе*). На основе системных данных рассмотрено происхождение лексем *воля* и *свобода*, круг их значений, синонимы (*независимость, раскрепощенность*), антонимы (*несвобода, неволя, зависимость, закрепощение, крепостничество, кандалы*), гипонимы (*даль/дали, ширь, простор, приволье*) и гиперонимы (*свобода* – гипероним в отношении *воли*), историко-терминологические аспекты их употребления (*Народная воля, казацкая вольница*), аксиологические аспекты, дериваты (*вольность, вольнолюбие, волюшка* и др.) и коллокации (*воля вольная, вольному воля*). Отмечено, что атрибуты *вольный* и *привольный* в употреблении с лексемами *поля* и *степь* выступают средством формирования облика России как страны пространственной свободы (*вольные поля, степь привольная*). Семантика лексемы *свобода* в соответствующих контекстах близка европейским коррелятам: *внутренняя, национальная, политическая, творческая, экономическая свобода*... Ощущение личной свободы связывается с общим оптимистическим настроением. Для выявления специфики употребления лексем *свобода* и *воля* автор обращается к сопоставительным аспектам. Отличие *свободы* от *воли* заключается прежде всего в наличии у первой ограничительной семантики: она ограничена законами природы и общества, в то время как *воля* означает полноту свободы как реализации желаний. При этом в определенных контекстах лексемы могут быть синонимичны. Употребление той или иной лексемы в значительной степени обусловлено сферой употребления. Так, в пословицах и поговорках как части

сельской народной культуры доминируют лексема *воля* и ее дериваты, в то время как лексема *свобода* является скорее частью городской культуры и характерна для афоризмов, лозунгов, идеологем, часто ориентированных на семантику *борьбы за свободу*. Различия рельефно проступают в сочетаемости: с лексемой *свобода* могут употребляться параметрические эпитеты, характеризующие степень полноты свободы: *абсолютная, всемирная, безбрежная*, или же *мимолетная, ограниченная* и т. п. Подобные эпитеты затруднительно применить к лексеме *воля*, поскольку ее значение по умолчанию предполагает *неограниченную свободу*. Оппозиция *свободы – несвободы* обсуждается (со ссылкой на А.Д. Кошелева) с т. зр. существования некоей нормы свободы и отклонений от нее. Аксиология нормы свободы присутствует в пословицах, в которых фиксируется *недобор нормы* и ее *перебор*. Ср., напр.: *Своя волюшка доводит до горькой долюшки*. Констатируется, что представления о норме свободы могут у людей значительно различаться. Делается вывод о возможности оценки свободы в русском языке по количественному параметру (*много, мало, достаточно, недостаточно, в пределах нормы*). Поэтический дискурс добавляет новые параметрические штрихи. Ощущение свободы регулярно связывается с горизонтальным измерением в виде больших расстояний на земной поверхности. Антиподами свободы (рабами) мыслятся существа, живущие внутри нижнего горизонтального яруса в земной толще (*черви*). Вертикальное измерение свободы проявляется в метафорике высоты (полета птиц, самолетов, крыльев). Представлено профилирование концепта СВОБОДА в разных типах дискурса (общественно-политическом, философском, поэтическом, рекламном...). Примечательно, что лексема *свобода* в терминологическом употреблении практически полностью вытеснила лексему *воля*. Так, именно *свобода*, а не *воля* употребляется в словосочетаниях, обозначающих те или иные гражданские свободы (*свобода передвижения, свобода совести*).

Понятие СВОБОДЫ неразрывно связано с борьбой за нее – прежде всего во время войны с Наполеоном в *Отечественной войне 1812 г.* и в *Великой Отечественной войне* Советского союза с нацистской Германией и с ее союзниками (1941–1945). Во время войны с Наполеоном возникло широкое народно-освободительное движение, в том числе партизанское, имена героев которого и мест сражений прочно вошли в русский язык и сознание людей, будучи запечатлены в городской и сельской топонимике и антропонимике (*Бородино, Денис Давыдов, Михаил Илларионович Кутузов*). *Великая Отечественная война* стала неделимой частью представлений россиян о свободе; в русском языке и

культуре она запечатлелась в том числе плакатами и лозунгами, зовущими на борьбу за свободу родины («Родина-мать зовет!»; «Вставай, страна огромная, Вставай на смертный бой!»; «Отстоим Волгу-Матушку»). Автор подчеркивает, что в русском языковом сознании свобода от внешнего врага важнее личной судьбы, обид и притеснений. Приводится пример, что среди добровольцев во время Великой Отечественной войны было немало незаслуженно репрессированных и их родственников (с. 342). Борьба за свободу родины и ее герои, путь к ПОБЕДЕ навсегда остались в кинофильмах, литературных произведениях и в исторической памяти народа. Борцы за свободу назывались скромными словами *фронтовик*, *фронтовичка*, а о погибшем за свободу родины говорили, что *он не вернулся с войны*. Российская свобода имеет и международные аспекты, связанные с борьбой народов за свободу, с их освобождением от фашистского ига и с международной солидарностью с народами, борющимися за свободу. В русский язык вошло название Кубы *Остров Свободы* и лозунги ее борьбы, среди них *Родина или смерть*⁴.

Особое внимание уделено образным и символическим компонентам в семантике свободы. В русском языке она может принимать облик мечты, ассоциироваться со *свечением* и *горением* (может *воссиять*, люди могут *гореть свободой*). На этом фоне отмечается некоторая девальвация световых образов свободы, таких, например, как *свет свободы*, *заря свободы*, что объясняется в том числе заложенным в них слишком высоким для наших дней пафосом и общей десакрализацией явления света в современном мире в связи с его доступностью. Распространенными символами свободы являются ничем не скованные природные стихии: *ветер (свободный как ветер)*, *волны*, *парус*, *река Волга*, («как *Родина свободная, Широка, глубока, сильна!*»), *река Нева*, (*вольная Нева*), *степь*. Рассмотрены зооморфные метафоры свободы в русском языке, в том числе на материале поэтических текстов. К примеру, образ рыбы предстает как амбивалентный и может связываться как с понятием свободы (*волен как рыбка*), так и несвободы (несвободный человек сравнивается с пойманной рыбой).

Приводятся результаты анкетирования студентов. Современное студенчество ценит свободу выбора, возможность самостоятельно принимать решения, свободу действий, свободу самому выстраивать свою

---

⁴ Данный девиз (*¡Patria o muerte! ¡Venceremos!*), ставший символом кубинской революции после того, как прозвучал (7 марта 1960 г.) в речи ее лидера Фиделя Кастро Рус, восходит к лозунгу *¡Patria o muerte!* республиканцев в годы гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. – *Ред.*

жизнь, свободу личности, свободу слова, свободу печати, право на самореализацию и реализацию своих целей. Студенты хотят употребить свободу на что-нибудь полезное, на путешествия (чтобы видеть мир), «просто на жизнь», на пресечение угнетения, принуждения, на развитие личности. Думая о работе, студенты хотят делать то, что обязаны, чтобы это нравилось и чтобы видеть результаты своего труда. В ответах на вопрос, какого цвета свобода, преобладали ассоциации свободы с белым цветом, часто в сочетании с голубым и синим. Автор полагает, что такая ассоциативная картина свободы «говорит о связи данного понятия в русском языке с пространством и его коррелятами – волей, привольем, раздольем, далью, водной и небесной стихией» (с. 348). На основе проведенного анализа формулируется обобщенная когнитивная дефиниция концепта СВОБОДА в русском языке. Обращается внимание на то, что эволюция концепта СВОБОДА «связана с передачей ряда функций от лексемы воля к лексеме свобода и обогащением лексемы свобода новыми смыслами в общественно-политическом, рекламном дискурсе и специальной литературе» (с. 362). В.Г. Кульпина отмечает сопряженность СВОБОДЫ в русской языковой картине мира с понятиями ПРАВДЫ и СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ, а в качестве главной ценности русского языкового сознания указывает *свободную родину*.

Статья «Концепт СВОБОДА по данным белорусского языка» Елены Руденко начинается с введения, в котором охарактеризованы основные исторические вехи развития концепта, его социальные и индивидуальные аспекты. Лексикографические данные рассмотрены в хронологическом порядке, начиная со старобелорусского периода, отмечено, что тогда у лексемы *свобода* было меньше значений, в частности, не существовало понятие государственной независимости. Наряду с социально-политическим измерением свободы существовало индивидуальное (личное), которое понималось как дарованное Христом. Указаны синонимы (*воля, вольнасць, незалежнасць, самостойносць*) и антоним (*няволя*) *свабоды*, частотные словосочетания с этой лексемой, а также дериваты от нее.

Обращаясь к текстам на белорусском языке, автор отметила, что во все времена, начиная с эпохи Великого княжества Литовского, одним из наиболее значимых является социальный аспект концепта СВОБОДА; позже появились крестьянская, революционная, государственная разновидности этого аспекта. Свобода осмысливается в терминах пространства и антропоморфизуется.

В качестве образцов белорусской публицистики были проанализированы материалы трех газет. Сравнение концепта СВОБОДА в издавае-

мой Администрацией Президента Республики Беларусь «Советской Белоруссии» (в основном на русском языке) и в правительственном издании «Звезда» (на белорусском языке) показало, что языковые различия в данном случае не привели к различиям в профилях концепта. В обеих государственных газетах, как и в независимой «Наша ніва» преобладает социальное значение концепта СВОБОДА, что совпадает с данными лексикографии. Профиль *свободы / свабо́ды* в «Советской Белоруссии» и «Звезде» связан с государственной независимостью, с Великой Отечественной войной, в то время как «Наша ніва» больше пишет о недостатках в реализации социальных свобод. В проанализированных корпусных художественных текстах также абсолютное большинство случаев употребления лексемы *свабо́да* относится к социальному контексту. В научных и научно-популярных текстах концепт СВОБОДА выступает в меньшей степени.

Е. Руденко провела опрос среди 120 студентов (70 – гуманитарии, 50 естественников) с помощью анкеты, состоящей из 13 открытых вопросов/пунктов. Таким образом были выявлены синонимы и антонимы лексем, выражающих концепт СВОБОДА, ассоциации с ними, наиболее частые атрибуты и глаголы. К атрибутам свободы информанты подобрали сочетающиеся с ними существительные, продолжив предложение: «*У Фрысляндзі свабо́да, але...*» ‘Во Фрисляндии свобода, но...’», заполнили т. наз. but-тест (пункт анкеты, в котором предлагалось приведенное выше предложение продолжить высказыванием в противовес какому-либо утверждению опрашиваемого), а также перечислили известные им устойчивые выражения с лексемами *свабо́да* и *воля*. В коротких сочинениях опрошенных студентов преобладало понимание свободы как личностной категории, что резко контрастирует не только с данными словарей и текстов, но и с рядами коллокаций, приведенных участниками опроса в других пунктах. Автор предположила, что такой процент восприятия свободы в индивидуальном измерении связан с тем, что родным языком многих студентов является русский. При этом отмечено, что профили русскоязычных белорусов более похожи на профили белорусоязычных белорусов, чем на профили русских из России. Исследование выявило также гендерные различия (например, женщины чаще антропоморфизируют свободу).

На основе проведенного анализа Е. Руденко составила когнитивную дефиницию концепта СВОБОДА, содержащую гиперонимы, гипонимы, антонимы, синонимы, дериваты, устойчивые выражения, паремии. Суммируя итоги, автор отметила, что в результате билингвизма белорусов не сформировались две отдельные языковые картины мира. Выде-

лены два профиля: письменный (традиционный), в котором свобода трактуется в социальном значении, и устный (современный), для которого характерно преимущественно индивидуальное понимание свободы.

В статье «Концепт СВОБОДА в украинской лингвокультуре» Юлия Письменна рассмотрела многомерность семантики концепта в украинской языковой картине мира. Этимологический анализ лексем *воля* и *свобода* показал, что исторически их значения были достаточно отдалены друг от друга: *воля* была связана с психоэмоциональной сферой (желание, хотение, выбор), а *свобода* – с местом человека в социальной структуре, дихотомией *свой – чужой*. Исследуя лексикографические данные (в том числе исторические), автор выделила три семантических зоны лексемы *воля*: *желание, сила* и *свобода*. Выявлена частичная синонимия с лексемой *свобода*. Сравнение частотности употребления этих лексем в корпусе художественных произведений и в корпусе публицистических текстов показало, что *воля* чаще присутствуют в первых, а *свобода* во вторых, из чего автор заключила, что понятие *свобода* принадлежит в первую очередь общественно-политическим и правовым дискурсам, а *воля* соотносится с психоэмоциональной сферой жизни. Привлеченные синонимические ряды в целом совпали с обозначенными выше семантическими зонами, но для зоны *свобода* приведено два ряда: со значениями ‘отсутствие у кого-то ограничений в чем-либо’ и ‘отсутствие политического и экономического угнетения’ (с. 402). Среди антонимов лексемы *воля* зафиксировано два противопоставления: *воля – безвілля* ‘безволие’ и *воля – неволя* ‘несвобода, неволя’ (с. 402). Присутствует также противопоставление: *чужая воля – своя воля*, второй элемент которого в своей крайней степени называется *свавілля* ‘своеволие’ и имеет негативную коннотацию. Прослежена эволюция оппозиции *добра воля – зла воля* (распространение значения *доброї волі* как готовности к бескорыстному служению). Распространенность разных значений *воли* как чужой власти со временем уступило *воле* как способности к целенаправленной деятельности. Рассмотрены деривационные ряды, образованные от лексемы *воля* и ее антонимов (*неволя, безволля*). Отдельно приведены сложносоставные лексемы (в том числе композит *божевільний* ‘сумасшедший’). Оценивая наличие ласкательных дериватов, в частности от слов с негативной коннотацией (*неволенька*), автор сослалась на исследователей, усматривавших в этом лиризм и сентиментальность носителей украинского языка. Фразеологизмы с лексемой *воля* разделены на три группы по семантике этой лексемы: *желание; власть, сила; свобода, приволье*. Для

последней группы отмечена синонимия с фразеологическими единицами, включающими лексему *свобода*. Анализ паремийных текстов показал, что *воля/свобода* понимаются как естественное состояние человека, наивысшая ценность, которая стоит больше жизни (с. 413). Материальные блага также ценятся ниже свободы, даже если она сопряжена с бедностью и тяжелым трудом. Однако в паремиях представлено и скептическое отношение к возможности свободы для неимущего человека. Отражено значение *волі* как силы и власти (Божья, царская воля) (с. 416). *Воля* в негативном значении (отсутствие самоконтроля) угрожает привести к неволе/несвободе. Проанализировано употребление лексемы *воля* в публицистических текстах по Корпусу текстов украинского языка. Опираясь на выявленные случаи, автор отметила, что с демократизацией общественно-политической жизни *воля* в значении 'власть' приобрела негативные коннотации. В этом же ряду стоит искажение воли народа избранными им представителями. От власти ждут *политической воли* – решимости добросовестно исполнять свои обязанности; при отсутствии таковой может проявиться *народная воля*. Последняя, таким образом, угрожает *воле властных субъектов*, что в публицистике отражено в концепции *борьба за волю / свободу*. В публицистике присутствуют отсылки к исторической основе этого архетипа – казацкому периоду украинской истории. Концепты ВОЛЯ и ПРАВДА участвуют в формировании образа идеального украинского государства.

Анкетные данные, проанализированные в статье, – это ответы 103 студентов Киевского национального университета им. Т.Г. Шевченко на вопрос: «Що таке воля для Вас? 'Что такое свобода / воля для Вас?'» Наиболее частотными были следующие дефиниции и идеи: *свобода*, *вибір* 'выбор', *незалежність* 'независимость', *втілення власних бажань* и *прагнень* 'воплощение собственных желаний и стремлений', *необмеженість* 'неограниченность'. Менее частотной была концептуализация *волі* как внутренней силы.

При составлении когнитивной дефиниции концепта Ю. Письменна воспользовалась структурой, предложенной Е. Бартминьским для описания образа матери. Выделены следующие группы признаков: родовые, биологические/физические, психологические, социальные, этические. Автор выделила профили концепта ВОЛЯ: традиционный (народный), религиозный, прагматический (с точки зрения свободного человека) и прагматический (с точки зрения гражданина). Таким образом, в статье описаны основные семантические зоны концепта СВОБОДА/ВОЛЯ, показаны тенденции их развития в украинской лингвокультуре.

В статье «Концепт СВОБОДА в болгарском языке» Калины Мичевой-Пейчевой (Micheva-Peycheva, Болгария) свобода рассматривается в первую очередь как возможность и как отсутствие ограничений. В болгарской народной культуре концепт СВОБОДА рельефно выражен в пословицах и поговорках, фразеологизмах, ассоциативных связях, переосмысляемых в новом историческом контексте. Развитие концепта анализируется через призму истории болгарской печати, начиная с периода освобождения от пятивекового османского владычества (1878 – год освобождения Болгарии). Освещаются следующие временные отрезки: 1873–1874, 1903–1904, 1990–1991, 2012–2014 гг., показательные, по мнению автора, с точки зрения концептуализации свободы.

Основой анализа стал в том числе «Старобългарски речник». Рассмотрены дериваты, образовавшиеся на семантической основе сочетания *свободен човек* ‘свободный человек’: *свободник* и *свободняк*. Свобода концептуализируется как отсутствия рабства, но и как отсутствие ограничений. В исторических словарях понятие СВОБОДЫ обращено к христианско-богословской традиции. В «Словаре книжного болгарского языка на народной основе», составленного по тексту XVII века «Тихонравова дамаскина», свобода рассматривается в плоскости христианского вероучения и связывается с отсутствием плохого (клеветы, лжи и нападок). В словарях современного болгарского языка понятие СВОБОДЫ прежде всего основывается на философском подходе к свободе как возможности проявить свою волю; на втором месте – связь понятия свободы с независимостью государства и народа. Немаловажной частью понятия является возможность делать что-то без ограничений и помех. Словарные статьи содержат и более узкое значение – легкости, непринужденности в общении. Фразеологизмы о свободе со смысловыми компонентами рабства и несвободы метафоричны и экспрессивны и составляют неделимую часть каждогодневного разговорного дискурса. В них в том числе представлены конкретные действия, напр.: *Вдигам пушка* = ‘Поднимать ружье’, что означает ‘быть готовым к битве, начинать бой, восстание’. Борьба против террора и тирании в значениях ‘восставать’ выражаются фразеологизмом *Вдигам глава* = ‘Поднимать голову’. Представлены также фразеологизмы с семантикой освобождения от долгов, забот и т. п. В этом смысле употребляется фразеологизм *Свали се воденичен камък от гърба* = ‘Со спины свалились мельничные жернова’, *Свали се планина от гърба ми* = ‘У меня гора с плеч свалилась’. *Воденичен камък* ‘мельничные жернова’ и *планина* ‘гора’ – частотные образы освобождения от оков. В части фразеологизмов свобода пред-

стает как *свободия*, то есть своеволие, излишняя, «нехорошая» свобода, способная превратить человека в неконтролируемого, опасного, не вписывающегося в социум. НЕСВОБОДА во фразеологизмах разработана более широко, чем СВОБОДА, такая несимметричность относится автором на счет народной психологии, акцентирующей отрицательный модус («кругательств больше, чем благословений»). В метафорических образах часто описывается ситуация, когда человек подпадает под чью-то власть: *скланям склоня глава* ‘склонять склонить голову’; *пъшкам под хомота* ‘попасть под хомут’. К. Мичева-Пейчева указывает, что в современном обществе свобода в большой мере понимается как отсутствие ограничений (делать что хочется), свобода выбора; при этом запреты, попытки контроля рассматриваются как несвобода, что переносится во фразеологизмах и на семейные узы: обыгрывается подчинение жены воле мужа и, напротив, ситуация мужа под властью жены (*държа под чехол* ‘держат под чехлом’). НЕСВОБОДА также рассматривается автором как концепт, так как эта лексема является базовой для болгарской фразеологии в плане межличностных отношений. Связь между свободой и несвободой биполярна: на одном полюсе порыв к свободе, борьба с гнетом, на другом – пораженческая позиция смиренного человека, попавшего под чужую власть. Семантика борьбы богато представлена в народном и литературном творчестве как часть миропонимания современного болгарина. Борьба в болгарском фольклоре тесно связана с героизмом, геройством, свободой, с политическим освобождением. Героем болгарского фольклора является *Крал Марко* ‘Король Марко’. В героических песнях свобода видится как идеал. *Свобода или смърт* – эта магическая формула предстает как единственный выбор для борца за нее. В фольклоре повторяется и образ псевдогероя, который сам себе приписывает подвиги: *По дрехите юначеството не се познава* = ‘Героя не узнают по одежде’. Свобода в малых перемийных жанрах часто имеет дидактическую направленность и предстает как высшая ценность. Ср.: *Свободата е най-висше благо* = ‘Свобода наивысшее благо’. Рабство и ограниченность являются антиподами свободы: *От люлката до гроба няма бял ден за роба* = ‘От колыбели до гроба нет белого дня для раба’. Наряду с образом свободы как высшей цели параллельно функционирует устойчивый образ смирения как способа уцелеть. Сохранение жизни противопоставляется героической смерти, что иллюстрируется поговоркой *Смирена главичка сабя не я сече* = ‘Смиренную головушку меч не сечет’. Свобода мыслится как самое ценное именно в связи с ее отсутствием в течение длительного исторического периода; при этом свобода не данность, за нее надо бороться.

Крупный раздел статьи посвящен проблематике свободы на страницах периодической печати. Основная значимость концепта СВОБОДА связана с национальной свободой и независимостью. История печати анализируется с точки зрения установления семантического ядра концепта еще с периода, предшествовавшего обретению независимости. В период до освобождения распространялись мнения, что Болгария не в состоянии сама освободиться, что ей нужна внешняя помощь в лице сильного государства. Борьба за политическую независимость связывалась с борьбой за независимость болгарской церкви. Независимость Болгарии была официально признана лишь в 1908 г. Состоянию свободы сопутствовало состояние зависимости, так как вне объединенной Болгарии осталось много населенных болгарскими территориями. Газета «Кво» своей основной темой сделала борьбу за присоединение Македонии. На страницах издания «Българан» болгарам нередко вменялась рабская психология, которая осуждалась. Вторая по значимости тема – свобода слова. В историческом экскурсе о болгарской печати у К. Мичевой-Пейчевой наблюдается резкий временной перескок, переход от 1904 г. сразу к 1989 г. Ср.: «В конце 1989 г. происходят существенные перемены в управлении Болгарией, социалистический режим заменяется демократией. Печать приобретает новый смысл, свобода слова превращается в один из значимых символов демократичности» (с. 453). В качестве признака свободы указываются свободные демократические выборы; в медиа-дискурсе дебатировался вопрос, насколько выборы свободны и насколько предопределен их результат. Среди центральных тем в 1990-е гг. выступает экономическая зависимость Болгарии от чужого свободного рынка, распродажа эфира, попытки ограничить свободу слова. Преодоление госмонополии в новых экономических условиях приводит к освобождению цен, а лексема *свободен* реализует свой семантический потенциал отсутствия ограничений (границ и норм). Освобождение цен рассматривается на фоне таких отрицательных явлений, как произвол, отсутствие регулирующих механизмов и спекуляция. Частотной становится коллокация *освобожден от длъжност* ‘освобожден от должности’ в значении ‘уволен после принятия на работу нового сотрудника’. Возможности свободного передвижения по миру лимитируются отсутствием финансовых возможностей. Во внешнеполитическом пространстве на повестке дня в прессе находятся проблемы прав человека и национальной свободы. Свобода осмысливается как высшая ценность, как антипод диктатуры. В прессе в период 1990-х антоним свободы в виде тюремного заключения осмысливается как справедливое наказание за совершенные преступления. Для современного обще-

ственного дискурса важен такой признак свободы, как отсутствие долгов, ограничений, забот. Главные анализируемые за этот период издания – газеты «Труд» и «24 часа». К. Мичева-Пейчева подчеркивает, что в историческом плане борьба за освобождение Болгарии от османского ига является «одним из бесспорных и чистых воспоминаний», прославляемых поколениями, примером гордости, смелости, проявлением болгарского свободного духа. В коллективной памяти болгар слово *робство* обычно вызывает ассоциации с пятивековым османским игом как антиподом свободы и свободной Болгарии» (с. 458–459). В начале XX в. свобода осмысливается в новой реальности, но с грузом прошлого. В 90-е гг. концепт реализуется через словосочетания *освобождаване на цените* ‘освобождение цен’, *свободно емигриране* ‘свободная эмиграция’, *за българи вход забранен* ‘болгарам вход запрещен’ и др. В последние годы активизировалась лексика, связанная с судебной системой. Анализ понятия свободы на основе анкет дается в достаточно детальном делении; это понятие пробуждает множество ассоциаций у людей разного возраста, профессий, мужчин и женщин. Анализ эксерпций показывает сложную структуру концепта СВОБОДА в болгарском языке. Его понимание разнится в зависимости от исторического и социального контекста. Исконно болгарское понимание свободы сливается с его универсальным толкованием. Автор заключает, что свобода является ключевым понятием, вечным предметом устремлений, и ее никогда не бывает достаточно. Анализ концепта СВОБОДА в болгарской печати демонстрирует наличие у болгар вечных ценностей.

В статье «Понятие СВОБОДЫ в сербском языке и сербской культуре» Райны Драгичевич подчеркивается цель исследования как выработка такой когнитивной дефиниции понятия СВОБОДЫ, которая отразила бы его понимание и восприятие носителями сербского языка. Автор следует методологии Ежи Бартминьского. К исследованию привлечен ряд лексикографических источников: базовый этимологический словарь, толковые словари, синонимический словарь. Выделяются аспекты: свобода как право и свобода, которой добиваются (связанная с личной независимостью); свобода отдельного человека и свобода общества; при этом без свободы общества не бывает свободного человека. Свобода отдельного человека означает возможность поступать по своему желанию, право человека – делать все, что не нарушает прав других людей и не запрещено законом. Свобода общества находит свое проявление в свободе от иностранных завоевателей и от тирании внутреннего врага. Акцентируются юридические аспекты (политическая свобода и общественные свободы) и бытовые – непринужденность и раскован-

ность в отношениях. Свобода рассматривается как необходимость и как нарушение границ. Нарушение границ свободы может быть приемлемым (смелость и открытость) и неприемлемым (выход за некие границы поведения – необузданность, своеволие и дерзость). Автор создает «прототипический сценарий свободы» на основе анализа словообразовательного гнезда. Приводя дериваты *свободы*, Р. Драгичевич обращает внимание на то, что образование столь большого количества новых слов от лексемы *слобода* – *слободан*, *слободар*, *слободарски*, *слободарство*, *слободија*, *слободилац*, *слободица* и др. неслучайно, и говорит о ее важности. Производные слова своей семантикой связаны с освобождением страны от врага. Человек, на страну которого напали, – это человек свободолюбивый, борец за свободу: *слободолубац*, *слободар*. Свободолюбивый человек, либерал – это *слободник*, *слободнаш*. Свободолюбие является большой ценностью сербского народа и его культуры. Сербскому народу часто приходилось воевать, отсюда столько лексем, связанных с понятием свободы и прежде всего с освобождением Сербии от врага. Важнейшие дериваты от существительного *слобода* – это лексемы-полисеманты *слободан* ‘свободен’ и *слободно* ‘свободно’. Приводится их самая частотная сочетаемость. У лексемы *слобода* выделяется значение ‘*свободная территория, незанятое пространство*’ (свободная комната, свободное место в автобусе). Лексема *слободан* означает свободного человека в свободной, не охваченной войной стране. Значения наречия *слободно* связаны в большой мере со свободой отдельно взятого человека, который ведет себя согласно своим желаниям. *Слобода* прежде всего понимается как состояние освобождения, независимости общества от власти чужеземцев или какого-либо диктатора, как состояние мира, Свобода воспринимается также как право отдельной личности ощущать себя свободным и свободно себя вести. Маргинальным значением является значение ‘*быть вне тюремного заключения*’. Думая о свободе, сербы прежде всего имеют в виду освобождение Сербии от внешнего врага или внутреннего диктатора. Представление же о личной свободе пребывает на втором плане. Автор использует эмпирические данные анкетирования, собранные Смилькой Васич, которая указывает, что сербские дети, говоря о свободе, имеют в виду физическую свободу. Подростки обращают внимание на свободу как незанятость, как сиюминутную свободу. Студенты в основном рассматривают понятие свободы как личную свободу: свободу мысли и ее словесного выражения, свободу передвижения, свободу жизни как таковой, право или способность делать то, что человек хочет, не опасаясь наказания, жизнь без ограничений, независимость от мнения других людей. Р. Драгичевич выделяет

прототипический взгляд на сущность свободы: *жить без ограничений, не боясь общественного осуждения и наказания*. Свобода рассматривается анкетлируемыми также в гедонистическом плане: *отождествляются понятия быть свободным и быть счастливым: чувствовать полноту жизни, желать того, что делает тебя счастливым, наслаждаться*. По мнению студентов, самое большое препятствие для достижения личной свободы – это социальное осуждение. Общество рассматривается ими как «консервативное, авторитарное, негибкое, склонное к предвзятости» (с. 484). Им нужна жизнь *без лживых норм, стереотипов, без навязывания нормы*. Свобода предстает также как право на отличие. Общество видится студентам обремененным шаблонным мировоззрением, которое мешает людям быть честными, быть самими собой, проявляя свою истинную сущность, мешает чувствовать себя безопасно и комфортно. Р. Драгичевич выделяет в стремлении к свободе и анархические элементы. Тем не менее, у зрелых представителей молодежи границы поведения прочерчиваются: *жить без ущерба для других людей, уважать других, жить в соответствии с моральным и культурным поведением*. Молодые люди выделяют следующие формы свободы: свободу вероисповедания, профессии, выбора партнера; свободу воли, поведения, свободу выбора, свободу семьи, свободу любить, общаться с другими людьми. Суть социальной свободы студенты видят в личной свободе, в то же время многие понимают свободу как свободу общества и всей страны, равенство, мир во всем мире, нетоталитаризм, свободную страну, ненасилие, безопасность, иметь права, гарантированные законом, иметь возможность не бояться будущего. Автор делает вывод об относительности понятия СВОБОДЫ, каждый здесь подразумевает что-то свое, часто нет осознания того, что за свободу надо бороться. На основании опроса делается вывод: «свобода относится к понятиям с высокой степенью положительной аффективной интенсивности наравне с любовью, счастьем, радостью и красотой» (с. 487). На первом плане – свобода как независимость от врага, положение без войны. Состояние свободы вызывает ассоциации с полетом, небом и воздухом. По данным опроса Р. Драгичевич делает вывод, что студенты рассматривают свободу как позитивную ценность и прежде всего как личную свободу. Анализ идеологического, политического и церковного дискурсов показывает, что «свобода в духовной целостности человека, которую он должен развивать сам» (с. 492). Вопрос свободы является очень непростым. Свобода не сводится к выбору между двумя разными возможностями, она не есть какое-то решение относительно чего-то, а «постоянная готовность к единству в истине» и любви» (с. 493). Из анкет:

«наша свобода не исчерпывается правами человека и его обязанностями, ее невозможно ограничить выбором кого-либо или чего-либо, она не вписывается в узкие рамки принадлежности» (с. 493). В политическом дискурсе фактически свобода является синонимом права, здесь нет четкой семантической дифференциации: прав и свобод человека, гражданских прав и свобод. Здесь выделяется целый ряд свобод: свобода передвижения, свобода выражения, свобода СМИ, а также *свободное перемещение людей и товаров, свободное перемещение и циркуляция людей и идей*. Р. Драгичевич обращает внимание на то, что *люди перемещаются с товарами и циркулируют вместе с идеями*, и такое соединение несоединимого демонстрирует жесткость мира, в котором мы живем. В выступлениях политиков свобода является ключевым компонентом. Нередка сочетаемость *подавление свободы* (свобод, свободы слова, демократии...).

Подытоживая анализ, Р. Драгичевич подчеркивает многоплановость понятия СВОБОДЫ. Ядром является личная свобода как свобода внутри человека и свобода в отношении других людей. Опросы показали, что человек всегда стремится выйти на более высокий уровень свободы. Есть «свобода от» (от авторитетов) и «свобода для». Ссылаясь на православное вероучение, Р. Драгичевич подчеркивает, что свободу человек выстраивает сам, развивая свой духовный мир. Личной свободой является духовная целостность человека. Дальнейшие исследования помогли бы определить, что важнее – личная свобода или свобода народа. Эти два вида свободы взаимосвязаны. Свободу можно получить благодаря заботе о других людях, уважению к ним, единению с ними. Политический дискурс показывает понимание свободы как комплекса прав, отсюда слово *свобода* употребляется здесь во множественном числе. Свобода государства находится на периферии понятия свободы. Этот вид свободы тесно связан с социальной свободой, так как без мира в стране нет свободного общества. Во время войны и сразу после нее мир понимается как основная форма свободы в стране. Но при длительном состоянии мира об этой свободе забывают, она подразумевается сама по себе, для человека все важнее становится личная свобода. СВОБОДА является сложным многослойным понятием, слои могут меняться местами в зависимости от условий жизни государства и общества.

В статье «Современный хорватский облик свободы» Амира Капетановича и Ирены Милош подчеркивается, что лексема *sloboda* ‘свобода’ является единственным выразителем понятия свободы в хорватском языке (по сравнению с другими славянскими языками) Выделяются основные значения лексем: 1. состояние, в котором человек

ответственным образом, без принуждения принимает решения и действует, 2. характеристика ситуации, когда человек физически передвигается, без помех и без помощи другого человека. Точных синонимов у лексемы *sloboda* в хорватском языке не имеется, но в некоторых контекстах можно усмотреть близкие по значению слова. А. Капетанович и И. Милош упоминают о том, что хорваты в свое время вместе с другими народами пребывали в составе Габсбургской монархии. Нынешнее хорватское этническое пространство в истории занималось разными другими народами (Венецией, Турцией). Отсюда *sloboda* ‘свобода’ является столь важным понятием для современной хорватской нации. Поэт И. Гундулич написал гимн свободе, в котором есть строки: «О, прекрасная, о, дорогая, о, сладкая свобода, дар от Бога...» (с. 502). Это стихотворение всегда звучит во время открытия очередных летних игр (фестиваля) в Дубровнике, который проводится с 1950 г. Современная территория Хорватии была сформирована в рамках социалистической Югославии после второй мировой войны. Девизом антифашистской борьбы было «Смерть фашистам, свободу народу!». Концепт SLOBODA в современном хорватском языке дан в этнолингвистической перспективе на основе положений Люблинской этнолингвистической школы. В этом ключе анализируются лексикографические дефиниции, текстовые данные и результаты анкетирования от 2014 г. При этом одна лексема *sloboda* покрывает те понятия, которые выражаются в других славянских языках двумя лексемами – *swoboda* / *wolność* и *свобода* / *воля*. Главные значения: 1. состояние, в котором человек ответственно, без принуждения принимает какие-то решения и без принуждения работает или действует, 2. состояние, в котором человек передвигается в физическом пространстве, не мешая другим или другому. Антонимом является *тюрьма* / *заточение*, а в метафорических ракурсах – *рабство* / *неволя*. В политическом плане лексема *sloboda* мотивирована исторической борьбой за самостоятельность. В рамках общеевропейских достижений говорится об *экономической свободе*, *свободе торговли*. Хотя лексема *sloboda* не имеет прямых синонимов, в каких-то контекстах она может употребляться параллельно с лексемой *neovisnost* ‘независимость’ и др. Антонимами являются *zatvor* / *zatočeništvo* ‘тюрьма / заточение’, *ropstvo* / *sužanjstvo* ‘рабство / неволя’. Указываются дериваты, мотивированные лексемой *sloboda*: *slobodan* ‘свободный’, *slobodar* ‘борец за свободу’, *slobodnjak* ‘либерал, свободомыслящий человек, наречие *slobodno* ‘свободно’, *svobodoljubiv* ‘свободолюбивый’, *svobodoljubivost* ‘свободолюбие’ и др. Лексемой *sloboda* мотивирована лексема *sloboština* (в чакавском и кайкавском диалектах – *sloboščina* и

sloboščina), которая относится к привилегиям и правам свободного гражданина. Свобода занимает большое место в жизни людей в Хорватии, о чем говорят пословицы: *Bez kruha ne ma jića, bez slobode ne ma žića* = ‘Без хлеба нет еды, без свободы нет жизни’; *Sloboda je najveće blago* = ‘Свобода величайшее благо’; *Čovjek bez slobode kao riba bez vode* = ‘Человек без свободы как рыба без воды’. Свободе на хорватском языке посвящено много текстов, написанных за последние 150 лет. В них говорится, что человеку нужна свобода действий и принятия решений, а отсутствие такой свободы или ее ограничение может восприниматься индивидуумом как тюрьма. В то же время жизнь без ограничений и обязанностей расценивается как распущенность, тем не менее такой стиль жизни также может вызывать ассоциации со свободой. Тексты демонстрируют связь свободы с правами и обязанностями и то, что за свободу надо бороться; как прямой путь к свободе расцениваются знания и ученость.

Таким образом, вопрос свободы является ключевым для хорватского народа и его истории. В хорватском общелитературном языке лексема *sloboda* является многозначной. Она не имеет равноценного синонима, однако в определенных контекстах синонимы могут высвечиваться. Антонимом к этой лексеме является *nesloboda* ‘несвобода’, вызывающая ассоциации с принуждением, тюремным заключением, рабством. В словарях отмечаются значения ‘действовать без принуждения, иметь свободу передвижения без помех’. Во фразеологизмах и пословицах проявляется важность как физической, так и психической свободы, свобода действий и самовыражения (личная и коллективная). С понятием СВОБОДЫ связана борьба за нее. Анкетирование, проводившееся специально для нужд данного исследования в студенческой среде в 2014 году, продемонстрировало важность понятия свободы как независимости, как возможности самостоятельно принимать решения, выражать свои мысли без страха и последствий, действовать свободно и в то же время ответственно, иметь право голоса, возможность свободного выбора, свободу передвижения. Студенты хотят иметь право на жизнь без ограничений и принуждения. Некоторые полагают, что свобода должна иметь ограничения; при этом настоящей свободы нет там, где ее нарушают; у всех должны быть одинаковые гражданские права. Для студентов важно, чтобы их принимали такими, какие они есть. Некоторые связывают свободу с приятным состоянием, активностью и ментальной ненагруженностью. Некоторые считают свободу абстрактной идеей. Для некоторых важна свобода вероисповедания. Подчеркивается важность родительских прав как возможность влиять на то, чему детей учат

в школе. Для некоторых свобода означает свободу делать добро. Исследование позволило сделать выводы об общественных, социопсихологических, психологических, этических, идеологических, политических и аксиологических аспектах концепта СВОБОДА в хорватском языке.

В статье «Лингвистический образ *FREIHEIT* в современном немецком языке» Йолянты Яношчик (Польша) в связи с анализом концепта *FREIHEIT* ставятся вопросы: каким является восприятие немцами свободы как ценности и какие ещё ценности у жителей Германии ассоциируются со свободой. Обсуждая текущее состояние исследований, автор обращается к концепциям свободы в трудах Иммануила Канта, Мартина Хайдеггера, Эрнста-Вольфганга Бёкенфёрде. Культурные исследования, посвящённые концепции *FREIHEIT*, показывают, что Германия чаще склоняется к таким ценностям, как равенство, справедливость, безопасность. Понятие СВОБОДЫ, тем не менее, остается чрезвычайно важным для политического дискурса и постоянно упоминается в программах партий и речах политиков. Анализируя дефиниции слова *Freiheit*, автор отмечает, что значение слова менялось на протяжении истории немецкого языка, при этом в разных контекстах оно могло иметь политический, религиозный и этический смыслы. Й. Яношчик приводит примеры дефиниций свободы у разных исследователей на основании разных подходов, подчеркивая сложность создания таких определений. Автор предпринимает попытку реконструкции базового понятия *FREIHEIT*. На основании словарей и данных исторического языкознания ею прослеживается развитие понятия *FREIHEIT*, начиная с праиндоевропейского языка. Изменение содержания этого понятия связано в первую очередь с социальным контекстом человеческой деятельности. Анализ возможных гиперонимов для *Freiheit* также не даёт однозначного представления, в словарях приводятся в качестве гиперонима понятия права, возможности, политического достижения и др. Похожая ситуация с синонимами, антонимами, гипонимами, так как словарная информация нередко связана с индивидуальными особенностями автора и используемыми примерами.

По результатам анкетирования студенческой молодёжи в 2012 г. на вопрос «Что для вас настоящая свобода?» опрашиваемые давали разные ответы, но ядром ответов было: делать то, что хочешь / иметь возможность делать, что хочешь / формировать свою жизнь. Из ответов выделяется идея, что важнейшей особенностью свободы является способность субъекта решать за себя. Автор делает вывод, что данные анкетирования рисуют одностороннюю картину, при этом свобода рассматривается как очевидно положительная ценность и сопровождается соот-

ветствующими коннотациями психологического плана: удовлетворение, счастье, восторг и т. п. Среди текстовых данных рассматривается употребление лексемы *Freiheit* в пословицах и в общем корпусе текстов. В пословицах эта лексема часто выступает в негативном значении, например, она позволяет человеку быть злым. На основании анализа 150 фрагментов различных текстов автор делает вывод, что в них доминирует личностная сторона понятия СВОБОДА. В проанализированном корпусе свобода обычно имеет положительные коннотации. По сравнению с данными опросов корпусных данных более подробно раскрыты такие черты свободы, как плюрализм, рынок, нация, человеческое достоинство.

В когнитивной дефиниции концепта FREIHEIT 'СВОБОДА', согласно немецким словарным данным, представлена как внутренняя свобода, так и внешняя, как социальная, так и индивидуальная, негативная и позитивная. Слово *Freiheit* имеет много значений, противопоставляется неволе и заключению, может быть проявлением свободного состояния, например, от уз брака. Автор анализирует синонимический и антонимический ряды *Freiheit*. Гарантией свободы в Германии считается ее конституция, а будущим, по мнению Ангелы Меркель, европейский дух. На основании проанализированного материала автор делает вывод, что свобода обуславливает культурную и социальную жизнь и ее упрощает. При этом свобода может ограничиваться аппаратом власти и другими формами социального принуждения или же личными моральными устоями. Осуществляется профилирование понятия FREIHEIT в публичном дискурсе разных типов: либерально-демократическом, церковном, правоконсервативном, левом, ультралевом, феминистическом. Автор, тем не менее, отмечает ограничения материала и, соответственно, ограниченность выводного знания, не отражающего публичного дискурса во всей широте. В заключительной части автор перечисляет семантические функции, которые может нести в себе понятие FREIHEIT, отмечая, что это один из самых важных и сложных концептов современного немецкого языка.

В статье «Французская *LIBERTÉ*» Мачея Абрамовича (Польша) в ее вводной части подчеркивается ключевое значение понятия *LIBERTÉ* во французском публичном дискурсе. Именно вокруг этого концепта был построен важнейший документ французской революции 1789 г. – «Всеобщая декларация прав человека и гражданина», принципы которой в значительной степени легли в основу демократических конституций по всему миру (с. 574). Понятие *LIBERTÉ* возглавляет триаду *Liberté, Égalité, Fraternité* («Свобода, Равенство, Братство») – девиз современной Фран-

цузской Республики, а также является словом-ключом французского гимна – *Марсельезы* (с. 576).

Характеризуя состояние исследований, М. Абрамович отмечает, что на тему свободы высказывались многие французские интеллектуалы, политики, журналисты и проч., но при этом в настоящее время отсутствует целостный анализ данного понятия с языковедческой точки зрения. Кроме того, автор обращает внимание на специфику экземплификации системных данных во французских словарях и языковых корпусах. В качестве иллюстративного материала к словарным статьям обычно приводятся отрывки из произведений писателей, интеллектуалов, политиков, юристов, т. е. произведений, написанных с точки зрения языковой нормы (а не узуса). Такой подход, по мнению М. Абрамовича, «в меньшей степени является отражением действительного состояния семантики отдельных слов» (с. 577). Среди системных данных исследователь рассматривает этимологию, синонимы и антонимы, различные коллокации понятия LIBERTÉ. М. Абрамович указывает, что семантическая эволюция данного существительного во французском языке заключалась «в постепенном обогащении и расширении его значений и сферы употребления». Так, в 1324 г. понятие LIBERTÉ впервые появляется в значении, сходном с его латинским этимологом *libertas*, – ‘состояние, положение человека, не находящегося в зависимости от какого-либо господина’. В XVI в. фиксируется новый смысл – ‘тот, кто не находится в заключении’. Наконец, в XVIII в. это понятие было отнесено к общественно-политической сфере жизни и приобрело значение ‘возможность народа свободно действовать’ (с. 577–578). Кроме того, автор подчеркивает обширность словообразовательного гнезда слова *liberté*. Так, на базе этой лексемы образовалось значительное число существительных, например: *libéralité* (‘щедрость’), *libéralisme* (либерализм как философская и экономическая доктрина). Также заслуживает внимания, с точки зрения исследователя «факт существования целого ряда слов с более-менее пейоративной окраской»: *libertaire* (‘не признающий никаких ограничений’, ‘анархический’), *liberticide* (‘убивающий свободу’), *libertinage* (‘распущенность’) (с. 578). Особое внимание автор обращает на то, что наиболее широким и часто встречаемым значением понятия *liberté* является ‘право делать что-либо’, которое закодировано в предложных сочетаниях (*wyrażenia przyimkowe*) типа «*liberté de* + существительное или глагол в форме инфинитива». М. Абрамович считает словосочетания этого типа примером позитивной свободы (свободы, понимаемой как личное право человека – свобода совести, слова и т. д.), о которой упоминала А. Вержбицкая в своей работе об английском понятии

FREEDOM (с. 582). Исследователь подчеркивает, что в современном французском языке выражения с негативным пониманием свободы («свобода от») встречаются намного реже, чем с позитивным. При этом центральным элементом выражений с негативным пониманием свободы является не существительное *liberté*, а производное от него прилагательное *libre* ‘свободный’, например, *libre d’entraves* ‘свободный от препятствий’, *libre de préoccupations* ‘свободный от забот’ (с. 583). На основе анализа текстового материала М. Абрамович отмечает, что повсеместность использования слова *liberté* «в любых, в практическом смысле, контекстах приводит к тому, что трудно указать различные, с точки зрения дискурсов, профили, в которых появляется данное понятие» (с. 584). В этой связи автор обзорно рассмотрел использование этой лексемы в прессе, подчеркнув лишь, что для левых изданий больший приоритет представляют политические свободы, а для правых – экономические (с. 584). Исследователь сосредоточил внимание на текстах интеллектуалов, философов, писателей, которые используются во французских словарях для экземплификации словарных статей. М. Абрамович подчеркивает, что «почти повсеместно» отмечается аксиологическая дифференцированность понятия LIBERTÉ. Многие авторы призывают бороться за свободу и охранять ее, но скептики утверждают, что это слово можно использовать в качестве орудия манипуляций. В то же время, господствует согласие в том, что свободу «нужно рассматривать в контексте других ценностей и устанавливать сеть отношений, в которых она с ними находится» (с. 586). В разделе «Субъекты *liberté*» М. Абрамович зафиксировал своего рода иерархию субъектов свободы во французской языковой картине мира. Первое место занимает личность, второе – различные типы социальных общностей (*zbiorowości*), свобода которых реализуется в сфере общественно-политической жизни (группы людей, общественные классы, нации и др.). Подчеркивается, что свобода нации (*liberté de la nation*) во французском языке понимается специфически, как «состояние, при котором государство уважает гражданские и политические права, при котором нация сохраняет свою субъектность, в особенности, если речь идет о выборах». Примечательно, что это сочетание в значении ‘независимость по отношению к другому государству’ употребляется крайне редко и в специфических контекстах, например, когда имеются в виду ситуации в других странах и с другими народами, а также эпизоды из истории Франции (в частности, период второй мировой войны, когда Франция «утратила, хотя и не

полностью, политический суверенитет»⁵) (с. 589). В разделе «Аксиологическое измерение понятия *liberté*» автор рассматривает различные аксиологические аспекты употребления понятия LIBERTÉ, которое считается «наивысшей ценностью» во французской языковой картине мира (с. 589). Особенно примечательным является замечание исследователя о том, что данное понятие имеет своеобразное отличие в лексической системе французского языка – отсутствие т. н. «квази-синонимичного дублета». Автор имеет в виду, что существуют парные лексемы с одинаковым значением, отличающиеся друг от друга степенью возвышенности. Например, слова *espoir* и *espérance* обозначают надежду, однако первое из них употребляется в тривиальных ситуациях (*Je l'espère que tu réussiras* = 'Надеюсь, что ты преуспеешь'), а второе – в более возвышенных контекстах (*Le vert, couleur d'espérance* = 'Зеленый, цвет надежды'). В свою очередь, понятие LIBERTÉ не имеет такого дублета, как это имеет место, например, в английском языке (*freedom* и *liberty*). В этой связи М. Абрамович подчеркивает, что во французском нет отдельного существительного, которое бы обозначало негативные проявления свободы, как польская *samowola*. Таким образом, во французском языке употребление лексемы *liberté* в том или ином понимании проясняется в контексте. В заключительной части сформулирована обобщенная дефиниция понятия *liberté* во французском языке в трех измерениях: онтологическом, субъектном и аксиологическом.

В статье «Понятие *Freedom* в английском языке» Агнешки Гицалы во вводной части автор отмечает, что польскому концепту WOLNOŚĆ 'свобода' в английском языке соответствуют понятия FREEDOM и LIBERTY. А. Гицала подчеркивает, что в данной работе она в основном исследовала понятие FREEDOM, «контрастируя его с понятием *liberty* только по мере необходимости» (с. 598). Вслед за известным лингвистом Анной Вежбицкой, исследовательница полагает, что понятие FREEDOM доминирует в современной англоязычной культуре, в то время как LIBERTY занимает второстепенное положение. В разделе «Состояние исследований (языковедческая рефлексия на тему анализируемого понятия)» А. Гицала отмечает, что к понятию FREEDOM обращалось довольно много философов и политиков, но при этом трудно найти лингвистические исследования по этой теме. В качестве ключевых фигур, изучавших английское понимание свободы, автор называет британ-

---

⁵ Здесь автор имеет в виду, что во время Второй мировой войны Франция не была оккупирована целиком: на юге страны существовал так наз. режим Виши (официально – «Французское Государство») – коллаборационистское правительство, возглавляемое маршалом Ф. Петеном.

ского философа и историка идей Исайю Берлина и упомянутую выше Анну Вежбицкую. А. Гицала подчеркивает, что оба ученых обращали внимание на то, что лексема *freedom*, в отличие от *liberty*, сочетается с предлогом *from* ('от'). Таким образом, в англосаксонской культуре образовалось особое, «негативное» понимание свободы (т. е. «свобода от чего-либо»), связанное с идеей «невмешательства», которое можно выразить формулой «Если мне что-то не хочется делать, я не должен этого делать» (с. 600). В разделе «*Freedom* в свете системных данных – обзор значений слова *freedom*» А. Гицала рассмотрела этимологию, синонимы и антонимы, гипонимы и коллокации понятия FREEDOM. Исследовательница отмечает большую разнородность и широту значений лексемы *freedom* в сравнении с польским словом *wolność*. В отличие от польского эквивалента, существительное *freedom* может быть как неисчисляемым (в качестве абстрактного понятия), так и исчисляемым (когда речь идет о конкретных типах свобод). Некоторые значения лексемы *freedom* не всегда переводятся на польский язык как *wolność* (или как *свобода* на русский). Так, словосочетание *freedom of the city* обозначает «почетное гражданство города» (с. 603). Приводится наблюдение автора о различии в понимании дополнительных смысловых оттенков данной лексемы в словарях разных англоязычных стран. Так, американские и позиционирующие себя как международные словари в качестве синонима лексемы *freedom* указывают слово *independence* 'независимость' в политическом понимании: 'отсутствие подчинения иностранному государству или деспотическому правительству'. В то же время в британских словарях такое дополнительное значение отсутствует. В этой связи также примечательно, что в британских словарях первое значение лексемы *freedom* формулируется в негативном плане (в значении 'свобода от'), в то время как международные словари дают достаточно простое определение этой лексемы как 'право или возможность делать, что хочется и идти, куда хочется'. Кроме того, А. Гицала отмечает, что в современном английском лексема *freedom* частично переняла на себя значение лексемы *liberty*. Так, коллокация *civil liberty* (также *civil liberties* во множественном числе) означает 'гражданская свобода' ('гражданские свободы'), однако конкретный вид той или иной гражданской свободы обозначается при помощи слова *freedom* (например, *freedom of speech* 'свобода слова') Интересно, что лексема *liberty* может выступать и с негативной семантикой – 'своеволие' (польск. *swawola*). Возможно, в данном контексте подходящим русскоязычным эквивалентом английской *liberty* было бы слово *вольность*. В разделе «*Freedom* в свете анкетных данных» исследовательница привела результаты анкетирования

британцев, которым был задан вопрос об их понимании сущности свободы (в опросе речь шла только о слове *freedom*). Примечательно, что 80% респондентов определили *freedom* как состояние («возможность делать что угодно без препятствий со стороны других людей или факторов»), а не право. При этом в рассмотренных автором англоязычных словарях значение лексемы *freedom* как определенного вида права обычно стояло на первом месте, в то время как значение состояния находилось на второй позиции (с. 609).

В разделе «*Freedom* в свете текстовых данных») А. Гицала рассмотрела употребление лексемы *freedom* в современных британских газетах. Автор выделила слова, с которыми чаще всего сочеталась данная лексема, например: *rights* ‘права’, *civil liberties* ‘гражданские свободы’, *national security* ‘национальная безопасность’ и др. Особо исследовательница отметила появление в сочетаниях с лексемой *freedom* слов с негативной коннотацией, таких, например, как *violence* ‘насилие’ и *terrorism* ‘терроризм’ (с. 613).

В итоге анализа А. Гицала сформулировала обобщенную когнитивную дефиницию концепта FREEDOM в современном английском языке, зафиксировав наличие в английском языке двух основных профилей концепта FREEDOM – *политически-правового в значении ‘право человека’* и *индивидуалистического в значении ‘возможность [англ. ability] личности’*. Политически-правовой профиль доминирует в публичном дискурсе, в СМИ, выступая в контексте тех или иных международных, политических, религиозных, этнических и прочих конфликтов, а индивидуалистический профиль преобладает в анкетных данных.

***

Закljučая нашу обзорную рецензию, посвященную анализу концепта СВОБОДА, подчеркнем его многоаспектность и комплексность, его развитие во времени и языковом пространстве, его базовый и ключевой характер для проанализированных лингвокультур.

При заданности основных параметров описания, направленного на создание когнитивной дефиниции понятия свободы в славянских языках и языках их соседей, тем не менее, в итоге понятие свободы имеет разный облик. Иными являются набор и конфигурация ценностей, по-разному расставляются акценты. Когнитивная дефиниция свободы, являющаяся развернутым комплексным текстом о структуре понятия свободы на основе целого ряда гуманитарных и общественных дискурсов позволила получить развернутое представление о концепте благодаря организации и кумуляции знаний, содержащихся в этих дискурсах.

Литература / References

1. *Abramowicz M., Bartmiński J.* WOLNOŚĆ – sztandarowa idea kultury europejskiej [Абрамович М., Бартминский Е. СВОБОДА – флагманская идея европейской культуры] // *Leksykon Aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / Pod red. Jerzego Bartmińskiego*. T. 4: Wolność / Red. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński. Lublin–Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii-Curie-Skłodowskiej, 2019. S. 15–57.
2. *Jurewicz J.* Pojęcie WOLNOŚCI w najstarszej kulturze indyjskiej [Юревич Й. Понятие СВОБОДЫ в древнейшей индийской культуре] // *Leksykon Aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / Pod red. Jerzego Bartmińskiego*. T. 4: Wolność / Red. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński. Lublin–Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii-Curie-Skłodowskiej, 2019. S. 75–89.
3. *Korus K.* WOLNOŚĆ w antycznej kulturze greckiej [Корпус К. СВОБОДА в античной греческой культуре] // *Leksykon Aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / Pod red. Jerzego Bartmińskiego*. T. 4: Wolność / Red. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński. Lublin–Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii-Curie-Skłodowskiej, 2019. S. 89–135.
4. *Smetoniene I.* WOLNOŚĆ – jedna z najważniejszych wartości Litwina [Сметониене И. СВОБОДА – одна из важнейших ценностей литовца] // *Leksykon Aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / Pod red. Jerzego Bartmińskiego*. T. 4: Wolność / Red. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński. Lublin–Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii-Curie-Skłodowskiej, 2019. S. 137–180.
5. *Bartmiński J., Niebrzegowska-Bartmińska S.* WOLNOŚĆ w polskiej lingwokulturze [Бартмиński Й., Небжеговска-Бартмиńska С. СВОБОДА в польской лингвокультуре] // *Leksykon Aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / Pod red. Jerzego Bartmińskiego*. T. 4: Wolność / Red. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński. Lublin–Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii-Curie-Skłodowskiej, 2019. S. 181–244.
6. *Vaňková I., Vodrážková V.* SVOBODA v českém jazykovém obrazu světa [Ванькова И., Водражкова В. СВОБОДА в чешской языковой картине мира] // *Leksykon Aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / Pod red. Jerzego Bartmińskiego*. T. 4: Wolność / Red. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński. Lublin–Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii-Curie-Skłodowskiej, 2019. S. 245–304.
7. *Кульпина В.Г.* *Свобода* как ценность в русской языковой картине мира // *Leksykon Aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / Pod red. Jerzego Bartmińskiego*. T. 4: Wolność / Red. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński. Lublin–Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii-Curie-Skłodowskiej, 2019. S. 305–368.
8. *Руденко Е.* Концепт СВОБОДА по данным белорусского языка // *Leksykon Aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / Pod red. Jerzego Bartmińskiego*. T. 4: Wolność / Red. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński. Lublin–Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii-Curie-Skłodowskiej, 2019. S. 369–392.
9. *Письменная Ю.* Концепт ВОЛЯ в українській лингвокультурі [Письменная Ю. Концепт ВОЛЯ в украинской лингвокультуре] // *Leksykon Aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / Pod red. Jerzego Bartmińskiego*. T. 4: Wolność / Red. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński. Lublin–Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii-Curie-Skłodowskiej, 2019. S. 393–430.
10. *Micheva-Peycheva K.* Концепт СВОБОДА в български език [Мичева-Пейчева К. Концепт СВОБОДА в болгарском языке] // *Leksykon Aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / Pod red. Jerzego Bartmińskiego*. T. 4: Wolność / Red. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński. Lublin–Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii-Curie-Skłodowskiej, 2019. S. 431–472.
11. *Драгичевич Р.* Понятие СВОБОДЫ в сербском языке и сербской культуре // *Leksykon Aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / Pod red. Jerzego Bartmińskiego*. T. 4:

- Wolność / Red. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński. Lublin–Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii-Curie-Skłodowskiej, 2019. S. 181–245.
12. *Kapetanović A., Miloš I.* Suvremena hrvatska jezična slika *SLOBODE* [Капетанович А., Милош И. Современный хорватский языковой образ *СВОБОДЫ*] // *Leksykon Aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów* / Pod red. Jerzego Bartmińskiego. T. 4: Wolność / Red. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński. Lublin–Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii-Curie-Skłodowskiej, 2019. S. 501–527.
  13. *Janoszczyk J.* Językowy obraz *FREIHEIT* we współczesnym języku niemieckim. [Яношчик Й. Лингвистический образ *FREIHEIT* в современном немецком языке] // *Leksykon Aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów* / Pod red. Jerzego Bartmińskiego. T. 4: Wolność / Red. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński. Lublin–Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii-Curie-Skłodowskiej, 2019. S. 529–572.
  14. *Abramowicz M.* Francuska *LIBERTÉ* [Абрамович М. Французская *СВОБОДА*] // *Leksykon Aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów* / Pod red. Jerzego Bartmińskiego. T. 4: Wolność / Red. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński. Lublin–Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii-Curie-Skłodowskiej, 2019. S. 573–596.
  15. *Gicala A.* *FREEDOM* w języku angielskim [Гицала А. *СВОБОДА* в английском языке] // *Leksykon Aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów* / Pod red. Jerzego Bartmińskiego. T. 4: Wolność / Red. Maciej Abramowicz, Jerzy Bartmiński. Lublin–Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii-Curie-Skłodowskiej, 2019. S. 597–618.

РИНА ПАВЛОВНА УСИКОВА – ЯЗЫКОВЕД, ПЕДАГОГ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

В.Г. Кульпина

RINA PAVLOVNA USUKOVA – LINGUIST, TEACHER AND PERSON OF NATIONAL IMPORTANCE

V.G. Kulпина

ABSTRACT

The article is devoted to Rina Pavlovna Usikova – Doctor of Philology, Professor of Lomonosov Moscow State University – and to her work as the Head of Slavonic languages and cultures Department, as well as her Slavonic and linguodidactic studies as a specialist on Bulgarian and Macedonian languages. The facts of Rina Usikova's personal and scientific biography are cited, special education of the Department's teachers is described. The question is about forming a body of new Department for teaching Slavonic languages students of the humanities. The body of the Department primary consisted of young people. Rina Usikova cared of scientific level of every member of the Department. All of the teachers finished post-graduate study and defended their PhD and doctoral dissertations. Rina Usikova was constantly engaged in scientific researches, teaching of Bulgarian and the series of disciplines on Macedonian complex. She participated in compiling of Bulgarian and Macedonian languages' text books, Macedonian-Russian dictionaries. She wrote Macedonian grammar and text book of Russian for Macedonians. She had wide scientific interests as well in classic linguistics areas as in applied linguistics. She defended her doctoral dissertation, then she was awarded the title of Honorary Professor of Lomonosov Moscow State University and became a Honorary member of Macedonian Academy of Science and Arts. The author of the article writes also about her experience of communication with Rina P. Usikova and about work under her leadership.

Keywords: Slavonic studies; history of Slavonic studies; personalia; scientific activity; didactics; dictionary; text book; Slavic languages; Bulgarian language; Macedonian language; Russian language; grammar; contrastive analyses; Rina Pavlovna Usikova (1933–2018).

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена доктору филологических наук, профессору Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Рине Павловне Усиковой, ее работе в качестве заведующей кафедрой славянских языков и культур, а также ее славистическим и лингводидактическим исследованиям в качестве специалиста по болгарскому и македонскому языкам. Приводятся факты личной и научной биографии Рины Павловны Усиковой, описывается ее кадровая политика. Речь идет о формировании коллектива новой кафедры, задачей которого было обучение славянским языкам студентов разных гуманитарных факульте-

тов. Коллектив преподавателей первоначально состоял преимущественно из молодых людей. Рина Павловна старательно заботилась о научном уровне каждого члена кафедры. Все преподаватели кафедры окончили аспирантуру и защитили кандидатские и докторские диссертации. Сама Рина Павловна постоянно занималась научными исследованиями и преподаванием болгарского языка и цикла дисциплин в области македонистики, участвовала в написании учебников болгарского и македонского языков, македонско-русских словарей, написала теоретическую грамматику македонского языка и учебник русского языка для македонцев. У нее были широкие научные интересы – как в классических областях языкознания, так и в области прикладной славистики. Она защитила докторскую диссертацию, стала почетным профессором МГУ имени М.В. Ломоносова и академиком Македонской Академии наук и искусств. Автор статьи В.Г. Кульпина пишет также о своем опыте общения с Р.П. Усиковой и работе на кафедре под ее руководством.

Ключевые слова: славистика; история славистики; персоналии; научная жизнь; дидактика; словарь; учебник; славянские языки; болгарский язык; македонский язык; русский язык; грамматика; сопоставительный анализ; Рина Павловна Усикова (1933–2018).

Рина Павловна Усикова (1933–1918) – доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ, ушла от нас два года назад¹. Мне понадобилось время, чтобы оценить ее научно-педагогические достижения и общечеловеческий вклад в работу нашей кафедры славянских языков и культур (которая в разные периоды называлась то межфакультетской кафедрой, то просто кафедрой славянских языков). Рина Павловна основала нашу кафедру в 1971 году и заведовала ею без малого 20 лет (1971–1989). После 1989 года, когда образовался наш факультет, Рина Павловна проработала на нем недолго, ей пришлось покинуть свое детище и перейти от нас обратно, теперь уже полностью и навсегда, на филфак, на свою материнскую кафедру, чтобы сохранить свою специализацию по македонскому языку (на нашей кафедре этот язык не преподается). Несмотря на горячую любовь к болгарскому языку, который она называла прекрасным и высокоразвитым, своим призванием Рина Павловна считала прежде всего изучение и преподавание македонистики. В бывшей Югославии македонский язык был языком Республики Македония, но после распада Югославии Македония стала самостоятельным государством (теперь Северной Македонией), а македонский язык приобрел статус государственного языка.

---

¹ Об истории кафедры в фактах и деталях рассказала в своей статье в журнале *Stepanos* доцент нашей кафедры Ирина Вадимовна Платонова [Платонова 2018]. В этом же журнале есть статья «Памяти Рины Павловны Усиковой» ее талантливой ученицы Елены Владимировны Верижниковой [Верижникова 2018]. Мне хотелось бы рассказать о кафедральной атмосфере того времени.

Наш коллектив Рина Павловна создавала с нуля, и состоял он первоначально преимущественно из молодых преподавателей, со студенческой скамьи. Рина Павловна чрезвычайно ответственно отнеслась к доверенной ей миссии. В моем представлении она была настоящим государственным человеком, радевшим об интересах государства в подготовке кадров со знанием славянских языков. Она постоянно внушала нам, что университетский преподаватель обязательно должен развиваться, заниматься научной языковедческой работой и лингводидактикой, продумывать свое преподавание вплоть до мелочей. Всё это ложилось на благодатную почву.

На кафедре я работаю с года ее основания. Еще до поступления на филфак МГУ я узнала (прожив год в Чехословакии с родителями, работавшими на нефтепроводе «Дружба»), что славянские языки очень похожи. Тогда, в Чехословакии, я сталкивалась постоянно со словацким и чешским языками, учила их на курсах и «вживую». В студенческие годы моим стремлением было выучить все славянские языки (цель оказалась недостижимой, поскольку их очень много). Ретиво взявшись за болгарский язык под руководством замечательного болгариста Надежды Васильевны Котовой, создавшей совместно с болгарским ученым Мирославом Енакиевым нашумевшую научную «Граматику болгарского языка», через год я стала посещать также занятия по македонскому языку, который преподавала Рина Павловна, и «подпала» под его обаяние (он красив, напевен, и в нем есть оригинальнейшие грамматические категории).

Позже оказалось, что с македонским мне особенно повезло. А именно: когда годы спустя Рина Павловна, став заведующей, формировала кафедру, она вспомнила про меня, с энтузиазмом изучавшую не только польский язык основной специализации, но и – под ее руководством – македонский язык, и пригласила работать на кафедре. Доверив свою дальнейшую судьбу Рине Павловне, я ушла с любимой переводческой работы, и жизнь потекла в совершенно ином русле. Трудно было привыкнуть к совсем другому рабочему графику, например, что на работе не надо находиться с девяти до шести, а после занятий можно смело идти домой, но именно дома нужно очень старательно планировать свое время и много работать не только на сегодняшний день, но и на перспективу.

На кафедральных заседаниях в повестке дня всегда много места отводилось вопросам, что именно следует преподавать на наших базовых факультетах (географическом, журналистики, историческом, философском, экономическом и юридическом), какова должна быть преподава-

емая грамматика, как должны выглядеть пропорции между общелитературным языком и языком специальности. Кто-то из преподавателей не прочь был почитать со студентами-географами сказки. Рина Павловна твердой рукой пресекала такие поползновения, требуя, чтобы преподаватели всегда держали в голове специализацию студентов. Во главу угла ставился принцип сопоставительного изучения славянских языков (используемый, естественно, и при изучении других близкородственных языков, например, немецкого и фламандского). А там, где занимаются сопоставительным анализом, обязательно уделяют значительное внимание переводу со всеми его особенностями и нюансами, характерными для проблематики перевода со столь близких языков.

По такому принципу строятся и наши отечественные учебники по славянским языкам. Очень важно не утратить эти основы, когда приоритет отдается, к примеру, коммуникации. Рина Павловна, будучи теоретиком и переводчиком-практиком (и письменным, и синхронным) прекрасно разбиралась в проблемах перевода и сопоставления языков. Важно еще, что она понимала роль преподавателя в воспитании, образовании и формировании дисциплины у обучаемых нами студентов. Ее авторитет был естествен и непререкаем.

Рина Павловна всех наших молодых преподавателей сумела направить в аспирантуру. И надо сказать, что все мы многотрудно, но свои диссертации защитили. А еще – научились писать не только статьи, но и учебники, учебные пособия и программы – прогресс шел полным ходом.

После защиты моей диссертации по синтаксису местоимений Рина Павловна вызвала меня на ковер и попросила развернуться лицом к прикладным аспектам лингвистики и лингводидактики, учитывая профиль факультетов, на которых мы тогда преподавали (в то время у нас еще не было своих студентов – специалистов по славянским языкам). С места в карьер пришлось включиться в проблемы лексикологии, лексикографии, терминоведения и лингводидактики. Это был другой мир, меня ждала серьезная перестройка, но, пройдя все ее этапы, об этом не жалею. А крутой синтаксис, которым я занималась в аспирантуре, волнует меня по-прежнему – и, может, что-то существенное мне удастся еще сделать и на этом поле. Сама Рина Павловна успешно сочетала в себе теоретика и прикладника. Она является соавтором и редактором учебников болгарского языка для отечественных студентов, автором учебника русского языка для македонцев и, конечно, автором учебника македонского языка.

Рина Павловна была очень нежным и толерантным преподавателем македонского языка (говорят, также и болгарского), но в качестве зав. кафедрой ее облик можно было бы нарисовать словами *Железная леди*. В то же время она не была сухарем, а была человеком остроумным и вполне компанейским. После заседаний кафедры мы часто и много пели. Все наши преподаватели знают много песен на славянских языках и, конечно, много наших отечественных песен. Время от времени Рина Павловна приглашала нас к себе на вечеринки, душой которых был ее супруг, Чеслав Викентьевич Лупинович, радиожурналист, ветеран войны, веселый и обаятельный человек. После его кончины его дочь Лена стала Рине Павловне подругой и опекуном. Вечеринки у Риной Павловны превращались в настоящие песенные феерии – к нашей большой радости. У славян песенный фонд народных песен совершенно неиссякаем. Песни славянских народов распевались и в студенческой аудитории. Они звучали и на вечерах «Славянская весна», регулярно организуемых кафедрой для наших студентов.

Вовлекая нас в научную работу, а то и просто к ней понуждая, Рина Павловна сама постоянно занималась исследовательской работой. В 2005 г. ею была защищена докторская диссертация «Современный литературный македонский язык как предмет славяноведения и балканистики» [Усикова 2005б]. Мне и моему супругу Виктору Андреевичу Татаринovu довелось писать отзыв на этот труд, что мы сделали с большим интересом и удовольствием. Ею написано – в основном еще в докомпьютерную эпоху – более ста двадцати научных работ, много книг, словарных изданий, статей, в том числе для энциклопедий. Среди монографий, учебников и словарей хотелось бы упомянуть раздел «Македонский язык» в книге «Славянские языки» серии «Языки мира» [Усикова 2005а], несколько учебников болгарского языка (в соавторстве) (см., напр., [Гинина, Платонова, Усикова 1985]), «Граматику македонского языка» [Усикова 2003] (уникальнейший труд) (см. также [Усикова 1967; Усикова 1985]), «Македонско-русский словарь» [Македонско-русский словарь 1997], изданный в Скопье в трех томах – она была его редактором и одним из составителей, и «Македонско-русский словарь», изданный в Москве [Македонско-русский словарь 2003], в котором она также была редактором и одним из составителей, а также учебники по русскому языку для иностранных учащихся (см., напр., [Усикова 1996]). Совместно с В.А. Татариновым о ее Грамматике и Словаре мы написали статьи для издания ИНИОН РАН «Социальные и гуманитарные науки» в серии «Языкознание» [Кульпина, Татаринов 2004; Кульпина, Татаринов 2005].

Ее последним в жизни научным трудом стала небольшая брошюра «Сопоставление литературных южнославянских балканских болгарского и македонского» [Усикова 2016]. Рина Павловна вложила в нее весь остаток сил, в то же время она говорила, что эта работа поддерживает ее жизнь. Брошюра увидела свет в журнале *Stephanos*. Затем была опубликована в Польше (в печатном и электронном виде) ее благодарным учеником, русистом, полонистом и славистом широкого профиля, выпускником МГУ – польским профессором Яном Вавжинчиком, которого она обучала болгарскому языку. Вспоминая Рину Павловну и ее уроки, он всегда говорит о ней – *дорогая Рина Павловна*.

Я хорошо знаю эту ее работу, потому что помогала готовить ее к печати, и бережно храню вышедший бумажный экземпляр, восхищаясь уникальностью этого труда. В этой брошюре Рина Павловна сумела очертить границы между двумя близкородственными языками. Работа раз и навсегда положила конец дискуссиям на тему, есть ли македонский язык или это лишь диалект болгарского языка. Рина Павловна мрачно шутила по этому поводу – если македонского языка нет, откуда же я его знаю.

Это сейчас уже понятно, что македонский язык есть, но лучшие годы жизни Ри́ны Павловны ушли на доказательство этого факта. Ее вклад в македонистику был по достоинству оценен в Македонии, где ей было присвоено звание академика Македонской академии наук и искусств. Многие ее труды вышли в Македонии на македонском и русском языках.

Важной вехой и сладким воспоминанием – в научном и человеческом измерении, стала для нее поездка в Австралию по приглашению внушительной диаспоры австралийских македонцев, которые принимали ее с невероятным радушием.

Наша кафедра была большая и дружная. На день рождения всегда можно было рассчитывать на открыточку с поздравлениями, а на каждый день – на справедливость. В нынешнем учебном году, уже сейчас, в ноябре 2021 года, исполняется 50 лет со дня образования нашей кафедры. Покинув кафедру институционально, Рина Павловна продолжала нас курировать, близко к сердцу принимая наши успехи и неудачи. Конечно, она была бы рада отпраздновать юбилей вместе с нами на благо университетского образования. Будем помнить о ней.

Думаю, что коллеги меня поддержат в том мнении, что Рина Павловна Усикова доблестно служила своей профессии и государству. Таковой она и останется в нашей благодарной памяти.

Литература / References

1. *Верижникова Е.В.* Памяти Рины Павловны Усиковой // *Stephanos*. 2018. № 6. С. 262–266.
2. *Гинина Ст., Платонова И.В., Усикова Р.П.* Учебник болгарского языка. М.: Изд-во Московского университета, 1985.
3. *Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* Реф. кн.: Усикова Р.П. Грамматика македонского литературного языка. М.: Муравей, 2003. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. 2004. № 2. С. 170–178.
4. *Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* Реф. кн.: Македонско-русский словарь / Сост. Усикова Р.П. и др. М.: Астрель, АСТ, 2003. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. 2005. № 3. С. 184–187.
5. Македонско-русский словарь. Македонско-русски речник. В 3 т. / Р.П. Усикова, З.К. Шанова, Е.В. Вержникова, М.А. Поварничина / Ред. Р. Усикова. Скопје, 1997.
6. Македонско-русский словарь. Македонско-русски речник / Р.П. Усикова, З.К. Шанова, Е.В. Вержникова, М.А. Поварничина / Под общ. ред. Р.П. Усиковой и Е.В. Вержниковой. М.: Астрель, АСТ, 2003.
7. *Платонова И.В.* Рина Павловна Усикова как организатор и первый заведующий межфакультетской кафедрой славянских языков Московского университета. *Stephanos*. 2018. № 2. С. 134–140.
8. [Усикова Р.П. Морфология имени существительного и глагола в современном литературном македонском языке. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 1967.](#)
9. *Усикова Р.П.* Македонский язык. Грамматический очерк к текстам для чтения с комментариями и словарем. Скопје: Македонска книга, 1985.
10. [Усикова Р. Руски јазик за сите. Курс за напреднати = Русский язык для всех. Курс для продвинутых. Скопје: Матица македонска, 1996.](#)
11. *Усикова Р.П.* Грамматика македонского литературного языка. М.: Муравей, 2003.
12. *Усикова Р.П.* Македонский язык // Языки мира. Славянские языки. М.: Academia, 2005а. С. 102–139.
13. *Усикова Р.П.* Современный литературный македонский язык как предмет славяноведения и балканистики: Дис. ... д-ра филол. наук в форме научного доклада. Специальность 10.02.03 – Славянские языки. М., 2005б.
14. *Усикова Р.П.* Сопоставление литературных южнославянских балканских болгарского и македонского. Warszawa: Wawrzyn, 2016.

АВТОРЫ ВЫПУСКА / AUTHORS

Бабоша, Иван Александрович / Babosha, Ivan Aleksandrovich – магистрант исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

E-mail: ivanbabosha@yandex.ru

Бартминьский, Ежи / Bartmiński, Jerzy – Dr. habil., профессор Института польской филологии гуманитарного факультета Университета имени Марии Кюри-Склодовской (Люблин), академик Польской академии наук

E-mail: jerzy.bartminski@poczta.umcs.lublin.ru

Ерофеев, Илья Дмитриевич / Erofeev, Ilya Dmitrievich – магистрант исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

E-mail: ilya.sapsan.erofeev@mail.ru

Красных, Виктория Владимировна / Krasnykh, Victoria V. – доктор филологических наук, профессор кафедры общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: victoryvk@gmail.com

Кульпина, Валентина Григорьевна / Kulpina, Valentina Grigorievna – доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

E-mail: vgrkulpina@mail.ru

Лазуткина, Елена Михайловна / Lazutkina, Elena M. – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН

E-mail: lazutkelena@yandex.ru

Одинцова, Ирина Владимировна / Odintsova, Irina V. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: ascot.irina@yandex.ru

Пишеничный, Александр Михайлович / Pshenichniy Aleksandr Michajlovich – магистрант исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

E-mail: pshenichniy-michail@mail.ru

Чернейко, Людмила Олеговна / Cherneyko, Lyudmila O. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: avollis@mail.ru

Научное издание

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 63

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию,
авторы тем самым выражают согласие с их безгонорарным опубликованием
в сборнике «Язык, сознание, коммуникация» в печатном и/или электронном виде

Ответственность за высказываемые идеи несут исключительно авторы статей

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Главный редактор: *Е. М. Бугачева*

Подписано в печать 20.12.2021 г.
Формат 60x90 1/16. Усл.печ.л. 9,75.
Тираж 500 (1–50) экз. Изд. № 192.

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)939-3890/93. Тел./Факс 8(495)939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
115201, г. Москва, ул. Котляковская, д.3, стр. 13.